

MAGIC OF THE WORLDS

ИРИНА ЛАЗАРЕНКО

МАГИЯ
ТЕНИ

— Неизлечимые —

Annotation

Мир изменился...

Сверхспособности теперь мало что решают. Магов затягивает в водоворот событий так же, как обычных людей. Нет, еще сильнее, потому что разуверившиеся в волшебстве ортайцы все чаще приходят к ним не с пряниками. Даже лучшие друзья подводят — и кому можно верить? Уж не странным ли существам, что вышли из Самой Страшной Чащи и смотрят на магов как на еду? Как знать — новый мир полон дивных открытий. И теперь, как никогда прежде, выбор приходится делать не только за себя.

- [Ирина Лазаренко](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Эпилог](#)
-

Ирина Лазаренко

Магия тени

Глава 1

Неразлучники

Это другие маги, иначе устроенные. Они не ощущают себя частью общины, не желают вмешиваться в дела людей, не чинят вреда, не приносят и пользы. Таких магов нельзя переубедить или перевоспитать. Нам следует понять это и оставить их в покое.

Из выступления ректора в столичном совете

Просто отвяжитесь от меня!

Любой некромант

Столицы больше не было.

В некоторых домах еще оставались люди — тяжелые больные, старики и пьяницы. Бродили по пустым улицам брошенные шавки, кошки и куры — отощавшие, обалдевшие. И две-три лавочки делали вид, что работают, стыдливо запирая двери на засовы сразу после заката.

Это были конвульсии умершего города. Отходящее сжатие мышц — так, бывает, бьет крылом обезглавленная птица.

Столица обреченного мира должна была стать пристанищем обездоленных всего края — но она погибла первой, и вовсе не от той напасти, что выедала другие ортайские земли.

* * *

Гласный маг отыскался в аптеке. Ко входу пришлось пробираться по узким мосткам меж оборонительных заграждений, а прежде — выдержать подлинный допрос строгого стражника, пока четверо других держали руки на рукоятках мечей и недобро рассматривали путников. Стражники кривили губы, щурили глаза, разглядывали знак Магической Школы, предъявленный одним из посетителей.

Да и без знаков можно догадаться, что маги пожаловали! У мужика

постарше взгляд тяжелый, цепкий — чисто колдовской, и глаза едко-болотистого цвета. На лбу и вокруг рта недовольные складки, словно он заранее порицает все, что увидит. Второй маг, что со знаком Школы, — он моложе, у него усталая улыбка и добрый взгляд, но по этому взгляду понятно, что дурь из его головы еще не выветрилась. Ну точно магистр школьный!

Оба темноволосы, патлаты, высоки ростом. Одежда на них измята после долгой дороги. Позади путников стоят кони — какие-то пришибленные, вялые.

Ничего не придумав, стражники послали в лекарню за младшим целителем — молодым косолапым гномом. Тот появился не скоро, пробухтел что-то в грязный ворот рубахи, осмотрел лица и ладони путников, снова невнятно буркнул, круто развернулся и почапал обратно.

Стражники сочли его ворчание за позволение и наконец пропустили магов.

— Кто б мог предвидеть, что лекарня станет средоточием всего самого жизнеспособного в городе, — мрачно пошутил Гасталла, чеканя шаг по мосткам. Все произошедшее он перенес с полной невозмутимостью, ничем не выказав ни удивления, ни недовольства, ни даже презрения к стражникам и целителю — хотя наверняка их испытывал.

Дорал покосился на спутника и не ответил. Увязавшийся следом некромант был хмур и ворчлив, и смущал его тем, что, как подозревал Дорал, Гасталла знал о случившемся в столице больше его самого, а также больше местных жителей, гласных магов и, возможно, самой Божини.

— Магистр! Магистр Дорал!

Петля меж матрасами, разбросанным повсюду скарбом и группками людей, что сидели и лежали прямо на полу, к ним спешил молодой маг. Худощавый, бледный, с медно-рыжими короткими волосами, стоящими дыбом, с лицом, усеянным пятнами веснушек, он походил на потерявшегося в сутолоке подлетка, а не на последнего представителя Магической Школы в Арканате.

Дорал вздохнул. Он надеялся, что из трех столичных гласников на месте остался кто-нибудь постарше и потолковей. Впрочем — хвала Божине, что вообще кто-то остался.

Молодой маг несея к ним, сияя как утренняя зорька, и Дорал на вздох замешкался — ему показалось, что гласник бросится обниматься. Бывшие ученики обыкновенно были непритворно рады видеть своего наставника, но не настолько, чтобы позволять себе подобное панибратство.

Однако маг, приблизившись к гостям, остановился, прижал руки к

груди и ограничился в проявлениях чувств восторженным щенячьим взглядом снизу вверх и облегченным:

— Хвала Божине, ректор откликнулся!

Дорал зачем-то обернулся к Гасталле. Тот хмыкнул. Лицо гласника вытянулось.

— Вы же... магистр, вы же тут не случайно очутились? Вы же помочь нам приехали? Других магов привезли?

Выражение лица Дорала утвердило гласника в худших опасениях, и улыбка его стухла совсем.

Магистр сконфуженно развел руками, перехватил сползший ремешок котомки на плече и вдруг понял, что очень устал. От полных надежды взглядов со всех сторон, от отчаянных историй, от дороги, от собственного непонимания происходящего и даже от этого места, порог которого только что переступил, — тоже устал. От душного и тошного запаха, от рези в глазах из-за чада светильников с жиром, от назойливого гула десятков голосов...

Стареешь, магистр. Становишься брюзглив и жалеешь себя. Куда это годится.

Дорал улыбнулся молодому магу, положил руку ему на плечо.

— Будет печалиться, Аяс. — Смекнув по выражению лица гласника, что печалиться все-таки есть о чем, магистр быстро добавил: — Мы здесь — и это главное, верно? Потому что — что?

— А что? — послушно, как в годы ученичества, спросил гласник.

— А то, что теперь ты не единственный маг в Арканате. Пойдем, присядем где-нибудь, расскажешь, что тут произо...

— И хорошо бы, чтоб там, где мы присядем, была вода и еда, — встрял Гасталла. — И хорошо бы — не заразные. А если там еще и выпивка окажется — я примирюсь с этим местом хотя бы на время беседы. Омерзительно вы устроились! Чем тут люди болеют, а? Вонница — аж глаза выедает!

Гласник пристыженно вжал голову в плечи и махнул рукой, приглашая следовать за собой. Кончики его ушей покраснели.

Дорал глянул на Гасталлу с укоризной, но некромант лишь скривил губы и, чеканя шаг, последовал за гласником.

* * *

Аяс привел гостей в огороженный ширмами закуток. Там стояли

кровать, небольшой сундук, столик и пара стульев, висели полки с посудой. Гласника устроили со всеми удобствами, какие возможны были в этом месте, где под одной крышей собралось полсотни горожан: остальные спали на плотно сдвинутых матрасах, отгородившись с двух сторон ширмами от других семейств. Их вещи лежали там же, в тюках у изголовий, а трапезничали все вместе за длинными столами, стоящими в ряд под окнами, — на большее места просто не оставалось. Справедливости соблюли сколько получилось: гномьим семействам места поменьше, оркам — побольше.

— На втором этаже так же? — Дорал кивнул на полотняную шторку.

— Там недужных собрали. — Гласник быстро раскладывал на столе снедь: лепешки, вяленину, мешочки с сушеными фруктами, мед. Налил в кувшин воды из ведерка, поставил меж двумя плоскими, где потрескивали тряпки в жиру. Из-под кровати вытащил плетенку с вином. — Главный лекарь сказал, что лучше один раз их наверх поднять, чем если здоровые каждый день будут мимо ходить. И не пускает туда никого.

— Значит, все-таки недужные, — повторил Гасталла, — значит, все-таки не вы тут отхожие места под матрасами устроили. Воняет — жуть! Жуть как воняет!

— Чем болеют? — перебил некроманта Дорал и уселся на сундуке, с удовольствием вытянув ноги.

— Синей смертью, — неохотно ответил гласник, провел ладонью по лицу и затараторил: — Там большинство приезжие, селяне, местных почти не задело. Лекари говорят, это все от дурной воды, это не тутошнее — просто в ихнем поселке озеро попортилось, а когда они от мертвяков-то сюда побежали, то и заразу приволокли, но только из местных мало кто заболел, и вы не думайте, лекари никого наверх не пускают...

— Синяя смерть, значит, — протянул Гасталла и посмотрел на Дорала, как бы спрашивая: как тебе такой поворот? Лицо магистра было непроницаемым. Некромант вздохнул и повторил: — Синяя смерть. Везет мне этой осенью на всякую дрянь. Как началась осень — так и везет.

Махнул рукой, плеснул вина в три кружки. Дорал взял свою, с удовольствием вдохнул фруктовый запах. Сливовая, что ли?

Некроманта он не понимал. Сам ведь увязался на тракте. Нужно ему было в столицу позарез; знал, что плохо тут и что опасно, — но ехал, бдыщевая мать его разберет, зачем. Теперь, прибыв на место, по своим делам он явно не собирался, хвостом следовал за Доралом и всем видом давал понять, что так и должно быть. Ну прям как будто его дела и дела Дорала — одно и то же!

Магистр посмотрел на Гасталлу. Тот усмехался, отчего складки у рта становились глубже, а мрачная рожа — еще более неприятной.

Да еще вот синяя смерть.

Как будто мало прочих смертей. Щедро на них в последние месяцы земля ортайская. На всякие смерти. Странные, страшные, неожиданные и ожидаемые. Неизвестно, которые хуже.

— Рассказывай, Аяс, — спокойно велел магистр и отхлебнул вина. Хорошее вино. Крепкое, сладко-терпкое. И откуда оно взялось в лекарне мертвого города? — Рассказывай с самого начала.

— С начала — это после того, как государь утек? — уточнил гласник.

— У... что?

Некромант ухмыльнулся — растерянный Дорал выглядел очень потешно. Небось нечасто ученики, хоть бывшие, хоть нынешние, видят своего магистра с такой дурной рожей.

Бывшие, тут же напомнил себе Гасталла, только бывшие. Ортайская Школа больше не обучает молодых магов. А меравийской уже полгода нет — до последнего камешка разрушена меравийская Магическая Школа лютым землетрясением, случившимся в крае, где никаких землетрясений сроду не было. И как тут не начать верить Божиня ведает во что?

— С самого начала, Аяс. — Дорал одним глотком допил вино, стукнул кружкой по столу и решительно отодвинул бутылку. Налил себе воды. — Мы совсем не знаем, что тут произошло. Рассказывай.

* * *

— Это еще весной началось, магистр, только мы поздно спохватились. Нам тут трудностей хватало, головы не поднять, ну как везде, знаете: еды мало, люди болеть стали. Иногда на целые улицы какая-то дрянь налетала, с сыпью и жаром. Нас, гласников, тогда еще трое было, но мы все равно с ног валились — стражникам помогали, лекарям, ну и люди с обращениями шли, как обычно. Народ сновал туда-сюда: из города уезжали по селам, к родичам, а многие, напротив, из сел приезжали сюда. Наверное, друг другу пальцами у головы крутили, сталкиваясь на тракте. С приезжими хлопот было много — то болячку приволокнут, то воровать повадятся. В рабочих кварталах одно время даже стража вечерами не показывалась, потому как боязно было.

— К делу ближе давай. — Некромант нетерпеливо перебрал пальцами по столу. — Ближе к делу. Трудности у всех одни и те же в последние годы,

что в ваших ортайских городах, что у нас в Меравии. Одни на всех у нас трудности! Про них мы сами все знаем!

Дорал непритворно удивился, услышав, что Гасталла приехал сюда аж из Меравии. Хотя совместная ортайско-меравийская некромантская лаборатория именно там и находилась — в самом южном крае Идориса, в горах Драконовых. Но это ж даль какая, переходов пятьсот! По нынешним беспокойным временам нужны очень серьезные основания, чтоб решиться на такое путешествие, да еще и в одиночку.

Гласник ответил Гасталле неожиданно резко:

— Магистр сказал — рассказывать с самого начала, так я с начала и рассказываю. А еще — вы ведь сами спросите, отчего мы весной не обратили внимания на мертвяков. Спросите, да? Так я и объясняю сразу, отчего.

Гасталла поджал губы и скупно кивнул. Дорал усмехнулся.

Что ж за интерес у некроманта в ортайской столице, а? Неужто сугубо свой, некромантский? Так на кой ему сюда тащиться было, когда он сам может поднять столько мертвяков, сколько потребуется?

— Однажды стражники убили мертвягу на тракте, — продолжал гласник. — Это, конечно, дело такое, необычное, но во всем нашем вареве напастей оно прошло так... почти мимо. Мы, конечно, останки осмотрели — ну вроде обыкновенный мертвяга, как на картинках. Думали, некромант молодой мимо пробежал, резвился. Они ж бывают такие, шалые.

Гасталла опустил глаза, неожиданно смутившись. Хотя с чего бы? Он-то к молодым и шалым никак не мог себя причислять, у него-то наверняка была за плечами многолетняя исправная служба — а вот причины нарушать закон, поднимая мертвяков где попало, напротив — не было.

Или была? Бдыщева мать их знает, некромантов!

Заметив взгляд Дорала, Гасталла поморщился, обернулся к Аясу и вкрадчиво спросил:

— И что, вас это настолько не встревожило, что вы даже на погост не сходили?

— Старшие гласники сходили. Сторонних истечений не почуяли, разрытых могил не увидели. Но сообщение в Школу отправили, как положено.

— И что Школа?

— Долго молчала, а потом ответ прислала: действовать по предписаниям, то-се... отписку сляпали, словом. Да, еще друзья нескольких семейств, которые в села уехали, жаловались, что те им весточек не шлют. А выезжали они все через северные ворота. И еще с

северной стороны торговцам, бывало, товары не доходили. Ну и пошли всякие слухи — про страховидлов на северном тракте, невидимых человеческим взглядом и неуловимых для маговского чутья, про кару Божинину, про грехи наши тяжкие и про то, что дождина огненная вот-вот как есть сметет столицу к той самой матери.

— И что стражники, по северному тракту не ходили?

— Ходили, но недалечко. Так-то оно не ихнее дело теперь, сами ж понимаете. Стражничьи дозоры уже года два как перестали по дорогам разгуливать, потому что никакой стражи не напасешься, это ж теперь везде такое — без призорцев совсем порядка не стало...

Гасталла снова нетерпеливо перебрал по столу пальцами.

— А в середине хлебородня все и случилось. Дядька государев помер, не слышали? Да он уже совсем плохой был, не просыхал, считай. Ну и собралась на погост процессия, сам я там не был, но стражники говорили — тьма народу пришла! И не добралась еще та процессия до семейного склепа, как углядели — могилы разрытые, многие десятки могил, а в них гробы, разбитые снизу, а меж могил с урчанием рыщут полчища...

— Мертвяг, — подсказал Дорал.

— Зверей, — понизил голос Аяс. — Волков. Псов одичалых. И все здоровенные-е!

— Разожрались на дармовой мертвечине! — осенило Гасталлу. — Разожрались звери. Вот так поворот!

— Люди, конечно, оторопели. Бабы визг подняли. А звери как пойдут бросаться на людей — по двое, по трое кидались, валили на землю и жрали живьем прям там, средь могил!

Некоторое время все молчали, потом Гасталла покачал головой и медленно проговорил:

— Как вышло, что это обнаружилось лишь в конце лета? Ладно, маги — бестолочи безглазые, а стражники — лентяи, но что же, до хлебородня никто другой на погост не заходил? Неужто в городе никто не помирал? От жара с сыпью, от разбойных нападений, от старости, от стражничьей ретивости? Так-таки не помирал никто?

— Еще как помирали, — обиделся за стражничью ретивость Аяс, — только свежепомерших мы уже года два хороним на новом, на южном погосте. Государев указ! Дескать, северный старый погост — он разросся уже до того непотребно, что скоро станет поперек Арканата шире и придется не то что огороду переносить, а тракты двигать, потому как совсем уже впритык погост подобрался. Так что свежих покойников всех на южный волокли...

— Выходит, гласники проверили южный погост, на котором все спокойно, — сообразил Гасталла, — а северный погост, полный мертвяг, — не проверили! — Некромант обернулся к Доралу. — Твои выпускники — они все недалекие или Школа для столицы нарочно таких отобрала? Нарочно отобрала недалеких?

— Да не могли они со старого погоста приходиться! — повысил голос гласник. — Они свежие были, я видел! С мясом, с глазами, даже кожа нетлелая! Нет таких покойников на северном погосте, там третий год никого не хоронят!

Некромант цокнул языком, откинулся на стуле и уставился в закопченный потолок, скрестив руки на груди. Дорал потер лоб.

— Аяс, мертвягу не зря называют перерожденным, — тихо сказал он. — Когда некромант оживляет труп — он взаправду перерождается, обретая все необходимое для жизнедеятельности, понимаешь?

Аяс закрыл глаза ладонями. За три года работы столичным гласником, пусть и младшим, он почти отвык чувствовать себя беспомощным балбесом.

— Значит, можно хоть десятилетний труп поднять свеженьким, да? Значит, вот почему они не воняли. Значит...

Маг глухо застонал и стал покачиваться взад-вперед.

— Во дурачье, — негромко сказал потолку Гасталла.

— Но мы же писали в Школу! — вскричал Аяс, отняв от лица ладони. — Писали про мертвягу весной, а потом просили помощи, дважды: первый раз — наутро после тех похорон, а второе письмо я отправлял дней пятнадцать тому — считай, с последним голубем, заводчики-то тоже поразбежались, а я...

— Быть может, голуби не долетали? — предположил Дорал. — Теперь вокруг такое творится!

Гласник замотал головой.

— Ответы из Школы приходили. Такие же бесполезные, как первый: дескать, сидите, бдите, действуйте по предписаниям, уповайте на Божию. А на Божию, магистр, мы как-то уж не очень уповаем после той ночи, когда из божемольни мертвяки полезли!

— Из божемольни?!

— Ну да! В тот день, когда государева дядьку на погост везли, — люди-то еле ноги оттуда поуносили, звери ж за ними гнались всю дорогу! Считай, вся стража там полегла, что была с ними, они животных задержать пытались. А на воротах тоже заминка вышла, пока сообразили, что к чему, — в общем, звери и в городе побезобразничать успели. И, магистр, вот еще,

— Аяс сцепил пальцы, сильно сжал руки, — Мэггон тоже там погиб, у ворот.

Дорал на вздох прикрыл глаза. Он с самого начала подозревал, что не просто так в городе остался только Аяс, младший из магов. Что не все столичные гласники выжили. Но чтобы Мэггон дал убить себя какой-то вшивой шавке? Серьезный, сильный маг, пусть и несколько самоуверенный, как большинство эльфов с эллорскими корнями...

Сколько раз за последние два-три года Доралу приходилось слышать о гибели выпускников Школы, которых он обучал оборонной магии? Сколько раз они погибали вот так, как Мэггон, в числе первых, выполняя свое маговское назначение — спасти людей от напасти? И каждая такая весть для Дорала была болезненным ударом и немым укором: может быть, это твоя вина, магистр? Может быть, ты недостаточно хорошо научил его обороняться?

Аяс, помолчав, заговорил снова, чуть громче:

— А государь в тот же день, не дожидаясь утра, со своим сопровождением через южные ворота утек... ну выехал, значит. Бросил нас тут как есть, магистр! В городе такая неразбериха началась — не знаешь, за что и хвататься, никто не понимает ничего, никто ни за что не в ответе, все перепуганные, бегают! Ну а тела людей, которых звери в городе порвали, мы отнесли в божемольню на ночные молебства, все как полагается.

— А зверей забитых куда дели?

— Выкинули в ров. Той ночью, магистр, мало кто спал в городе, все напуганные были, ждали, что новая пакость приключится. И н тебе — не обманулись! Потому как в полночь, магистр, мертвые восстали! Те покойники, что в божемольню на молебства были отправлены, — они все разом встали да пошли! Жрец придурошный от них во двор выскочил, ромашку поджег да давай отмахиваться!

Гасталла расхохотался, но быстро умолк под двумя сердитыми взглядами.

— И что жрец?

— Да что... Стражники прибежали, упокоили мертвяг, так что жрец живой остался, только глаз у него дергался потом. Жуть какая, представляете? Эти мертвяки — они ж все были нашими горожанами еще вечером! И Мэггон тоже был там, он тоже стал мертвягой, вы понимаете?

Дорал скупно кивнул.

— Ну, значит, стражники их всех порешили, у стражников руки не дрогнули, хвала Божине. А люди-то перепуганные набежали, поглядели на это дело, да как всколыхнулись! Поперед стражи с дубьем и факелами

бежали по улицам, с дурных глаз столько собак во дворах положили! И, едва рассвело, люди тикать начали, тоже через южные ворота. Знаете, они и до того были взбаламученные, в последний год много худых слухов ходило: что наш край погибает и что зараза идет от дриад, а поскольку Арканат — один из ближних городов к дриадскому краю, то все мы тут вымерем первыми и надо тикать. Малоумные, как им положено, голосили — все про голод, болезни и безумие, и что мертвые восстанут как живые, и что будет это великое знамение о гибели города. Ну, эти перерожденные — они не то чтобы как живые прям встали, но люди-то все равно про эти пророчества сразу вспомнили. Часть горожан увел тот жрец, который ромашкой на мертвяг махал. Если покойники оживают, сказал, — значит сама Божиня предупреждает всех людей, и что теперь он со своими последователями обязан посетить все шесть краев Идориса и принести туда скорбную весть. И слухи, видать, разошлись, да такие, что даже селяне с продуктами в город ездить перестали, тракты как вымерли. Словом, магистр, горожане все уезжали и уезжали, а в городе пустее да тише становилось. Раза три прибывали-таки обозы с едой, мы ее выкупали, пока было что взамен предложить, а последний от ворот развернулся и уехал.

— А звери что?

Аяс поежился.

— Приходят иногда. Днем. Стражники их отстреливают со стен, если близко подбираются, а они все равно приходят.

— Значит, вы тут заняли оборону, забившись в лекарню, и сидели ждали, что кто-нибудь приедет вас спасать, — презрительно подвел итог Гасталла.

Гласник зыркнул на некроманта исподлобья.

— Мы думали, вот-вот прибудет кто-то, кто знает больше нашего. Нам отсюда-то совсем ничего не видать! А покидать город старшина стражи запретил всем, кому голова дорога. Третьего дня приходили наемники, десяток орков и гномов, а с ними два эльфа-мага. Предложили избавить погост от мертвяг, а как узнали, что самая трудность не в них, а в зверях, так захохотали — мол, совсем мы тут подурели, какие-то волки целый город разогнали. Но только как пошли они на погост, эти наемники — так ни слуху ни духу от них. А старшина стражи у нас не дурак, наперед им ни медяка не заплатил. Так что...

— А с Борием-то что? — спросил Дорал, так и не понявший, куда девался второй столичный гласник.

— А он уехал с одним из обозов, магистр, целый ремесленный квартал решил в Кали перебраться, где посуду делают. Вы скажете — да кому по

нынешним временам нужна посуда, — зачистил он, хотя Дорал ничего такого не говорил, — но все-таки с ними, с ремесленниками, в одном не поспоришь: в столице теперь так и сяк не стало работы, а там, в Кали, может, и удастся устроиться. Так Борий с ними отправился, тут-то, в городе, на тот вздох народу мало осталось, а уезжали сотни человек из ремесленного квартала, детишек много, баб — ну как их одних отпустишь, до Кали-то сколько переходов мимо тролых лесов... И после того Арканат уже полностью опустел. Только несколько семейств сюда приехало из сел — ну, как раз те, что хворые теперь лежат. И так вышло, что почти все перебрались в аптеку из своих домов. Вместе, конечно, тесно, но все-таки веселей и безопасней, да к тому же южный берег города, подальше от... Ну и старшина стражи оборону тут устроил, вы видели, а еще, магистр, он велел всем, кто в аптеке помирает от синей смерти, головы отрубать и хоронить их сразу же, во двореке, без ночных молебств. Оно, быть может, Божине неудобно, да и не по-человечески с мертвыми так обходиться, но все ж спокойней получается, когда знаешь, что он не восстанет и не попрут на тебя. Вот так мы тут и устроились в ожидании помощи, — гласник сердито зыркнул на Гасталлу, — потому как больше ждать нам нечего. Стража стоит на всех воротах, в кой-каких домах еще люди остались. Приходят сюда за едой, склады-то прямо напротив аптеки, нам удобно опять же. Правда, еды там и было немного, а осталось и того меньше, а еще старшина стражи говорит, что скоро сюда потянется лихой люд на разграбление города, вот только пошире слухи разойдутся — и попрут разбойники, их развелось ведь нынче, а тут целая столица — никакие волки их не остановят, придут и растащат все по камушку!

— Значит, до той ночи трупы в городской божемольне не оживали, — заключил Гасталла.

Аяс на вздох запнулся.

— Ну да. Только в городской божемольне до той ночи мертвых и не было. При южном погосте отдельная божемоленка построена, туда покойников привозили на ночные молебства, а кто-нибудь из жрецов с ними оставался. У нас тут столица, а не деревня какая-нибудь! Народу тьма, божемольня всем нужна, а не только покойникам! А в тот день, когда все случилось, жрецы уперлись, не захотели за ворота выходить, да и других людей, которые желали бы нос из города высунуть, что-то не нашлось. Так что...

— Божемольня находится в северной части города? — Некромант так и сидел, откинувшись на стуле и пялясь в потолок.

Краем глаза заметил — Аяс кивнул.

— А государев дядька помер, значит, утром.

— Да. — Гласник посмотрел на некроманта удивленно. — Откуда вы знаете?

Гасталла закатил глаза и не ответил. В самом деле, ну когда еще мог помереть государев дядька, если он не успел переродиться в мертвягу, как другие, а другие переродились в полночь?

Покойникам из правящих семейств Идориса не полагалось никаких ночей с молебствами в божемольнях. Они считались людьми столь просветленными и близкими к Божине, что души их должны были лететь под ее порог без всяких напутственных ночных молений, а потому и хоронить знатных покойников старались как можно быстрее.

Гасталла, когда-то изучавший исходный текст Преданий, знал: нет там никаких упоминаний о государевых семействах. По всему выходило, что указание на отказ от ночных молебств было попросту добавлено в следоуказательные тексты людьми, которые занимались толкованием Преданий сотни лет назад. Видимо, тогдашним государям не хотелось, чтобы посторонние глаза видели знатных покойников, и собирать на погребение родню из дальних концов — тоже не хотелось. Ведь удобно, если родич, свалившийся лицом в тарелку во время ужина, будет сразу же, потемну, и похоронен. А если жрец или приехавший из-за гор дядька будут рассматривать почившего родича и допытываться, чего это он весь синий от отравы, то выйдет наоборот — очень неудобно.

— И вы про все это писали в Школу, и про Мэггона тоже писали, а ректор отвечал, что нужно уповать на Божию? — не поверил Дорал. — Невозможно. Что там в Школе происходит? Чья печать стояла на письмах?

— Ректора.

— Быть не может, — повторил Дорал. — Там что-то случилось. Не верю, чтобы ректор... да он, верно, и не видел ваших писем. Быть может, канцелярия свихнулась? Или кто-то украл печать и перехватывает послания? Да жив ли ректор вообще?! В Школе точно что-то не так!

— Там что-то не так, тут что-то не сядь, — Гасталла поджал губы. — Предлагаю решать вопросы по мере их появления. А мера появления у нас такая, что нужно сперва разобраться с перерожденными. Иначе отожратое на человечине зверье к весне вырежет окрестные поселки, а там и на города перекинется. Перекинется на города, никуда не денется!

— Ты знаешь про здешних мертвяг больше, чем говоришь, — Дорал наконец сказал некроманту о своих догадках и посмотрел на него с вызовом, но тот лишь скривил губы.

— Вот сей вздох и начну говорить. И ничего не утаю, не тревожься. Не

затем я такой путь проделал, чтобы что-то утаивать. Так вот: ваш государь, который сбежал из столицы, не прихватив и ночной вазы, добежал аж до Меравии. Во как бежал ваш государь без ночной вазы! К сестрице нашей прибыл — ну то есть, к своей сестрице, конечно.

— А мы и знать не знали, — пробормотал Дорал.

Аяс фыркнул. Ночной вазы государь, может, и не захватил, а вот о казне, по слухам, не забыл. Да и еды с собой увезли целые горы — шептались, что во всем городе столько продуктов не было, сколько из дворца вывезли. Проверить никто не решился: старшина стражи заявил, что оторвет голову любому, кто ступит за ворота брошенного дворца, а старшине стражи в Арканате привыкли верить.

На самом-то деле людям, которые еще оставались в умершем городе, очень повезло, что во время побега государю не пришлось в голову укрепить собственную охранную службу городскими стражниками. Аяс не поручился бы, что кто-нибудь из живущих ныне в городе смог дотянуть до сегодняшнего дня, если б не остался здесь грубый, жесткий, несгибаемый стражий старшина и его немногочисленная рать.

Гласник скорей откусил бы собственное ухо, чем сказал это вслух, но ему было до крайности горько и досадно, что опорой для Арканата стали не они с Борием. Ведь сказано в Преданиях: маги должны оборонять и спасать людей там, куда не поспевает промысел Божинин. Это к магам приходят с такими печальями, которые нельзя разрешить привычным путем. А тут — и тебе! Положение — непривычной некуда, а жители до сих пор живы лишь благодаря уму и решимости мрачного усатого мужика, к которому гласные маги притулились ровно такими же перепуганными курятами, как и другие горожане.

— Так ведь государево отсутствие по нынешним временам только в столице и заметно, — ответил Гасталла Доралу, не обратив внимания на гласника. — В городах-то что, в городах наместники есть — и чем заняты в городах наместники? Своими бедами и напастями, а вовсе не государевыми порожними указаниями. А беды и напасти нынче такие, что дай Божиня до утра дожить, если же от государя нет ни указов, ни вестей, ни сборщиков подати — так наместники будут последними, кто бросится искать причину такого молчания. Словом, как ваш государь прибыл в наши края — так и пошли гулять по Меравии истории! Одна жутче другой пошли истории гулять, и все — про мертвяг, что доедают Арканат вместе с государевой ночной вазой. Доедают они город, значит. Ну, я услышал про это и...

— ...и рванул сюда, — закончил за некроманта Дорал. — Почему?

— Ты сколько времени работаешь гласным магом? — Гасталла

выпрямился на стуле и, вместо того чтоб ответить Доралу, обернулся к Аясу. Дорал сердито прищурился. — Года два?

— Три, — насупился гласник.

— Не слышал от старших такой истории, чтобы в прежние времена они обнаружили в городе мертвягу? И при тебе такого не было?

Аяс замотал головой.

— Знаешь на северном берегу, у рынка, дом с башенками? Да? Оттуда люди не уехали? Нет? Кто там живет?

— Астроном.

— Так и думал. — Гасталла навалился локтями на стол и задумчиво оглядел оставшуюся в тарелке еда. — Думал именно так.

Некоторое время некромант сидел, навалившись на стол, глядел на огонек в плошке, почти не моргая. Казалось, что складки у рта и на лбу углубляются, да плечи сгибаются, словно на них что-то давит.

В конце концов он выпрямился, посмотрел сердито на Аяса, потом — на Дорала.

— Болваны ваши гласники, вот что. Разве можно в столицу ставить гласниками болванов? Кто ж думал, что они за четыре года мышей не словят, а? — махнул рукой. — Ну да и свою вину не умаляю — а ведь, как ни крути, я виноват. Как ни крути, а я первый во всем этом виноват, магистр!

* * *

Продолжили беседу на улице, по дороге: Гасталла заявил, что больше ни вдоха не может оставаться в аптеке, пропитанной вонью. Уверял, что именно от этой вони горожане все как один подурели. Конечно, подурели — иначе с чего бы им ясным днем «сидеть гузнами на своих вшивых матрасах вместо того, чтобы выйти на улицу под осеннее солнышко»?

Аяс объяснял, что люди боятся. Боятся мертвягу или одичалого волка, который мог пробраться в город и теперь прячется за ближайшей мусорной кучей. Остерегаются брошенных шавок, которые сбиваются в стайки: кто знает, удалось ли им сегодня перекусить крысами, не захотят ли они попробовать человеческого мяса? А больше всего боятся люди тишины мертвого города. Говорят, что чувствуют чужие взгляды из окон опустевших домов, что за спиной то и дело слышатся шорохи, а глаз улавливает, как мельтешат дымчатые высокие тени.

Гасталла отмахивался: мол, у людей просто в головах мутнеет от

долгого сидения на месте. Однако стоило магам удалиться на полквартала от лекарни, охраняемой стражниками, как некромант и сам стал настороженно зыркать по сторонам.

— Это было без малого четыре года назад, в последних днях желтотравня, — заговорил наконец Гасталла, — у астронома, что живет в доме с башенками, умирала жена. Умирала жена его долго, и он, Варравир, не хотел с этим примириться, задергал он лекарей и жрецов, травников вызывал из ближайших селений. Никто не мог ей помочь, потому как просто пришел ее срок. Такой пришел срок, больше которого ее сердце выдержать не могло. Астроном был в черном отчаянии, а она, эта женщина — это была чистейшей души женщина, вот так я скажу. А я такое скажу нечасто. Понимая, что умирает, она ни вздоха не тревожилась о себе, а волновалась лишь о нем, о Варравире, — она понимала, что жить без нее он не сумеет. Эх, ведь умнейший человек был, образованный, честнейшего нрава — а н тебе, как помутилось у него в голове от горя. Так помутилось у него в голове, что он решил, будто даже смерть не сумеет их разлучить. И она согласилась, потому что тревожилась о нем больше, чем о себе.

Когда не стало ее, Диввы, этой удивительной женщины, Варравир снарядил телегу с заколоченным гробом и уехал с ней вместе из города. Уехал из города, всем объявив, что любимая Дивва просила похоронить ее в родном селе, в пяти переходах от столицы. И все в Арканате считали, что так это и было. Почему бы кому-то в Арканате считать, что было не так?

В родном селе Диввы Варравир заплатил жрецу, чтобы тот ночью читал молебства над заколоченным гробом, сказав, что такой была воля его жены. А наутро, зарыв гроб на сельском кладбище при тамошнем народе, вернулся в столицу. Вернулся в столицу, похоронив пустой гроб. Каков хитрец, а? Все это время несчастная мертвая Дивва лежала в подполе, одинокая и холодная, оплакиваемая верными старыми слугами. Верные слуги у астронома, это точно. Не выдали ведь за все эти годы! Не выдали, что, возвратившись домой, Варравир сделал Дивву перерожденной.

— Он превратил жену в мертвягу? — вскричал Аяс. — И она согласилась?!

— Погляди-ка, гласник Арканата наконец узнал об этом!

Дорал покачал головой. Он с самого начала рассказа подозревал, к чему ведет Гасталла, но все-таки надеялся, что угадал неправильно.

— До сих пор, — продолжал некромант, чуть повысив голос, — мне не было известно случаев, когда неутвержденный мертвяга находился бы в городе дольше восьми месяцев. До сих пор известно не было, но теперь известно! Четыре года! Четыре года в столице Ортая, под носом у трех

гласных магов, живет и здоров... мертвствует перерожденный, и никто не догадывается об этом! Никто и ни о чем не догадывается. Кто бы мог подумать, что астроном окажется безупречно осмотрительным, его слуги — безупречно верными, а местные гласники — полнейшими болванами!

— А гласники тут ни при чем, — на удивление спокойно возразил ему Дорал. — Обычный маг, не некромант, почует мертвяжные истечения шагов, быть может, с тридцати, а через стену — с десяти–пятнадцати. Гласник должен был зайти во двор, чтобы почуять мертвягу, но гласники едва ли гуляли во дворе у астронома. Получается что? Что если перерожденная не покидала дом и если хозяин не приглашал гостей, то выдать их могли только слуги. Никто другой бы не узнал и не заметил. Арканат большой, в прежние времена тут тысяч десять народу жило, а люди в больших городах нелюбопытные. Так что не вали на гласников, нет тут их вины.

Аяс громко засопел и возмущенно посмотрел на Гасталлу: слышал, слышал, да? Тот пожал плечами.

Позади остались опустевшие склады и мастерские, и теперь маги шли по крайним рядам рынка. Крысы рыскали тут не таясь — тощие, взъерошенные, с жадно блестящими глазами. Но их присутствие даже успокаивало. Без крыс опустевший рынок выглядел бы совсем иным — покосившиеся навесы, валяющиеся как попало опоры, тихо шуршащие на едва заметном ветру пологи, груды пыли и мусора, наросшие будто сами собой. Нагло рыщущие по прилавкам крысы делали пустой рынок жалким, как дрожащая под дождем дворняга. Без крыс он бы выглядел зловещим, как отсветы звериных глаз во мраке.

Некромант вел спутников к речке.

— Ты скажи, — продолжал Дорал, отводя взгляд от копошащейся мусорной кучи, — как астроному удалось провести некромантский обряд? Причем незаметно. Над человеком-то! От него должны были такие истечения шарахнуть! И где он держит мертвягу, если тот не изувечил его до сих пор? И при чем тут нынешние безобразия на кладбище?

— Ну... — Гасталла набрал в грудь побольше воздуха, — пойдем от печки. Варравир сделал Дивву перерожденной при помощи реликвии. Истечение от реликвии почуять нельзя, она действует полвздоха, а потом разряжается навсегда, как любая реликвия. Перерожденная Дивва не нападает на Варравира, потому что у него есть защитный амулет — такой, какие используют некроманты. А я — тот самый негодяй, который дал ему реликвию и амулет сразу после смерти Диввы.

— Значит, — растягивая слова, заговорил Дорал, — ты просто вручил

реликвию человеку, потерявшему разум от горя...

— Реликвию, заряженную на оживление мертвеца, — шепотом, словно не веря, вторил ему Аяс.

— ...зная, что старик оживит мертвягу в столице, — продолжал магистр, замедляя шаг, — и что он будет единственным человеком в городе, который имеет защитный амулет от мертвяг. Ты просто отдал ему эти цацки, развернулся и уехал в свою Меравию, так получается? И после этого ты называешь его дураком?

Дорал кивнул на Аяса и остановился.

— Я думал, все скоро выплывет, — буркнул Гасталла, неохотно поворачиваясь, — я самому Варравиру так и сказал: очень скоро все выяснится! Был уверен, что слуги донесут или же что соседи заподозрят недоброе — народ тут, в Арканате, глазастый был! Что ты ни говори, а глазастый был народ, просто дальше некуда! За несколько дней, что я провел в городе, было аж два обращения к гласникам! Два обращения было про то, что рыщет у вас по столице мерзостный какой-то некромант, того и гляди — что-нибудь затеет! А я, к слову сказать, в ортайских землях завсегда представляюсь лекарем, потому как вы тут, в землях ортайских, к некромантам имеете предубеждение!

— Удивительно, — процедил гласник, — с чего бы?

— Но кто-то же прознал, что никакой я не лекарь, и не поленился упредить гласников о моем появлении. Хотя с чего бы о моем появлении упреждать, что незаконного в моем появлении?

Дорал неожиданно понял, что очень хочет треснуть Гасталлу. Потому что предъявить ему и впрямь нечего. Имел право находиться в столице, представляться лекарем, общаться с жителями и даже передать реликвию тоже имел право. Нет законов, это запрещающих. Сам Гасталла не участвовал в перерождении мертвяги, и, можно поспорить, когда астроном вернулся домой с «похорон», в столице даже след некроманта простыл.

По закону придаться не к чему. А по совести получался бдыщевый навоз. И все, что мог придумать магистр в ответ на признание Гасталлы, — врезать ему в глаз.

И возможно, Дорал бы действительно врезал — если бы некромант не вернулся. Если бы он не помчался сломя голову в Ортай, узнав, что появились мертвяги на столичном погосте, если бы не нашел в Арканате гласного мага и не рассказал ему про все, что натворил тут четыре года назад. Если бы не стоял сей вздох напротив с этим насупленным видом, полностью понимающий свою вину и готовый принять любой ответ на свое признание.

Ничего не придумав, Дорал пошел дальше. Аяс, вздох помедлив, поплелся следом. Только тут Гасталла понял, что стоял, подобравшись и приподняв плечи, будто оцетинившийся пес. Мотнул головой, цыкнул на снующих под ногами крыс и пошел за магами.

— Но это не объясняет нынешних событий, — продолжал Дорал, как ни в чем не бывало, — реликвии разряжаются после применения или продолжают действовать, если есть источник подпитки. Астроном не мог четыре года питать реликвию, он не умеет этого делать. Значит, его реликвия пришла в негодность сразу после применения, и это не он бежит на погост поднимать мертвяг.

— Я думаю, что на погост никто не бежит. — Гасталла обогнул упавший прилавок, оступился на обломке и добавил вполголоса: — Я думаю, реликвия питала себя сама все это время, улавливая мертвяжные истечения от Диввы, потому как больше ей нечего было улавливать. Или же она зарядилась сама собою полгода назад, после того как... как возмущения околосемицы достигли какого-то предела. Какого-то же предела они достигли, возмущения околосемицы? Мы ведь не знаем ничего про то, как заряжали реликвии в прежние времена. И про то, что творится с нашим миром нынче, мы тоже не знаем. Но что я наверняка скажу — это что питается реликвия от Диввы. А еще — что она действует на безумное расстояние, в десяток раз больше обычного.

— Быть может, все-таки не реликвия, а шалый некромант?

— С трудом верю в некроманта, который еженощно ходит на кладбище, где кишит людоедское зверье, — сухо отрезал Гасталла, — с большим трудом могу поверить в некроманта, который ходит на такое кладбище настырно и занудно, месяцами. Без всяческой понятной цели. А потом, без понятной цели, еще и в городскую божемошню проникает, так получается? Нет, не получается. Это реликвия.

Под ногами хрустел мусор. Ветер тут, неподалеку от речки, был сильнее, трепал обрывки пологов с противным низким клекотом. Маги остановились перед речным мостиком. Впереди, еще невидимый с этого берега, был дом с башенками, где держали мертвягу и хранили спятившую реликвию.

Дорал поежился. На вздох ему захотелось оказаться подальше от мертвого города, и пусть Гасталла сам разбирается с астрономом, реликвией, мертвягой и этим мерзким местом, где под ногами оглушительно хрустит рыночный мусор.

Каким же пустым и жутким выглядит город, когда вместо десяти тысяч жителей в нем остается сотня человек! Как странно он пахнет — пылью,

сыростью, обреченностью...

Магистр мысленно отвесил себе пинка.

— Так что нам со всем этим делать? — спросил Аяс. Он переводил взгляд с Дорала на Гасталлу, и вид у него был потерянный.

Судя по лицу наставника, Аясу наконец удалось задать вопрос, на который у него не было ответа. Некромант разглядывал рыночные ряды на другом берегу.

Гласник переступил с ноги на ногу, чуть наклонился к Доралу и сбивчиво зашептал:

— Магистр, слушайте, это он во всем виноват! Во всем, что с городом стало, и что государь утек, и что Мэггон стал мертвягой, и что из деревень люди бежали! Целой столицы не стало, считай, и еще непонятно, выживем мы или сгинем, а все ж из-за того, что он... Магистр, ну нельзя это так оставить!

Гасталла закатил глаза и обернулся. В самом деле, что за болванов воспитывала ортайская Магическая Школа, если вот *это* — одно из лучших ее творений, достойное должности гласного мага в самой столице!

— Аяс, мы бы смогли без Гасталлы найти корень здешнего безобразия? — спросил Дорал, и некромант подивился его терпению.

Молодой маг неохотно помотал головой.

— И это не мы такие умные, что отыскали его. Это он сам сюда приехал, нас нашел и все рассказал. И помогает справиться с последствиями своего неприглядного поступка. Чего еще ты хочешь — утопить его в речке, чтобы унять свою злобу?

— Да! — просиял гласник. — А можно?

— Нельзя. К тому же тебе все равно с ним не справиться.

Гасталла снова закатил глаза и что-то тихонько высказал низкому хмурому небу.

Аяс сердито шмыгнул носом. Как он понимал, Дорал все-таки должен был набить мерзкую некромантскую морду, раз уж самому гласнику это не под силу.

«И какой из меня защитник столицы? — с досадой подумал Аяс. — Вот пришел в город вражина, рассказывает, каких делов тут натворил, да еще лыбится нагло — а я ни магией его не одолею, ни без магии. Вот и зачем я тут нужен, такой бестолковый, кому?»

Словно угадав его мысли, наставник ободряюще хлопнул парня по плечу.

— Выше нос! Такую задачу в одиночку ни один молодой маг не разрешит! Тут опыт нужен, практика, рассудительность, ну и помощь

друзей, конечно...

— Да какой из него друг? — вскричал Аяс, уже не заботясь, слышит ли его некромант. — Вредитель он, самый настоящий!

— Он не враг, — серьезно сказал Дорал, — как ни крути — не враг. А по нынешним безумным временам каждый, кто не пытается выпустить тебе кишки, уже наполовину друг.

Гасталла хмыкнул. Но очень тихо.

— А он знает, что теперь нужно делать? — не успокаивался Аяс. — Каких дел он натворил — это мы уже поняли, а как исправить — это он ведает? Нельзя же просто уничтожить реликвию?

— Нельзя, — с сожалением согласился Дорал, — мы не знаем, как поведет себя сила, что ею накоплена. Едва ли просто развеется. Для начала нужно унести реликвию подальше от мертвяги, который ее питает. А что делать потом?

Магистр покосился на Гасталлу.

— Есть у меня пара мыслей, — проворчал некромант и засунул руки еще глубже в карманы, отчего Дорал заключил, что эти мысли не из приятных. — Пойдемте уже, а? Скоро смеркаться начнет.

Дорал кивнул и вслед за Гасталлой двинулся к деревянному мостику, что выгибал спину над речушкой.

* * *

Практикующий некромант, мертвяга, оборотень и реликвия. Об их присутствии обученные маги и сильные самоучки узнавали безошибочно: сначала возникал тревожный отголосок, затем появлялась рябь перед глазами и шум в ушах — всего на вздох, но в этот вздох маг чувствовал себя до крайности неуютно.

Именно по этому ощущению и Дорал, и Аяс узнали в Гасталле некроманта.

Именно поэтому Гасталла не любил общаться с обычными магами — ощущал себя коровой с колокольчиком на шее, которая и хотела бы перемещаться незамеченной, да не может.

И тот же самый неприятный и знакомый тревожный сигнал дал знать Аясу и Доралу, что в доме астронома находится мертвяга.

Гасталла, чуявший перерожденных за полсотни шагов и совсем иначе, с непроницаемым выражением лица переждал их короткую заминку с зажмуриванием глаз. А про себя с неудовольствием отметил, что весьма

позорно для него, уважаемого некроманта, вызывать у других магов ровно те же ощущения, какие вызывает безмозглый мертвяга. И все лишь потому, что он, уважаемый некромант, в прямом смысле слова окружен отголосками этих самых мертвяжных истечений.

— Дело совершенно невыносимое, — Варравир поставил тонкостенную чашку на покрытый скатеркой стол, — вы не можете так поступить с Диввой, господа маги.

Скатерка была истертой, но беленькой. И производила ровно то же впечатление, что весь дом и его хозяин: добротные, знающие себе цену, поистрепавшиеся со временем, но умеющие сохранить достоинство. В комнате пахло теплом, чуточку пыльным, солнечным, почти летним.

— Мы ничего не говорили про Дивву, — пробормотал Гасталла, не поднимая глаз. — Мы говорили про реликвию.

— Да. — Варравир сложил на столе руки в старческих пятнышках. Ногти у него были аккуратно подстрижены. — Мы оказались в очень неприятном положении. Корень его, разумеется, не в реликвии, а в Дивве. Ведь вы, — астроном почтительно кивнул гласнику, — конечно, теперь не сможете уйти просто так. И вы, — скупая улыбка и кивок Доралу, — не позволите бросить это дело без решения. Вот и получается: оставить Дивву в покое вы не можете, а убить ее я вам не позволю. Так что нет, сложность, повторяю, не в реликвии. Реликвию я отдам вам беспрекословно, мне она без надобности, а даже если бы такая надобность существовала — я бы поступился ею ради...

Лицо астронома застыло, на лбу выступили капли пота. Варравир прижал руку к левой стороне груди, поморщился и, трудно вдыхая через каждые несколько слов, закончил:

— Для меня ваш рассказ стал большим потрясением, поверьте. Выходит, я виноват в гибели города.

Астроном нашарил на столе чашку, глотнул отвара, помолчал, полуприкрыв глаза. Маги тоже молчали, не глядели друг на друга.

Они ожидали увидеть в этом доме обезумевшего старикана, который будет сыпать проклятиями, невнятно бормотать, требовать, чтобы гости сей вздох убрались вон, а то и попытается натравить на них мертвягу. В самом деле — каким, если не бесповоротно безумным, может быть человек, который превратил жену в мертвягу и держит ее в доме уже четыре года?

Маги знали, что делать с безумным стариком. Но что делать с настоящим Варравиром, статным седым мужчиной в аккуратной домашней одежде, с добрыми и живыми глазами, приветливым и рассудительным?

— А ведь я, — продолжал астроном, отдышавшись, — я так старался,

чтобы никто не пострадал, ни в этом доме, ни за его стенами. Я не приглашал гостей, старался не навредить своим слугам. Я сам забочусь о Дивве, никого не обременяя, но при этом и сама Дивва получает достаточно внимания, чтобы не ощущать себя ущемленной...

— Вы так говорите, словно она живая, — брякнул Аяс, и старшие маги на вздох одинаково втянули головы в плечи. Варравир остался невозмутимым.

— Разумеется, я знаю, что она неживая и ничего не чувствует. Но мне нравится перед собою делать вид, что все иначе. Я не пытаюсь очеловечивать мою дорогую Дивву в ее нынешней ипостаси, не пытаюсь обманывать себя всерьез, но я... установил для себя некие правила и играю в глупую стариковскую игру. — Он беспомощно пожал плечами. — Ну что еще остается одинокому умирающему дуралею, а?

Уши Аяса вспыхнули, и он уткнулся в чашку с отваром.

— Впрочем, все это вам не интересно, полагаю. — Варравир поморщился и принялся растирать левую сторону груди. — Я не стремлюсь разжалобить вас или перевести разговор. Так, ухожу мыслями в сторону по-стариковски... Суть в том, что реликвию я вам, разумеется, отдам. А Дивву убить не позволю.

Астроном говорил так спокойно и уверенно, что Дорал все-таки усомнился в душевном здоровье старика. Как он может не позволить магам упокоить мертвягу? Вот встанут они сей вздох и откроют тяжелую лакированную дверь, из-за которой слышится глухое ворчание!

Варравир неловко, крестясь на левую сторону, потянулся за кувшином, поймал пальцами воздух — раз, другой. Губы и ногти у него посинели. Дорал вскочил, с грохотом отодвинув стул, взял кувшин, долил отвара в чашки.

— Вам плохо. Быть может, привести лекаря?

Сказал и сам на себя возмущенно фыркнул: какой еще лекарь, разве можно отрывать лекаря от десятков недужных ради одного Варравира, разве можно приводить лекаря в этот дом?

Астроном мотнул головой.

— Не тревожьтесь, прошу вас. Лекарь не поможет, нет, просто, знаете... старый я. А история с реликвией очень меня расстроила, не считите за притворство, — расстроила и потрясла. Никогда я сознательно не вредил никому, а тут! Какую кашу заварил, сколько судеб погубил — да как же оно так...

Маги молчали, да и что было сказать? Соглашаться, подтверждать — да, виноват? Жестоко и бессмысленно. Хотя отчего взбесилась реликвия —

еще поди пойми, быть может, дело и впрямь в изменениях околосемицы, которые охватили Ортай и соседние края.

Как будто услышав мысли магов, Варравир вдруг взволнованно заговорил:

— А знаете, небо предупреждало меня о грустных и страшных событиях вроде нынешних, небо пророчило многие печали — сколько же лет назад, три, четыре? — Он задумался.

Дорал снова подумал: спятил старик, спятил! Как небо могло ему что-то пророчить, о чем он говорит? Магистр замечал краем глаза, что Аяс поглядывает на него, прося совета, но не отвечал на эти взгляды: сам ничего не мог понять и решить. Гасталла все время разговора сидел как пенек, смотрел то в пол, то на руки старика.

— В начале лета это было! — Варравир хлопнул себя ладонью по лбу. — Разумеется, в начале лета, когда Южный Еж набирал яркости. Значит, три с лишком года назад. Тогда небо показало мне жуткие вещи!

Дорал тоже чуть не хлопнул себя по лбу, вспомнив, что старик — астроном.

— Никогда мне не приходилось видеть, чтобы звездные скопления выстраивались в такие сложные и страшные картины. — Варравир снова потер левую сторону груди, откинулся на спинку стула и устроился в очень неудобной с виду позе, однако голос его, хоть и ослабевший, звучал ровно. — Рядом-рядышком друг с другом встали соединения Природы-Матери и Разлада, и по четырем сторонам, беря их в кольцо, расположились четыре звезды Всадников. И непривычно близкие, пугающе-огромные, встали по двум краям небосвода два скопления, извечно противоречащие друг другу: Демонов Хвост и Старший Змей.

Маги мало что поняли из слов астронома. По звездам, конечно, любой из них определил бы дорогу, а Дорал и Гасталла — не только в любом месте Ортая, но и в паре-тройке соседних краев. Но никогда скопления звезд не имели для них такого понятного и глубокого значения, чтобы видеть в них истории и предзнаменования.

— Тогда я понял, что грядут страшные времена, — продолжал старик, прикрыв глаза и трудно дыша, — что власть над нашей землей получит сила высшая, чуждая и страшная. Что ждет нас голод, мор и гибель, если только... Если только что? Какое значение несли Демонов Хвост и Старший Змей? Я не смог этого понять.

Он замолчал, поморщился, выровнялся на стуле.

— Я даже составил описание увиденного, начертал звездную карту и переправил в государеву канцелярию. Уж не знаю, какая судьба постигла

мое послание, да и мог ли быть от этого толк. Впрочем... я снова увел вас от цели, а меж тем уже темнеет. Раз реликвия проявляет активность в ночное время...

Варравир медленно поднялся, оперся на стол, пронзительным взглядом прошелся по троице магам.

— Я отдам вам реликвию сей вздох, и вы унесете ее подальше отсюда, от Диввы. И я прошу вас пока не делать ничего, — он отвернулся к окну, за которым клубились темно-серые сумерки, несколько вздохов обдумывал нужные слова, — ничего такого, что может разлучить нас с ней. Обещаете? Позднее мы еще поговорим об этом, но теперь, чтобы быстрее решить главную задачу, прошу каждого из вас дать мне такое обещание.

Старик снова обернулся к магам, смотрел спокойно и даже с вызовом.

— Я обещаю никак не навредить ей, — быстро проговорил Аяс, которому отчего-то стало невыносимо стыдно под этим взглядом. Подумал и поспешно добавил: — Этим вечером.

Варравир кивнул и перевел взгляд на Дорала.

— Обещаю, — медленно проговорил магистр, — если только она не подвергнет опасности нас или других людей.

Астроном снова кивнул, принимая уточнение, и Дорал укорил себя за излишнюю подозрительность.

— Обещаю, — серьезно сказал Гасталла и задумчиво повторил: — Обещаю не делать ничего такого, что могло бы разлучить вас.

Астроном снова отвернулся к окну, обдумывал что-то, шевеля потемневшими губами. Потом с трудом оторвал ладони от столешницы и пошел к лакированной двери, не оглядываясь больше на магов.

Старик шаркал ногами в разношенных башмаках и прижимал ладонь к груди. Дыхание его было трудным, прерывистым.

«Все-таки нужно было послать за лекарем», — с тревогой подумал Дорал. Поднялся, но подойти к астроному не решился. Видел, как подобрался Гасталла, словно готовясь в следующий вздох броситься вперед.

Варравир долго возился с простой защелкой, наконец справился с нею и потянул к себе тяжелую скрипучую дверь.

Комната за ней оказалась светлой, с двумя большими окнами, на которых были раздернуты занавеси, и серого сумеречного света с улицы они впускали еще достаточно. Обычная спальня небедной пожилой женщины: большой сундук, просторная кровать, маленький столик у стены и натертый лист меди над ним, деревянное корытце в углу, несколько полок с вазами из цветного камня и засушенные цветы в них, небольшой стол и

два стула в изголовье кровати. Повсюду вышитые и плетеные салфетки.

Реликвия, видимо, хранилась под замком, потому что ее присутствие маги почуяли только теперь, когда Варравир открыл двери.

— Что за день такой, — посетовал Дорал, в третий раз за сегодня проморгавшись от ряби перед глазами. — Надеюсь, на этом все? Вечером оборотни не нападут на город?

Дивва сидела на краешке кровати в почти человеческой позе, чуть подавшись вперед и опираясь на колени руками. На ней было красивое темное платье с широким длинным поясом, привязанным к ножке кровати. Астроном не предоставлял жене полной свободы даже в запертом помещении — именно это советовал ему четыре года назад Гасталла, и Варравир строго последовал совету.

На голове у Диввы — косынка, на руках — длинные перчатки, а ноги босые, с неестественно, не по-человечески длинными растопыренными пальцами. Лицо без всякого выражения, каким оно и должно быть у мертвяг — мало отличимое от лица обычного покойника. И взгляд обычный для нежити — пустой, подернутый мутью.

Дорал и Аяс смотрели на Дивву со смесью любопытства и гадливости. А Варравир подошел, погладил перерожденную по плечу и тихо что-то заговорил. Она повернула голову и уставилась на старика тем же пустым взглядом и без всякого выражения на лице. Перерожденные иначе не умели. Даже когда они убивали, их лица оставались невозмутимо-расслабленными, а глаза — безучастными.

Варравир потрепал мертвягу по плечу и пошел к большому сундуку у стены. Поднял крышку, тяжело опустился на колени, непослушными руками принялся доставать вещи. Дивва отрешенно следила, как старик выкладывает на пол ее платья, шали, платки. Наконец Варравир нашел что искал: было слышно, как стукнула крышка шкатулки или небольшого ящика, затем старик закрыл сундук и со второй попытки поднялся. Кренясь на левую сторону и морщась, обернулся. В руках у него был полосатый указок: деревянные полосы чередовались со стальными. Или серебряными? Издалека не разобрать.

Дорал сделал шаг вперед и тут же остановился: Дивва обернулась на звук. Гасталла тоже поднялся, встал рядом. Наверное, со стороны маги в этот вздох выглядели не по-доброму. Быть может, астроном даже пожалел, что поверил их обещаниям.

Аяс сидел неподвижно, вцепившись в столешницу, взгляд его бегал — на Дорала, на Дивву, на Варравира.

Астроном торопливо сделал шаг, другой. Схватился за сердце.

Попытался что-то сказать, но из горла вырвалось только тихое сипение.

Дорал бросился вперед, словно хотел одним прыжком преодолеть десять шагов и подхватить Варравира. Гасталла схватил его за плечо. Дивва заворчала и поднялась, сутулая, как обезьяна, наклонила голову и заворчала снова, громче.

Варравир на подгибающихся ногах сделал еще два шага, глухо застонал и стал оседать, медленно и неловко — сперва на колено, потом на другое, поднял трясущуюся голову, попытался что-то сказать, но снова лишь невнятно засипел — и растянулся подле Диввы.

Дорал охнул. Аяс зажмурился. Гасталла с непонятым выражением лица смотрел на покотившийся к двери полосатый указок и на астронома, недвижимо лежащего на полу у ног своей жены-мертвяги.

* * *

Воистину счастливы те мужья и жены, которые всю свою жизнь умели не просто жить рядом, не только любить друг друга, но и смотреть на мир одними глазами. Наверняка умный, образованный Варравир и его добрая, мудрая Дивва были именно такой семьей. Именно такой редкой и удивительной семьей, которая у одних людей вызывает зависть, у других — восхищение, а третьих убеждает: что бы там ни говорили, а искреннюю любовь и дружбу возможно пронести в своем сердце сквозь многие десятки лет.

Пока смерть не разлучит вас.

А если даже смерть вас не разлучит...

У южных ворот Арканата потихоньку собирались в дорогу люди. Придирчиво осматривали телеги, устраивали на них матрасы и тюки с вещами, запасали воду в деревянные баклаги.

А у северных ворот стражники отстреливали собак и волков, что десятками сбегались от погоста на приманку.

Собаки и волки были странные, шальные, вели себя совсем не так, как положено хищникам. Они не осторожничали нисколько и не чуяли подвоха, и даже трупы других собак и волков под помостом их не пугали. Они просто слепо и жадно лезли к закрепленной на помосте приманке, к паре последних в округе мертвяг — босой женщине в темно-синем платье и мужчине в добротной домашней одежде.

Собак и волков отстреливали из самострелов стражники со стен. Им помогали три мага, сменяя друг друга и временами сердито переругиваясь.

Потом, когда будет убито последнее животное-людоед, стражники вместе с магами пройдут до старого погоста, изучат окрестности в поисках заплутавшего зверя. А после, уверившись, что дороги избавлены от опасности, маги и стражники сядут в телеги и поедут вместе с последними горожанами прочь. Куда?

Все говорят, что нужно отправляться в город Тамбо, где находится Магическая Школа. Что если кто и может спасти Ортай и весь Идорис от мора и голода — так только маги. И что многие люди теперь тянутся туда, в Тамбо.

Все готово к отъезду, приготовлены скудные пожитки горожан, вынесена последняя еда с рыночных складов, собраны люди, которые отсиживались в своих домах. Старшина стражи раздает указания, а лекарь дал добро на перевозку недужных, понадеявшись, что они уже способны выдержать дорогу.

Все ждут только их, магов и стражников, которые не могут отправиться в путь, не выполнив свой последний долг.

Долг стражей перед окончательно умершим городом.

Глава 2

Приказано сжечь

Только лишившись надежды, а с нею — сожалений, люди начинают сознавать, на что они способны. С полной решимостью и без лишних сомнений действует лишь человек, который не рассчитывает на других.

Из вступления в обучающий курс для боевых магов

Страшные истории любят не только дети — взрослые охочи до них ничуть не меньше.

Только взрослые предпочитают пугаться понарошку. Так, чтобы сказать: «Хвала Божине, это лишь выдумки!» и пойти заниматься своими привычными делами. А вот правдивых страшных историй взрослые люди страсть как не любят, и слушают их с угрюмыми лицами, собравшись плотным кружком у подготовленного к вечеру кострища и глядя на рассказчика исподлобья.

Именно такие угрюмые люди сидели в одном из тележных колец, огораживающих лагерь приезжих. Подобных лагерей было нынче много и в пригороде Тамбо, и в самом городе. Поперек заведенных издавна правил, городские ворота целыми днями стояли нараспашку, люди свободно ходили туда-сюда — а вот ворота Магической Школы были заперты уже очень давно.

Три месяца назад из Тамбо куда-то пропали все маги, что жили и работали в городе. Но из Школы они не ушли: каждый вечер верхняя часть самой большой ее башни освещалась волшебными огнями — в точности так, как в другие вечера за год, десять, сто лет до этого. Когда загорались огни, то казалось, что верхушка башни сама собою плывет над городом, как сказочный летающий корабль.

По вечерам горожане и приезжие выходили на улицы и оборачивались к школьной башне, гадая, осветится ли она сегодня. И когда загорались огни, люди вздыхали с облегчением: маги здесь, маги рядом, и уж они-то наверняка знают, как действовать в этом помешавшемся мире, чтобы вернуть ортайцам их размеренную и привычную жизнь.

— И когда в Недре, далеко на севере, позасыпали стражи-драконы — некому стало уберечь наш мир от демонов! — Рассказчик, худой востроносый мужичок, стоял у кострища. Волосы его были встрепаны, а штаны и рубаха выглядели так, словно он в них же спал на сеновале. — И пришли они к нам, демоны, пробили двери из иных краев, через магонов Азугай и через Миры-междумирья. Пришли, значит, демоны, в Идорис и стали таиться, потому как сила их тогда невелика была. И прятались они в лесах дриадских, а дриады им помогали, потому как... ну, потому как...

— Потому как дриады — поганки, вот и весь сказ! — стукнул по земле палкой сухонький бородатый старик в теплой не по погоде одежде. Его большие руки дрожали, тряслась голова, дребезжал треснутый голос, но смотрел он сердито и твердо. — Поганки дриады! Исстари привечают всяческую дрянь, не изничтожают в своем крае вредителей, вот там и водится всяческий страх Божинин! Пауки огромные, резуны летучие, змейство гнусное! Леса разрастаются без счета и ухода, почитай, весь край дриадский и есть лес! К чему такое небрежение ведет, а? Вот демоны и завелись среди прочего дрянца!

Старик снова стукнул палкой по земле. Рассказчик, сбившийся с мысли, посмотрел на дедка сердито и не ответил.

— И вот, значит, стали демоны подсовывать нашим детишкам амулетики для перехода по порталам в Миры-междумирья, что лежат промеж нашим Идорисом и магоновым Азугаем. А магоны, в свой черед, могут попадать в междумирье из своего Азугая, но только магоны в междумирье разума лишаются, а с нашими детишками ничего плохого там не делается.

— Да что мы, в Мирах не бывали? — цокнул языком толстый детина в кожаном фартуке. — Сами ходили, когда были подлетками, и все знаем. Дальше-то чего случилось? Как все это паскудство разрослось, ты вот что скажи!

— Так я и говорю! Раз сами в Мирах-междумирьях бывали, так знаете, что любят у нас в Идорисе тамошние диковинки — кинжальчики всяческие, наконечники для стрел, Карты магические опять же, а еще...

— Крышталы те мерзкие, что Божине противны! — Дедок заколотил палкой по земле.

— Кристаллы, что по-разному действуют, — словно не замечая дедка, продолжал рассказчик. — И мы быстро узнали о чудесных свойствах

Кристаллов. Что одни подлечивают, другие магам помогают, третьи успокаивают и дарят силу... но мы не знали, что вдобавок все Кристаллы источают особую сущность. Она чужда Идорису, потому как принесена из иных миров, — а вот для демонов она родная и привычная, всячески им помогающая...

— Говорили вам старики — не трожьте те Крышталы поганые, олухи! — зашелся дедок. — Говорили, говорили, говорили, а вы чего, ну, чего вы, бестолочи, бестолочи! Отмахивались, смеялись! Досмеялись теперича, весело вам, а?

Сидящие в круге опустили глаза, а детина в фартуке быстро спрятал руки за спину, словно в каждой его ладони было зажато по жмене Кристаллов. Невозмутимым остался только рассказчик и два высоких темноволосых типа, что сидели на ящиках во внешней части круга. Они не были похожи на других слушателей — одеты лучше, держатся спокойно, глядят совсем по-иному. Похоже, они просто шли мимо, но задержались, услышав интересный разговор.

— Ну и вот, — сердито повысил голос рассказчик, — частью демонам помогала сущность Кристаллов, которые из Миров-междумирий тащат сюда подлетки без числа и учета. А частью, сами того не ведая, им подсобили призорцы — демоны ж помалу их сманивали в дриадаские леса, в которых затаились. А в наших землях без призорцев нарушался обычный уклад: лешак не вытерпел человеческого небрежения и ушел — не стало порядка в лесу, водник или хатник потеряли силу от людского неверия — нет ладу в реке, нет защиты в доме, ушел скальник...

— Да поняли мы, поняли. — Детина в кожаном фартуке перевалился с одной ноги на другую. — Затейся еще всех призорцев перечислить. Только ты вот чего скажи: а разве бы призорцы тикали в Даэли к дриадам и к демонам, если б мы относились по совести ко всем этим банникам и лешакам? Это ж мы сами, безо всяких демонов, стали селиться в больших городах, которых не любят хатники. Это ж мы леса рубили без счета и порядка, мы реки запруживали, болота сушили опять же, а там багники мерли. В этом чего — демоны виноваты?

— Нет, — твердо ответил рассказчик, — в этом наша сущность безмозглая виновата, но демоны-то ловко ей попользовались! Потому как природа призорца близка к демонической, и чем больше призорцев в округе — тем проще демонам копить свою силу. И вот теперича, когда силу они накопили — приходит их власть, их воля! Теперича выживут они нас с наших земель, попортят тут все, иссушат, и одно нам останется, люди, — пропасть бесследно с лица земли, потому как нет у нас сил, чтоб

супротивиться демонам!

— Тьху, — дедок оперся на палку и подался вперед так сильно, что чуть было не сверзился с ящика, — говорил-говорил складно и по правде все, а в оконцовке лег да помер. Маги-то чего? Не сдюжат, штоль? Вон огни на башне кажен вечер трепыхають! Чего-то чаруют, выходит, чего-то задумали!

— Да что маги-то супротив демонов, — протянул молодой орк с другой стороны круга.

Дедок пожевал губами и покрепче вцепился в свою палку. Несколько вздохов в круге было тихо.

— Жутчают огни на башне, — наконец сказал детина в фартуке. — С каждым вечером все краснее становятся. Как бы не сполыхнуло взаправду-то.

Один из темноволосых, что сидели с внешней стороны круга, потянул другого за рукав, оба тихонько поднялись и направились в сторону распахнутых городских ворот. Рассказчик проводил их задумчивым взглядом и подытожил:

— Жутчают или не жутчают, а нет надежды ни на кого, кроме магов.

— Это верно, — подумав, согласился детина. — К тому же они ведь уже помогают, правда же? Откуда тут на всех приезжих еда берется, в округе-то давно ничего не растет, все поселки пустые стоят, вона даже деревья посохлые все до последнего! А еды у нас вдосталь. Значит, что? Маги чаруют, больше некому! И от демонов они нас спасут, знамо дело! Кто ж еще, если не маги-то?

* * *

За день пути до Тамбо магистр отправил ректору магического вестника, птаха. Гасталла видел, с каким напряжением Дорал ожидал того, что последует дальше: как сжимались в нитку его губы, как прорезались морщины на лбу, какими невидящими глазами смотрел на дорогу. В тот день некромант заподозрил, что магистр много старше, чем кажется на первый взгляд и даже на второй, что лет ему, пожалуй, не тридцать, а все сорок. И еще некроманта удивило, что магистр начаровал вестника: создавать птахов умели только маги воздушного начала, а Гасталла до того дня был уверен, что спокойный, рассудительный, бесконечно терпеливый Дорал — маг начала земного.

Созданный магистром вестник-птах не вернулся, а значит — нашел

обретатора. Дорал было успокоился, однако время шло, ответной весточки не было, и магистр снова встревожился.

— И дался этот баечник, только время потеряли, — укорил Дорал, когда тележный круг остался позади. — Впервые слышишь сказку про демонов?

— Нет, — невозмутимо отвечивал Гасталла. — Про демонов слышу не впервые, про Азугай, про Кристаллы, про призорцев — про все не впервые слышу. Кроме драконов. Про драконов до сих пор ни один баечник не говорил.

— Верно, — помолчав, согласился Дорал, — про драконов я тоже раньше не слышал. Ну и что? Каждый баечник добавляет к расхожим историям небылицы особенные, свои собственные, никем больше не придуманные — чтобы увлечь слушателя, взбудоражить его чувства и разум, да получить пару лишних медяков.

— Так-то оно да, — столь же невозмутимо согласился некромант, — но драконы в Недре позасыпали лет сто двадцать назад, а порталы появились как раз вскорости после этого. И ты помнишь, как Варравир рассказывал про звездные соединения?

— Ты, омерзительный бездушный человек! — рассердился Дорал. — Не смей поминать несчастного старика! Мне все еще хочется свернуть тебе шею за то, что ты с ним сделал!

— Я сделал лишь то, что обещал ему! — в десятый раз за последние дни повторил Гасталла.

— Обратив его в мертвягу!

— Не разлучив его с женой после смерти.

— И потом упокоив обоих!

— А что с ними еще было делать, когда зверье перебили? Да и реликвию требовалось разрядить. Как еще я мог это сделать? Выкинуть ее в компостную яму? Сунуть в котомку и надеяться на лучшее? А перерожденные? Вот ты сам, магистр, — ты бы оставил двоих мертвяг в пустом городе? Вот была б радость первому, кто пройдет через ворота, — пустой город и пара мертвяг! Или крысы, отожранные на человечине!

Дорал упрямо поджал губы.

— Так вот, — успокаиваясь, продолжал некромант, — Варравир видел по краям неба два противостоящих звездных соединения: Старшего Змея и Демонов Хвост, верно? Так ведь дракон — он и есть старший змей!

— Божиня милосердная, — пробормотал Дорал, — живой и действующий некромант доказывает мне правдивость историй про демонов, которые всех нас сожрут. А еще говорят, что вы меньше прочих в

байки верите. Мир помешался.

— Помешался, — легко согласился Гасталла. — Само собою, мир помешался. А вот второй вопрос, который меня занимает: эти байки — они давно известны. Еще в детстве я слышал про кочевых демонов, Азугай, призорцев, Кристаллы и смерть нашего мира. Только вот в моем детстве еще мало было призорцев, которые бросали свои края. Понимаешь? Уходящих призорцев было мало, а байки про это уже говорили, упреждали про их исход как про дело решенное! А теперь в байке появляются драконы. Раньше драконов в байке не было, а теперь они есть! И Варравир видел в небе противостояние демонической и драконьей сущности.

— К чему ты ведешь?

Магистр остановился посреди улицы, сложил руки на груди. Шедшая навстречу пара обогнула его широкой дугой, уважительно косясь. Высокий, патлатый, насупленный — загляденье. Пиши с него что хочешь — хоть картину, хоть героя байки, которую потом можно с успехом рассказывать слушателям в тележном кругу.

Гасталле нестерпимо захотелось скорчить магистру рожу. В последний раз такое желание у него появлялось лет двадцать назад, во время собственной учебы в Магической Школе.

— К тому, что байку про демонов, которая никакая не байка, нам подбросили сто лет назад. И тот баечник знал, что произошло. И что бывает, когда в новый мир приходят кочевые демоны. Кто мог быть таким баечником?

— Я не знаю. — Дорал сунул руки в карманы куртки и как-то не то чтобы ссутулился, но словно стал на четверть меньше. — Пойдем, подберемся к Школе.

— А что, — оживился некромант, — ты придумал, как пройти через ворота? Туда же нельзя попасть, сиганув через забор или приставив лесенку, да? Сигануть через забор не получится, потому ты собираешься сделать подкоп, верно?

Дорал мотнул головой и ускорил шаг. Ему хотелось пройти по улицам Тамбо как можно быстрее. Не вглядываться. Не вдумываться

Широченные мощеные дороги стали уже прежнего — у стен и заборов стояли телеги, бочки, ящики, валялся мусор. Не ощущалось магических истечений, которыми город был переполнен в прошлые времена. Узкие трехэтажные дома с башенками и коваными оградами, когда-то такие нарядные, теперь стояли грязными, с некрашеными ставнями, с лохмами паутины между изгибами ковки. Растительность в этой части Ортая высохла вся, и крылечки без пушистых цветов в вазонах и дикого

винограда выглядели замерзшими. Дорал снова порадовался, что Аяс и жители столицы, когда увидели такой упадок, передумали поворачивать в Тамбо и забрали к юго-востоку, на Кали.

Однако город был жив и наполнен людьми, наверное, как никогда прежде. Тамбо лихорадило. Слишком много магов исчезло куда-то, слишком много новых людей прибыло, и они не собирались ухаживать за городом, работать здесь, обосновываться надолго. Они просто сидели и ждали явления всемогущих магов, которые всех спасут.

И Доралу не хотелось встречаться глазами с этими людьми, которые рассчитывали на магов, а значит — и на него тоже.

Да теперь еще эта ерунда, сказанная Гасталлой, не шла из головы. По наставничьей привычке Дорал вертел ее и так и сяк, пытаясь или подтвердить, или опровергнуть мысли, высказанные некромантом.

— Кристаллы много раз подвергали опытам, — вслух подумал он, — их изучали и расковыривали со всех сторон, и никаких истечений не обнаружили. От них не исходит магии. Что это значит?

— Ничего. Мы не чуем чужеродную магию, — высказал Гасталла любимое возражение людей, которые верили в дедовские байки про демонов.

Дорал пожал плечами — а что на такое ответишь?

— Именно поэтому мы не чуем *никаких* истечений от Кристаллов, — добавил Гасталла. — Ведь действия, которые оказывают Кристаллы, — все эти исцеления, дарования сил и прочее — они могут иметь только магическую природу, а как еще? Кристалл-то по сути — маленькая реликвия, которая никогда не истощается, и мы должны бы ощущать его так же, как реликвию. Но мы присутствие реликвий ощущаем, а присутствие Кристаллов — нет. Значит, мы их магию не чуем и знать не можем, чего в них понасунуто кроме тех воздействий, что нам известны.

Дорал кивнул — не согласиться не получалось. Магистр не верил в демонов, не верил в их заговоры, но Гасталла говорил разумно, и Дорал решил обсудить вопрос Кристаллов с ректором, когда наконец до него доберется.

Магистру очень не хотелось думать, что с ректором случилось худшее. Кто-то ведь зажигает на башне огни!

* * *

— Ничего не получилось, — заметил Гасталла. — Не получилось

ничего. А что должно было явиться?

Дорал пару вздохов мрачно смотрел в то место, где ожидал увидеть дымчато-голубую рамку.

— Портал, — сухо ответил магистр. — Я хотел создать портал в свою комнату в Школе.

Дорал не был здесь полтора года, но Школа выглядела так, словно он вернулся через полтора столетия. Там и сям раскрошился камень, частью была провалена крыша, во многих окнах не доставало стекол. Оплетающий стены дикий виноград, сухой, как все растения вокруг, походил на скрюченные пальцы мертвеца. Нетронутой выглядела только самая высокая башня, в которой находился кабинет ректора, канцелярия, бумагохранилище, зал для собраний и все прочее, что нужно Школе для неучебных надобностей.

— Не получилось, — повторил некромант.

— Не получилось, — согласился Дорал, заложил руки за спину и медленно прошелся вдоль забора. — Что это должно означать? Портал возможно открыть в такое место, которое никому не принадлежит, — раз. Можно также открыть портал в место, хозяин которого это явственно позволил, — два. Я не смог создать портал, ведущий в мою собственную комнату, — что это означает?

— Что комната уже не твоя, — сообразил Гасталла, — во как ловко-то! Была твоя — стала не твоя!

— Это первое объяснение, — спокойно, словно соглашаясь с учеником на занятии, кивнул Дорал. — Но на правду оно не походит — Школа пустует. Там нет никого, кому могло понадобиться мое жилище.

— Почему ты знаешь? — пожал плечами некромант. — Там не пойми чего творится, может, и комнату твою кто-нибудь присвоил... а другое объяснение имеется?

— Да. — Дорал остановился и прищурился на высокую башню. — Комната может быть разрушена. Ты погляди, в каком состоянии Школа! И как ее до такого довели? С драконами тут сражались, что ли?.. Может, в моей комнате просто обвалился потолок или что-то в этом роде.

— А ты не можешь открыть нам портал во двор или в какой-нибудь коридорчик?

— Без позволения ректора — нет. Он отвечает за Школу, он же считается ее хозяином. Так что я пока не могу сообразить, что нам делать дальше.

Из тоскливой задумчивости, в которую погрузились маги, их выдернул окрик:

— Дорал! Дорал, это ты, старый пень?!

Магистр обернулся на голос, прищурился: уже смеркалось.

Вдоль забора размашисто шагал молодой мужчина. Улыбка во весь рот, Гасталле так и захотелось сказать — лошадиная, лицо простецкое и открытое, загорелое, волосы каштаново-рыжие и темные у корней — выгоревшие. По одному этому загару и волосам некромант понял, что лето мужчина провел в Меравии, можно было даже не глядеть на его дурацкую куртку с широкими рукавами чуть ниже локтя, какие повадились носить меравийцы в последние несколько лет.

Привычно отыскав в незнакомом человеке раздражающие черты, Гасталла чуть слышно фыркнул. А Дорал, расплывшись в ответной конячески-зубастой улыбке, пошел незнакомцу навстречу:

— Кальен! Ты откуда взялся? Решился по старости записаться в Школу, стать приличным магом?

Мужчины рассмеялись, хотя, по мнению Гасталлы, ничего смешного тут не было, и обнялись, крепко постучав друг друга по плечам.

Из слов магистра некромант заключил, что Кальен — маг-самоучка, развивший свой дар без участия Магической Школы. Обыкновенное дело — в Школу отправлялся хорошо если один маг из пяти. Только что делать полусильному самоучке в Тамбо, самом магическом городе шести краев Идориса?

Непонятым был и обоюдный телячий восторг от этой встречи. Обученные маги и обычные люди относились к самоучкам с небрежительным снисхождением, как к заносчивым детям. А самоучки презирали обученных магов, потому что те добровольно связывали себя ответственностью перед Школой и всякими там «путями жизнепознания».

И вдруг он тебе: встречаются школьный магистр с самоучкой и начинают обниматься, радостно вопя.

Мир таки спятил!

* * *

Кальен увлек магов в ближайшую таверну, вцепившись в магистра, как оценил Гасталла, чисто щучьей хваткой.

Залпом осушив полкружки сидра, новый знакомец изложил новости вперемешку с собственными соображениями, и были эти новости такими, что у Дорала и Гасталлы челюсти отвисли.

Кальен заявил, что ректор продался демонам, которые помалу

перестают скрываться и намерены обжиться во всех краях Идориса, выйти за пределы Даэли — и чем меньше там останется людей, тем демонам удобней. И что сильнее прочих демонам мешают маги, поскольку их калачами не корми — дай только сделать людям хорошо и от чего-нибудь их защитить. Уничтожить всех магов скопом демоны не могут — зато могут сделать так, чтобы паршивые колдуны больше не множились, и постепенно убить человеческое доверие к ним.

— Вот скажи мне, что с ортайской Школой? — Кальен стукнул по столу кружкой. — Не действует больше Школа, не берет учеников. Скажешь, ректор испугался тех чокнутых, что грозились сжечь город вместе с магами? Тогда, два года назад, ваши магистры могли разметать эту шайку крикунов, не утруждаясь! Так нет, ректор взял и перепугался, уверял, что на него столичный совет давил, — чушь! А меравийская Школа что? Не испугалась! И где она теперь? То-то и оно!

Дорал поначалу возражал, но затем примолк, слушал Кальена внимательно и, как показалось Гасталле, серьезно. А нового знакомца несло по кочкам дальше: он говорил, что кто-то нарочно подогревает надежду людей на местных магов и делает так, чтобы побольше народу собиралось в Тамбо. Этот кто-то даже подкармливает людей, начаровывая еду. Ведь западный край почти обезлюдел — погибла вся зелень, еще весной люди целыми деревнями уходили в южный и северный Ортай, и даже в центральный — в города и поселки близ трольих лесов, которых в прежние времена остерегались.

Западный Ортай мертв — но в Тамбо в досталь еды! Демоновы происки, вот и весь сказ!

И теперь остается последнее — разрушить веру в магическую помощь, разочаровать людей жестоко и напрочь, зародить злость на магов, которые их обманули. И сделает это ректор, который, по всему выходит, подкуплен демонами в обмен на какие-нибудь выгоды.

— Ну ты совсем уже! — возмутился Дорал. — Я ректора знаю много лет, с тех пор, как сам пришел учиться в Школу. Он до потрохов пропитан сознанием маговского назначения — помогать людям! Он живет в этом назначении, понимаешь, оно — сущность, основание. Ректор не может сделать такого, о чем ты говоришь, не отказавшись от самой своей природы!

— Значит, отказался, — упрямо мотнул головой Кальен. — Ты видал огни на башне? Нет, конечно, иначе бы сам понял. Это не простые светляки, Дорал, это уже давно никакие не светляки вовсе — он там чарует Стылый Жар, самый настоящий Стылый Жар!

Гасталла фыркнул в свою кружку. Зачем кому-то тратить уйму времени и сил на муторное выращивание заклинания, способного сжечь камень? Если бы ректор в самом деле спятил и захотел разнести Школу по кускам, то мог бы использовать что-нибудь вроде Разлада — вышло бы ничуть не хуже и куда быстрее.

Кальен исподлобья зыркнул на некроманта и продолжил, обращаясь к Доралу:

— Я потому и обрадовался, когда тебя увидел. Я ж в городе торчу с хлебородня, ищу знакомых магов. Таких, чтоб не приняли меня за безумца. И у которых есть на примете хороший искатель. Я каждый вечер вижу, как светится башня, и поверь мне, сегодня-завтра ей конец придет... А знакомцев среди магов у меня, сам знаешь, не то чтобы много, да и те немногие куда-то подевались все. Улайла приезжала, но меня и слушать не стала. Недавно Тумага встретил, но когда я его спросил про искателя, он отчего-то ругаться начал. Что с этими орками происходит, не знаешь? В Гижукке, говорят, с ума посходили всем краем, так теперь и у нас то же самое? Оровое поветрие? Они ж спокойные всегда были, как буренки, и тут такое! Словом, я уже отчаялся, уезжать решил, — и тут ты идешь! Ну прям подарок Божинин! Так ты мне скажи, друг дорогой: знаешь ли хорошего искателя, прям очень хорошего, исключительного искателя?

— Знаю, — неохотно ответил Дорал. — Только она далеко. И просто так я тебя к ней не отведу. Уж прости, мой не менее дорогой друг. Зачем тебе искатель?

— О, это такая история! — Кальен бросил взгляд на опустевшие кружки, обернулся к трактирщику, но от того виднелась только спина и затылок. Все остальное находилось за дверью, ведущей в кухню, и что-то туда орало. Кальен поднялся. — Погоди полвздоха, попрошу сидра.

Когда он отошел, Гасталла поставил локти на стол и уставился на Дорала.

— А я что? — развел руками тот. — Сам удивлен. Но Кальена я знаю давно, он честный и разумный человек! Он мне жизнь спас однажды, если на то пошло. В Меравии твоей, я влез в наглево гнездо и меня искусали страшно, если б не Кальен — давно бы у Божини под порогом трескал пироги. Он лекарь, и притом очень хороший для самоучки. Сколько я его знаю — не бывало такого, чтобы он солгал или навывдумывал ерунды. Если он говорит что-то с таким запалом — значит, сам в это верит.

— Но почему он в это верит-то? И главное — как складно все выходит у него!

Кальен вернулся с тремя кружками, ногой отодвинул край лавки.

— Слушай, Дорал, а твой искатель — это не Аэриль? Я против нее, конечно, ничего не имею, но мне нужен маг посильнее. Ты ж понимаешь, она — самый обычный искатель, а мне нужен исключительный! Аэриль не потянет — уж не обижайся, а знаю, что вы с ней много лет...

— Аэриль. — Дорал хлопнул себя по лбу и поднялся. — Гасталла, вставай. Кальен, позже расскажешь, хорошо? Нам нужно попасть в Школу, пока...

Распахнулась настежь дверь, сухо стукнула о стену. Снаружи, из загустевших сумерек, внутрь влился горький запах и мужской вопль:

— Гори-ит!

* * *

За те полтора года, что Дорал не был в Тамбо, он просто позабыл про Аэриль и про разрешение на создание портала в ее комнату. Магистр вообще был исключительно поверхностен в отношениях с женщинами — это всегда оказывалось для них неприятным открытием, поскольку своим рвением в наставническом деле Дорал производил впечатление человека ответственного и надежного.

Теперь, вывалившись из портала в комнате Аэриль, Дорал словно оказался в прошлом, в своей прежней жизни — бурной, хлопотной, полной забот и увлекательных приключений. Все тут было как прежде: узкая кровать под лоскутным одеялом, сундук — открытый, словно хозяйка покидала жилье второпях, и Дорал в тот же вздох вспомнил, как противно скрипела крышка этого сундука. Круглый приземистый стол на том же месте, и даже посуда на нем стоит, и стул справа отодвинут в точности как прежде, когда Дорал не мог пройти мимо, не зацепившись за него ногой и не выразившись неподобающим магистру образом. Все на тех же местах и в том же виде, как ему запомнилось из старой школьной жизни. Только раньше здесь пахло сухими травами и яблоками, а теперь в комнате стоял сырой и затхлый запах давно брошенного дома. И толстый слой пыли на всем — словно дымка, делающая неверной и хрупкой саму память о тех недавних, но таких далеких годах.

— Шевелись, магистр! — Окрик Гасталлы выдернул Дорала из совершенно не присущего ему состояния тихого умиления.

И через призраки несуществующих запахов, голосов, прикосновений прорезался треск и хрупанье. Главная башня была неподалеку — нужно лишь пройти через короткий коридор и галерею, да отворить

потемневшую окованную дверь с ржавой пылью у петель. За дверью будет широкая каменная лестница дугой и кабинет ректора через один пролет...

Только вот башня горит!

Коридор заканчивался грудями битых камней, от галереи осталось только подобие моста: обрушилась стена, выходящая к школьному забору, крыши тоже не было.

Да и не нужна была никакая дурацкая крыша! Она бы помешала разглядеть горящую башню вблизи, с расстояния тридцати шагов. И стена была не нужна — иначе не было бы видно, сколько собралось за забором людей, не так хорошо слышны были бы их крики.

Все это в полвздоха пронеслось в мыслях Дорала и пропало. Осталась только медленно пожираемая огнем башня Школы. Единственное место в мире и Мирах, которое Дорал мог считать своим домом.

Стылый Жар, разъедающий камни, был неумолим, нетороплив и величественно-прекрасен, как всякое истинно разрушительное явление.

Он охватывал башню по всей высоте, оставляя свободным лишь тот самый дверной проем в конце галерейки. Огонь поглощал камень, вгрызаясь вглубь, и приглушенное красно-бурое свечение становилось все светлее и ярче. Было слышно, как вздыхает пожираемый огнем камень, и в этом звуке была тоскливая безысходность, будто башня знала, что Стылый Жар нельзя остановить, будто она понимала, что умирает.

Умирает на глазах у всего города. Под истошные крики людей, перед которыми рушится их последняя надежда на спасение. Под грохот, с которым сотни рук колотят по толстым прутьям неразрушаемой ограды. Под безмолвный вопль своего воспитанника, который опоздал совсем немного, быть может, на считанные вздохи — безнадежно, безвозвратно опоздал.

— Дорал, сынок, ты как здесь, откуда?

Ни магистр, ни Гасталла не заметили, откуда появился старик. Верно, вышел из горящей башни — не случайно же Стылый Жар так бережно обходил дверь. Старик был полный, аккуратный, и отчего-то он вызывал доверие, хотя каждая черта лица по отдельности выглядела неприятной — крючковатый нос, тонкие губы, сильно отвисшая складка под подбородком. Пламя горящей башни подсвечивало сзади густые серые волосы, и они казались зловещими, алыми.

— Ректор!

Лицо Дорала разгладилось, магистр подался вперед, точно хотел убедиться, что глаза его не обманывают, что ректор в самом деле жив, цел, в здравом разуме... Только если ректор в своем уме, то кто же вырастил

Стылый Жар?

— В башне был кто-то еще? — влез Гасталла, тоже сделал шаг вперед.

Ректор посмотрел на него непонимающе, словно только теперь заметив, мотнул головой: нет, никого.

— Получается, — некромант обернулся к Доралу, — получается, что это все-таки старик уничтожает Школу? Так тут одно из двух: или старик спятил, или вправду продался демонам. Ты как хочешь, а я теперь во все поверю.

— Вы уже знаете, — ректор мягко улыбнулся, — это хорошо, Дорал, сынок, это хорошо, потому что времени нет, не до объяснений. Не хотел я, чтоб ты это видел. Уходи, сынок, уезжай отсюда подальше, за море, ты слышишь меня?

— Какое, к демону, море? — Магистр сделал еще шаг вперед, взгляделся в лицо старика, словно искал в знакомых чертах — чужие.

Ректор выглядел совершенно обычно, только обычный ректор не мог говорить ничего подобного.

Огонь ярко освещал остатки галереи, выхватывая ее из сгустившейся тьмы. Люди за забором кричали все исступленней, но было непонятно, видят ли они магов или смотрят только на башню.

— Зачем ты сжигаешь Школу, старый дуралей? — снова встрял Гасталла. — Чего тебе демоны наобещали за сожженную Школу, а? Жизнь или кошелек?

— И то, и другое, — тонкие губы дрогнули в улыбке, — и еще новый дом далеко отсюда. Но главное не во мне. Главное в людях. Дорал, сынок, не думай обо мне плохо. Мы ничего не смогли бы сделать, Идорис обречен, понимаешь? Спасутся лишь те, кто уедет за море, туда большая сушь доберется не скоро, на человеческий век спасения хватит. Уезжай, сынок, слышишь меня?

— Да как ты мог такое сделать! — заорал магистр. — Какие демоны, какое море, это же Школа, это же твой дом тоже, ты же в нее вложил столько, сколько никто...

Старик покачал головой и полез за пазуху. Гасталла упреждающе поднял руку со слабо засветившимися пальцами, Дорал шагнул к некроманту, становясь между ним и ректором, но тот вытащил из-под куртки всего лишь костяной свисток на кожаном шнурке. Сильно дунул в него, не издав ни звука, и снова сунул за пазуху.

Гасталла и Дорал переглянулись. Стылый Жар, разгоревшийся в полную силу, бросал на их лица отблески: желтые, алые, красные, и в этих отсветах казалось, будто лица искажаются страшными болезненными

гримасами.

— Мне, сынок, трудно было решиться. Но что я за ректор, если не позабочусь о людях и магах в такое страшное время? Последним росчерком... Мы не можем противостоять этому, сынок. В Идорисе больше нет надежды. Пусть все это поймут, прямо сей вздох пусть поймут — тогда хоть сколько-то народу уедет отсюда. И ты уезжай, сынок, слышишь? Ты ничем тут уже не поможешь.

Со стороны другого крыла Школы послышались мощные хлопки, словно чьи-то гигантские руки трясли огромный отрез плотной ткани. Толпа на улице закричала испуганно и удивленно, и тут же галерею накрыла крупная тень.

— Не могу взять тебя с собой, сынок. Выбирайся отсюда, открывай портал в город, там пусто, все люди здесь собрались. Выбирайся и уезжай, за Южное море или за Эллорское, слышишь, сынок?

Существо, висящее в воздухе перед галереей, выглядело орлом-переростком, сросшимся с дикой кошкой. Только что это за кошка такая, в полтора раза крупнее лошади? В отсветах пламени было непонятно, какого цвета у него перья — то ли серые, то ли грязно-белые.

— Грифон! — завопил Гасталла. — Нет, ты понимаешь, демонов подарок! Дриады не продают грифонов людям! Ах ты паскудный мерзкий троллий брат!

Сложив руки на груди, Дорал молча смотрел, как ректор ловко, привычно перебирается на грифонову спину. Оттуда, удерживая нетерпеливо гарцующее в воздухе животное, ректор уже почти кричал:

— Уезжай, сынок! Божининым именем прошу, спасай себя! И меня не кори, постарайся понять...

За забором возмущенно орали и визжали. Теперь-то уж не обратить внимания на галерею люди не могли, и ректора они наверняка узнали. И видели, как он улетает от горящей Школы на грифоне, хотя дриады не продают своих питомцев чужакам.

Наверное, в глазах людей, собравшихся у школьных ворот, все это выглядело еще хуже, чем было на самом деле, хотя куда хуже-то?

Топать ногами и орать во всю глотку, совсем как в детстве, — вот чего хотелось Доралу в тот вздох, когда грифон и ректор улетали на запад, в сторону Даэли.

— Теперь в Ортае станет трудно быть магом.

Из блекло-голубой рамки, покачивая бедрами, выступила высокая тень. В первый вздох показалось, что женская.

Длинная сорочка из тонкой ткани без ворота перехвачена на бедрах струистым широким платком, поблескивают амулеты на шее, звякают браслеты на тонких руках. Как живые, переливаются в отблесках факела длинные локоны медового цвета. Глаза огромные, раскосые, взгляд с прищуром. Движения почти человеческие. Подчеркнуто человеческие.

Из вихря медовых локонов вздымаются два маленьких крутых рога прямо надо лбом, бодливо выступают вверх и круто уходят к затылку.

— Какого демона здесь делает демон? — поразился Гасталла и обернулся к Доралу. Увидел выражение лица магистра и безнадежно уточнил: — То есть она не всегда тут была, да? Это не учебное вспоможение, не школьный питомец...

Демоница склонила голову набок, словно примеряясь, как бы половчее начать жевать некроманта. Гасталла смешался и умолк.

— Сам ты демон, — наконец проговорила она. Голос был глухим и с хрипотцой, как будто слова приходилось выталкивать из горла, сразу и не поймешь — говорит она или шипит, — а я — ночница.

Маги смотрели не по-доброму, почти одинаково держали за спинами правые руки, на которые были подвешены какие-то заклятия. Люди за забором уже не кричали, а возбужденно перекликались, слышались глухие стуки и скрежет, по улицам таскали что-то тяжелое. Огонь на башне оттягивал на себя весь свет в округе, и с галерейки улица выглядела мутным пятном с дымчатыми силуэтами в нем.

— Я не демон, — с непонятым раздражением повторила ночница, — я сберегатель. Призорец, по-вашему.

— И за чем ты в таком виде призорствуешь? — вежливо спросил Дорал.

— За магонами, — просипела ночница и нетерпеливо обернулась на рамку портала, из которого появилась.

Гасталла сделал полшага в сторону, чтобы хорошо видеть портал и того, кто выйдет оттуда. Конечно же, кто-то должен выйти, иначе с чего б эта сберегательница стала оглядываться? Словно не заметив его движения, ночница приложила к груди ладонь с тонкими длинными пальцами:

— Я Дефара. Кальен сказал, у вас есть искатель.

Дорал закрыл глаза, закинул голову и несколько вздохов стоял недвижимо, глубоко и шумно дыша. Потом открыл глаза и сердито сказал:

— Я устал ошалевать. Того и гляди, во все это поверю: в демонов,

призорцев за магонами и ректора, который сжег Школу.

— А я понял, отчего выпускники ортайской Школы такие тугодумные остолопы, — заметил Гасталла, — они только и могут, что вырастать тугодумными остолопами, потому как у них наставники именно такие. На кой тебе искатель, ты, призорица?

По ограде загрохотали. Дорал подумал, что теперь, когда ректор бросил Школу и удрал, у места не стало хозяина. Потому и открылся портал для ночницы, и, кажется, забор перестал быть неразрушимым.

Из портала к ногам Дефары выкатились двое сцепившихся мужчин, в одном из которых уже без удивления Дорал узнал Кальена. Тому повезло оказаться сверху и хорошенько приложить второго мужчину затылком о каменный пол.

— А еще лекарь, — только и сказал ему Гасталла.

Кальен виновато развел руками и пробормотал что-то насчет увязавшихся, а потом — насчет башни, которая того и гляди свалится наземь к демонам собачьим. Про ночницу он ничего не сказал, но по нежным взглядам, которыми обменялись маг и сберегательница, Дорал и Гасталла поняли все, что предпочли бы оставить невыясненным.

Дефара взяла один из висевших на шее амулетов, и маги узнали в нем костяной свисток, такой же, какой был у ректора. Ночница дунула в него дважды и скупо бросила:

— Нужно найти Стража.

— Это самый старший дракон, — Кальен немного повысил голос, чтобы его было слышно за гудением Стылого Жара, — его нужно найти и упросить растолкать других драконов. Тогда, может, Идорис еще выживет, а сберегатели смогут убраться назад в Азугай. Но найти главного дракона сможет только очень одаренный искатель! То есть, *может быть*, сможет.

Горящая башня загудела, из глубины каменной кладки раздался треск.

— Конский конь! — Кальен схватил Дорала за руку, потащил дальше, к краю галерейки. Сверху послышалось мощное хлопанье двух пар крыльев. — Ну так что, есть такой искатель у тебя?

— Есть. — Дорал высвободил руку и перехватил запястье Кальена. — Но сначала я хочу увериться, что вы оба говорите правду. Или хотя бы сами верите в то, что говорите. И что вы не спятили сильнее, чем кажется. Ясно?

* * *

К этому вздоху все, кто был в городе, собрались на улице перед

Школой, облепили ближайшие деревья, заборы и крыши. Люди хорошо разглядели двух светлокрылых грифонов с четырьмя всадниками на спинах — грифоны заложили широкую дугу перед оседающей наземь школьной башней и, мощно взмахивая мохнатыми совиными крыльями, полетели на восток.

Глава 3

Заложники пути

Людей стало столько, что Божиня уже не могла уследить за всеми. Тогда она отыскала самых достойных человеческих детей своих и одарила их могучей колдовской силой. И назвала их магами, и повелела им спасать людей там, куда сама не поспевает.

Предания, следоуказательный текст

Всадница на серой лошадке отъехала перехода на три от Эллора, когда дорогу ей преградил молодой мужчина на чалом коне. Девушка никак не выразила своего отношения к такому нахальству, объехать всадника не попыталась и даже в лице почти не изменилась, только прищурила ореховые глаза.

Мужчина улыбался, и возле его губ появлялись тонкие морщинки, укоризненно качал головой, и длинные темные волосы блестящим покрывалом колыхались на широких плечах. Серо-голубые глаза на ярком свете казались почти синими, и в них угадывалась та самая плутовская искорка, которая, по мнению многих женщин, обладает особой магической притягательностью.

Возможно, в Ортае была всего одна девушка, которая бы отказалась повстречаться на дороге с таким мужчиной, и эта девушка сей вздох находилась прямо перед ним.

— Давай угадаю: ты ее нашла.

Голос у него тоже был хоть куда: красивый, глубокий. Таким голосом только сердечные песни под окнами распевать. Да он и распевал, наверное: за спиной у него болтался музыкальный инструмент, похожий на лютню, но меньше и длиннее, сделанный из диковинного черного дерева.

— Нашла, — неохотно подтвердила девушка.

— И я снова угадаю: после этого тебя малашка укусила в зад, поэтому ты никак не могла дожидаться меня в Эллоре.

Девушка мотнула головой, и короткие соломенные волосы, на вздох взметнувшись, сделали ее похожей на одуванчик. Подсвеченное солнцем

лохматое облачко волос так не вязалось с сердитым выражением ее лица, что мужчина рассмеялся.

— Я не маленькая, Шадек. Не нужно меня опекать.

Улыбка исчезла, сменившись нахмуренными бровями и строгим взглядом.

— Как раз потому и нужно, что не маленькая. Не уследишь за тобой, поганкой. Ты знаешь, что на дорогах опасно? Ты знаешь, что с тобой сделают маголовы, если поймают?

— То же самое, что с тобой, — поморщилась девушка, — но ты же едешь один.

— Лишь потому, что ты меня вынуждаешь. Я так и знал: не дождешься, пока мы со стражниками приедем, помчишься домой, как ужаленная. Пришлось проявлять благородство и переться сюда в одиночестве.

— Стражники не с тобой? — удивилась магичка.

— Со мной, — кивнул Шадек, — сей вздох из карманов достану. Сама не видишь, что я один? Вчера переезжие в вербяном городке учинили бедлам, стражники заняты, а Хон — он думал, ты лишний денек подождешь в Эллоре. Но я-то тебя, занозу, знаю. Я-то понимаю, что ты лишнего вздоха не пробудешь вдали от своей жуткой любимой работы! И летний лес тебе не в радость, и покой тебе в тягость, и подруга любимая не занимает. Нет, скорей, скорей в свою стихию! Туда, где болячки, свары, гам и жизнь впроголодь. Вот это дело, это мы понимаем!

— Не стоило ехать одному, — смутилась девушка и легонько пнула лошадку пятками. Та охотно пошла вперед, и пара всадников поехала бок о бок по пыльной, испещренной глубокими рытвинами дороге.

Со стороны это могло сойти за неспешную прогулку молодой пары — красивой пары, потому что невзрачное личико магички с мелкими чертами удивительно гармонировало с яркой внешностью мага, словно напоминая: так заведено в природе, что броскими и заметными бывают самцы, а не самки.

Закончился желтотравень, но днем еще было тепло почти по-летнему. Солнце подсвечивало светлые листья редких верб и последними прикосновениями ласкало загоревшие лица. Мягкий свет лился на неухоженные поля, с которых мало что удалось убрать в хлебородне и сгребне. Легкий беспокойный ветерок играл клубами пыли и щекотал придорожную траву, в зеленых кочках которой густела седая осенняя сухость.

— Так, значит, девочку ты нашла, — заговорил Шадек. — Но

мордашка у тебя мрачная. Все плохо?

— Девочка утонула. Забрела к озерцу с красными рыбками, там вода холодная, ты знаешь. Она, верно, захотела поплавать, было жарко...

— Озерцо с красными рыбками? — переспросил Шадек. — Она что, была в Эллоре? Прошла за граничный морок?

— Ну да, — девушка поморщилась, — как-то прошла. Родителям я этого не сказала, конечно, а в Эллоре теперь переполох. Если все переезжие, что живут в окрестных шалашах, узнают, что там просто морок, что по дороге в Эллор любой болван может пройти, а не только приглашенный эльфами... Представляешь, что там начнется?

— Представляю, — совершенно не впечатленный, скривился Шадек, — эльфам придется потесниться и возиться с людьми, которые потеряли кров. Остроухие не переживут.

Дорога пошла в горку, и оба мага замолчали, оглядываясь по сторонам. По теперешним временам за полдня пути от Эллора до Мошука можно было наткнуться на две-три разбойничьи банды: больно уж им понравился восточный Ортай, пока не затронутый сушиью, куда жители западных селений перебирались целыми семьями.

Без атакующих заклятий, подвешенных на обе руки, маг нынче и за порог не выходил.

В последний год ортайцы все чаще обвиняли магов в том, что сушия надвигается — дескать, «от их извечного колдунства растряслась сама ткань мироустройства, а теперя расплзается так, что получают сплошные прорехи». Жрецы вначале напоминали, что маги — любимые дети Божинины и не могут чинить людям вред по сути своей. Но вскоре жрецы, утверждавшие так, разделились на таинственно исчезнувших и стыдливо примолкнувших. А отряды садистов-маголов обрели повсеместную и дурную славу: если им удавалось изловить «мерзкого чаровника», то ему оставалось только убить себя самому. И как можно быстрее, потому что первым делом маголовы ломали «мерзким чаровникам» пальцы.

— Ты напрасно так говоришь про эллорцев, — заявила магичка, когда пригорок был преодолен. Дальше шел длинный прямой участок дороги. — Они много помогают переезжим, и еду несут, и одежду, и охрану выставили. Даже вместе с ними латают избы в старой дровосековой зимовке...

— Конечно. — Шадек привычным движением дернул за ремешок свой диковинный музыкальный инструмент, пристроил его на седле и принялся перебирать струны. — Зима идет. Либо эльфы помогут переезжим с

зимовкой, либо те перемерзнут насмерть в шалашах, и тогда по весне будет вонь стоять на весь Эллор.

— Шадек, это несправедливо! — повысила голос магичка. — Эльфы делают для них все, что могут! Нельзя требовать, чтобы они стали пускать к себе посторонних, это разрушит весь уклад жизни в Эллоре — ну зачем это нужно, а?

— Подумать только, — после продолжительного молчания негромко сказал маг, — подумать только, как ты стала рассуждать с некоторых пор. В прежние времена ты первая бы требовала, чтоб эльфы взяли к себе столько переезжих, сколько получится напихать в Эллор. Чтобы кормили их, поили и в гамаке качали. А теперь говоришь, что держать страдальцев за пограничным мороком — очень даже правильная мысль.

— Ты бы рассуждал точно так же, если б лучше знал прежний Мошук, — резко ответила магичка. — Если бы ты видел, как он меняется с появлением переезжих. Как быстро они начинают думать, что жители менее пострадавших поселений чем-то им обязаны...

— А ведь ты возишься с ними, — перебил Шадек. — Целыми днями носишься по вербяному городку среди переезжих да ищешь, где бы добро причинить. Как же ты сдерживаешься, чтобы не развешивать по деревьям этих неблагодарных, ужасных людишек, а?

— Я не сдерживаюсь. Иногда убиваю кого-нибудь особенно вонючего. Шадек рассмеялся, но тут же умолк, увидев, каким непроницаемым остается лицо магички.

— Надеешься спасти всех?

— Надеюсь. Жаль, что нельзя спасти их скопом, поодиночке очень долго получается.

— И вот ты несешься к ним, презрев все прелести своего любимого Эллора, — повторил Шадек.

— Конечно, несусь, — Магичка раздраженно хлопнула ладошкой по седлу. — Я гласный маг города! Людям плохо, и они смотрят на меня с надеждой — что мне остается, не обращать на них внимания? Зажать уши и убежать? Переселиться в Эллор, отгородиться мороком от всего Орта и любоваться бабочками?

— Я бы так и сделал, — кивнул Шадек, перехватил музыкальный инструмент второй рукой и промурлыкал:

*Там пахнет грибами и вечно-лукавым оранжевым летом,
Басом сердится шмель, заползает от солнца под крышу.
Что тебе снится в Эллоре? А впрочем, не нужно ответа.*

Он мне не понравится, знаю, я и не хочу его слышать.

Магичка вдруг рассмеялась:

— Так что ж не уезжаешь? Тебя ведь тоже пускают туда, как друга Кинфера. Вон, даже отметили особо, подарили эту жуткую бренчалку. Ты когда-нибудь видел вещи из илфредского дерева за пределами Эллора?

— Эта жуткая бренчалка называется «бузука», — в сотый раз напомнил Шадек, — и я не могу перебраться в Эллор, пока мои друзья надрываются гласниками в Мошуке. Вас же там сожрут без меня! А вот как вы с Олем образумитесь — так все вместе и уедем. Уедем же, правда? В Ортае нечего делать, поверь мне, переезжих скоро станет столько, что никакой город не справится, да и Школа, по сути, теперь так, только для вида. Когда ректор в последний раз весточку слал, а? Бросил он нас, вот ухом клянусь!

Магичка снова посмурнела.

— Может, еще обойдется, — проговорила неуверенно, почти просительно.

— Размечталась, — безжалостно припечатал Шадек и начал негромко наигрывать грустную мелодию.

Два года назад новоявленные противники «гадских чародеев», объединившись, собрались двинуться на Тамбо и сжечь его дотла вместе с магами. И даже внутри города нашлось немало людей, поддавшихся новым предубеждениям и поддержавших поджигателей. И, хотя магистры обещали «показать дурным огнеманцам, как мавки кочуют», ректор решил закрыть Школу. Остались только маги пятого-шестого года обучения и их опекаторы, а ученики помладше разъехались по домам или отправились со своими магистрами в Меравию: тамошняя Школа согласилась приютить ортайцев. Остальные магистры уехали кто куда.

В начале нынешнего лета Школу Ортая покинули последние полтора десятка обученных магов. А меравийская Школа полгода назад была разрушена ночным землетрясением и погребла под развалинами всех, кто находился внутри.

— И все-таки, — через некоторое время снова заговорил Шадек, — ты убегаешь из Эллора так быстро, будто тебе там не интересно...

— Неправда, очень даже интересно!

— ...или тебя там что-то тяготит. То есть тяготит еще сильнее, чем в Мошуке, хоть он и похож на обитель умалишенных.

Магичка отмалчивалась.

— Как там Умма? — зашел Шадек с другой стороны.

Девушка фыркнула. Маг вздохнул, задвинул бузуку обратно за спину. Придирчиво оглядел подозрительные деревья справа от дороги.

— Ты что, даже не зашла к ней, поганка?

— Ну и не зашла! — повысила голос магичка. — Можешь быть уверен, она даже не заметила!

Обращенная к Шадеку щека и часть уха, которую было видно под короткими волосами, покраснели. Маг улыбнулся.

— Нечего зубы скалить, — сердито заявила девушка. — Ты будто сам не видишь, какая она стала, Умма, после того как...

— После того, как Кинфер погиб.

— После Кинфера она грустила, но хоть была сама на себя похожа. Хотя после той дурацкой выходки с прахом, когда она заявила, что Кинфера убил демон, а никакой не мрыг...

Шадек пожал плечами. Он был согласен с Бивилкой: обычный человек не будет всерьез слушать семилетнего ребенка, который уверяет, будто прах усопшего ему там чего-то нашептал. Но после смерти Кинфера Умма была словно перевернутая, могла еще и не тому поверить.

— Но когда умерла Яниса, — продолжала Бивилка, — когда родители Кинфера забрали Умму в Эллор к племяннику — вот после этого она так переменилась, что я уж и не знаю, кто она такая. Как будто чужой человек. Ты что, сам не замечаешь?

— Не очень, — рассеянно ответил Шадек, с прищуром разглядывая поле. Там бродили маленькие хрюшки или показалось? Откуда им тут взяться, теперь ведь ни один хозяин не бросит скотину без присмотра и на вздох? — Но мне-то она не была задушевной подругой. Как по мне — Умма и Умма, ну выкидывает что-нибудь эдакое иногда. Но ведь ей больше всех досталось как ни крути. Было бы удивительно, если б она совсем не изменилась.

— Но не так же, чтоб наплевать на школьных друзей! — вскричала магичка. — Она теперь вообще не пойми куда смотрит, только эллорские байки, предки, леса, только племянник, родители Кинфера, какие-то эльфийские друзья да еще Тахар. Вот что у них может быть общего с Тахаром?!

— Это кто еще такой?

— Маг, — скривилась девушка. — Самоучка из какой-то северной деревни. О чем ей дружить с самоучкой, скажи мне?

Шадек пожал плечами. По его мнению, ничего удивительного тут не было: кто водится в эльфийском пределе, с тем Умма и общается.

— Кто-то едет, — сказал он вместо ответа.

Маги подобрались, придержали лошадей, внимательно рассматривая троих всадников. Едут верхом, без вещей, детей не везут, скотину не тащат — значит, не переезжие. Не торопятся, выглядят расслабленными — как будто нынче нечего бояться на дороге. Может быть, оттого, что это их все пугаются?

— Кажется, там одна девушка, — бормотал зоркий Шадек. — И у мужчины что-то висит за спиной. Лук? Давай подведем. Точно лук, смотри, какой здоровый!

Оба немного успокоились: «здоровый лук», скорее всего, означал, что всадники были эллорцами, ортайцев же учили обращению с мечами, топорами или копьями. И хвала Божине: умей маголовы пользоваться луками, число магов в Ортае уменьшалось бы с еще более пугающей быстротой.

— Кажется, у девушки мечи, — удивленно добавил Шадек. — Два меча на поясе, в жизни такого не видел!

Магичка застонала так, будто у нее заболел зуб. Или два.

— Что? — не понял Шадек.

— Про серого речь — а серый навстречь, — процедила девушка. — Здоровенный лук у эльфа и девчонка с двумя мечами — это значит, сюда прется Тахар со своим... балаганом страховидлов.

— Да? — заинтересовался Шадек и пнул своего коня пятками — ему интересно было посмотреть и на нового друга Уммы, и на страховидлов.

Магичке ничего не оставалось, как направить лошадку следом, чуть подотстав: не то что встречаться с этой троицей, а даже смотреть на них не хотелось. Кажется, единственный раз в жизни ей довелось повстречать людей, которые стали ей ненавистны в единый вздох, безоговорочно и в полном составе.

Троица приостановила коней, едва узнав магичку, которая упрямо держалась чуть позади Шадека. С ее слов маг сделал вывод, что эти трое путников — ужасные и омерзительные, станут ругаться и бросаться гнилыми яблоками, однако выглядели они мирно. Выражение лиц при виде магички у всех троих сделалось одинаковым, приветливо-насмешливым — как у взрослых людей при встрече с задиристым подлетком.

И страховидлами они тоже не были. Вот этот высокий худой паренек — наверняка и есть маг Тахар, с которым подружилась Умма. У него длинные беспокойные руки с большими ладонями, резкие черты лица и жесткие белобрысые волосы. Брови и ресницы намного темнее волос, рыжевато-русые, и из-за них веселые карие глаза кажутся яркими. Шадек

припомнил, что даже видел этого парня раньше — на городском рынке, у прилавка травника. Тахар придирчиво рассматривал корешки, а травник, сухощавый и громогласный морщинистый старик в извечном мятом балахоне, перед которым даже гласные маги чувствовали себя нашкодившими котятками, — так вот, этот самый травник угодливо подсовывал Тахару другую вязку корешков, заискивающе заглядывал в глаза и тихоньким тонким голосочком просил сварить какое-то сложное зелье. Шадек не помнил, видел ли тогда Тахара одного или вместе с друзьями, но отчего-то из слов Бивилки он заключил, что эти трое могут быть только вместе и никак иначе.

Эльф выглядел как самый что ни на есть элloreц, родившийся не в Эллоре. С виду обыкновенный мужчина — рослый, в ортайской дорожной одежде, волосы у него длинные, темные, стянутые в хвост на затылке. Только по открытым ушам и поймешь, что эльф. А что элloreц — по надменному взгляду убийственно-зеленых глаз. Еще одной заметной чертой в лице эльфа был подбородок — такой квадратный и упрямый, что сразу становилось понятно: его невозможно убедить или переспорить, проще сразу бить в лицо, чтоб хоть душу отвести. Почему-то эльф не носил в ухе серьги, как все элloreцы. Если он еще не заслужил права на знак принадлежности к исконцам, то почему у него за спиной висит лук из илфредского дерева, который достается далеко не всякому даже урожденному элloreцу?

Шадек заметил, что эльф смотрит за его плечо, на музыкальный инструмент из того же илфредского дерева. И морщит лоб, спрашивая себя, как подобная вещь оказалась в руках человека.

— Здравствуй, Бивилка, — все с той же добродушной усмешкой поздоровался Тахар.

— И тебе не чихать. — Девушка все-таки подъехала ближе, встала вровень с Шадеком, но смотреть на кого-либо из троицы избегала. Мазнула взглядом по плечу Тахара и снова уставилась в сторону, как будто за спиной мага происходило что-то более интересное. — Какой ветер вас унес так далеко от дома?

— Северный, — он продолжал улыбаться. — Порталы, Бивилка.

— А что порталы?

— А то, что все Миры у нашей Лирмы мы уже обшарили, — охотно объяснил Тахар, — и вообще все обшарили, что северней Эллора. В самом Эллоре порталов нет, так что теперь нам остается забирать на юг и на запад, к Мошуку. В Мирах-то теперь много удивительного творится, ты ж знаешь.

Магичка так удивилась, что посмотрела наконец прямо в его веселые карие глаза.

— Не знаю. Почему я должна знать?

Он пожал плечами.

— Ну, я думал, Умма тебе рассказала.

Бивилка засопела и не ответила, но взгляд не отвела. Тахар улыбался. Шадек смотрел на него и думал, что как друг Бивилки должен бы, наверное, сказать этому самоучке какую-нибудь гадость. А то и с лошади его уронить. Но Шадеку больше хотелось улыбнуться Тахару в ответ, а Бивилку обнять за плечи и посоветовать не расстраиваться из-за ерунды.

— Будьте осторожны на дорогах, — сказал наконец Шадек, чтобы прервать затянувшееся молчание и отвлечь внимание троицы от розовеющих щек подруги, — стражники говорят, в этих краях появилась шайка маголов.

Предупреждение было пустым: маголовы на группы не нападали. Для двух-трех путников больше опасности представляли разбойники, вылупившиеся из разоренных сушию селян, — маголовы же предпочитали храбро сражаться с одиночками, восполняя свою трусость изощренной жестокостью.

— Маголовы? — Тахар наморщил лоб, и Шадеку почудилось в этом что-то нарочитое. — Ну да, ну да. Они были неподалеку, это правда.

— Больше не будут.

Только теперь маг рассмотрел вблизи третьего человека в этой необычной группе — девушку с двумя мечами. Странно, что после того, как всадники подъехали, Шадек даже вскользь не взглянул на нее — обычно-то на девушек он смотрел как раз в первую очередь.

Невысокая, с Бивилку ростом, но не такая щуплая, обычные штаны с рубашкой и поясом из плотной ткани выглядят на ней чуть ли не праздничным нарядом. Черные волосы отливают серебром в солнечных лучах, глаза тоже черные, большие, блестящие — в точности как у жительниц Меравии, но кожа — светлая, а на щеках пестрят яркими точками редкие веснушки, крупные, будто нарисованные. Большой рот с бледными губами добавляет лицу той замечательной неправильности, из-за которой от него нельзя отвести взгляд.

— Хотите сказать, что перебили шайку маголов?

Услышав голос Бивилки, Шадек понял, что уже довольно долго сидит и молча пялится на девушку. А та каким-то непостижимым образом умудряется смотреть на магичку, но улыбаться Шадеку.

— Ты прямо на лету все схватываешь, — говорила она негромко, чуть

растягивая слова, и было не понять — это такая манера разговора или особый тон, взятый в отношении Бивилки. — Быть может, мы спасли твою шкурку от редкостно паскудной гибели, что скажешь? Но ты не выглядишь довольной. Ты выглядишь раздувшейся, как жаба. У тебя был свои виды на эту шайку? Ты хотела покончить с собой самым придурочным способом из всех?

Магичка поджала губы.

— Я просто не знала, что вы еще и людей убиваете. Я думала, только зверушек.

Девушка повела плечами.

— Брось. Это были ненужные люди.

— Их следовало доставить в Мошук, — стараясь говорить спокойно, возразила магичка, — преступники должны помещаться в тюрьму, а их дальнейшая судьба...

Тахар и эльф одинаково закатили глаза, да и Шадек едва не сделал то же самое. А черноглазая девушка смотрела на Бивилку спокойно и вызывающе, как тогда, в Эллоре, когда... Когда Бивилка поняла, что эта девчонка пугает ее.

Элморцы тогда готовились отмечать один праздник летнего начала. Тахар и его друзья нарочно приехали в Эллор, и их даже допустили к подготовке торжества — ни Бивилка, ни жившая в Эллоре Умма такой чести пока не были достойны, но болтались на полянке неподалеку.

Тогда все случилось очень быстро: из густой листвы высоченного дерева к черноглазой девушке бросилось что-то большое и лохматое, надрывно крича. Сама Бивилка, повернувшая голову на визг, успела только охнуть и прижать ладонь ко рту. А девчонка — пригнуться, выхватить мечи и ударить двумя руками снизу, по рукоять вонзив клинки в тело... большой обезьяны, которой в недобрый вздох пришло в голову поиграть с новым человеком. Живность в Эллоре почти вся была такая: ручная, дружелюбная, общительная. Эльфы любили ее, а обезьян держали почти что за друзей.

Обезьяна охнула, посмотрела на девчонку недоверчиво и обиженно, схватилась ладошкой за торчащий под ребром клинок и нелепым мохнатым кулем осела наземь. Черноглазая тут же сделала широкий шаг назад — плавное, выверенное движение, не вязавшееся с растерянным выражением ее лица. Обезьяна хрипло застонала, выхватила пук травы из рыхлой земли, бессильно скребнула когтем по рукояти клинка и затихла.

— Девочка, это было вовсе не обязательно, — болезненно поморщившись, сказала тогда Имэль, старшая эльфийка, а черноглазая

состроила подчеркнуто-скорбную мину и отошла в сторонку. Уселась у ручья и принялась сосредоточенно отмывать окровавленные руки.

Умма и Бивилка были потрясены. Если бы эллорскую обезьяну убила одна из магичек — ей пришлось бы покинуть край исконцев немедля и навсегда, да хорошо еще, если без отпечатка эльфийского ботинка пониже спины. А эта сумасшедшая девчонка отделалась укоризненным «Вовсе не обязательно», произнесенным чуть ли не извиняющим тоном.

Чуть погодя Бивилка подошла к девушке. Та сидела на траве, спокойно и тщательно отчищала от крови клинки. Ее друзья под присмотром Имэль давно утащили труп обезьяны в лес, но перед глазами Бивилки все еще стояли нелепо вытянутые мохнатые ноги, длинная лапа, вцепившаяся в траву, задранный подбородок. И торчащие под ребрами клинки — хозяйка их не вытащила сразу, чтобы не уляпаться в крови еще больше. Бивилка уже не помнила, что именно тогда сказала ей — что-то о том, как не следует обращаться с милыми зверушками, и что, выхватывая клинки при любом шорохе, можно навлечь на себя большую беду.

Девчонка тогда посмотрела на нее внимательными черными глазами, в которых не было видно зрачков, и задумчиво спросила:

— Тебя когда-нибудь убивали?

Бивилка только рот открыла. Девчонка еще несколько вздохов смотрела на магичку так, словно собиралась что-то добавить, что-то такое же непонятное и странное — но тут рядом возник Тахар, кончиками пальцев провел по плечу подруги и тихо попросил:

— Аль, не надо.

Она скорчила рожицу и отвернулась, и больше в тот день не глядела на Бивилку.

А магичка поняла, что черноглазая девчонка всерьез ее пугает. Ведь не может обычный человек скучающим тоном задавать такие вопросы. Не может ортайская девушка носить мечи и отмывать окровавленные руки в тихом светлом ручье. Не бывает у девушек с картинно-красивыми лицами такого пронзительного и тревожного взгляда, от которого выворачиваются наизнанку мысли...

Было во всем этом нечто глубинно-зловещее. Как будто девчонка — ведьма из старых сказок, которая живет на свете многие сотни лет, похищая тела молодых дев, и выдать ее может только взгляд — слишком древний, мудрый и горький для юного существа.

Вот и теперь она смотрела на Бивилку своими жуткими черными глазами, и казалось, будто она видит, как в голове магички носятся обрывки мыслей.

Бивилка отвела взгляд, не закончив говорить о маголовах, вязницах и правильных поступках.

— Поехали, — сказала черноглазая своим друзьям, отвернувшись, и магичке показалось, что она чем-то разочарована, — дедушка ждет.

Услышав уютное слово «дедушка», Бивилка снова возмутилась. Умалишенное существо с колдовским взглядом, которое носится по округе с двумя клинками и убивает без разбору все, в чем лишь почувдится опасность, — такое существо не имеет права на дедушку, дом, бублики с медом, теплое одеяло и тому подобное. Так считала магичка. Домов и одеял нынче другим людям не хватает, куда более достойным — во всяком случае, не отнимавшим жизней почем зря. И то, что у черноглазой девчонки есть дом и дедушка, а у переезжих семей — нет, рассердило Бивилку.

Кивнув на прощанье обоим магам сразу, девчонка стукнула свою лошадку пятками, и та, высоко поднимая тонкие ноги, аккуратно обошла Шадека. Девушка смотрела на него искоса, с полуулыбкой. Следом, столь же небрежно кивнув, проехал эльф, так и не сказавший ни слова, и Шадек вдруг подумал, что было бы здорово, окажись этот парень немым.

Тахар, ехавший последним, придержал своего коня.

— В Мирах что-то зреет, — очень тихо сказал он Шадеку. — Магоны пропали, давно, мы уж почти позабыли, как они выглядят. А до того, как исчезнуть, они перестали нападать на чужаков.

Шадек вскинул брови. Чтобы магоны, эти уроды бешеные, не кидались на путешественников? Да быть такого не может!

— Они тянулись к порталам, — еще тише добавил Тахар. Смешно выпятил нижнюю губу, — словно знали, что через порталы можно выйти.

— Бред больной лошади, — вежливо усомнился Шадек. — А даже если нет — они не могли выйти без амулетов. Да и с амулетами не могли, потому что ни животные, ни магоны не могут...

— А теперь порталы желтеют. — Тахар кивнул эльфу, который, обернувшись нетерпеливо постукивал пальцами по бедру и корчил другу страшные рожи. — Бдыщевая мать разберет, что там, но вы в Мошуке придержите детишек. Чтоб не совались в Миры. Хорошо? Шадек, ты слышишь?

— Слышу, — неохотно протянул тот. — Ну, спасибо, наверное, что рассказал. Придется теперь переться к порталу, проверять — но если он вправду желтый, так это же... Эй! — опомнился Шадек, когда Тахар уже проехал дальше. — Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Магия! — не поворачивая головы, ответил тот и махнул на

прощанье рукой.

* * *

Несколько лет назад вербяной поселок, возрожденный новым наместником, стал гордостью Мошука, а плетеные корзины, люльки, верши возили аж в Гижук и Меравию. Поселок разрастался, потихоньку превращаясь в еще один городок, появлялись у него собственные огородики, лавки, небольшая кузница. Три года назад даже призорец-вербянник завелся — это было удивительно для края, где призорцы все чаще теряли силы от людского неверия и уходили в Даэли, к дриадам, которые жалели и привечали любых существ, даже вредоносных.

Вербянник походил на оплетенную лозой корягу высотой по пояс человеку и передвигался на четырех ногах-корешках. Руки у него были длинные, тоже сплетенные из лозы, и заканчивались тремя пальцами-отростками. Лицо — большеносое, крутобровое, будто выложенное непослушными детскими руками из кусков коры и веток. Звался вербянник Охрипом и попервости пугал людей до икоты. Однако со временем к нему привыкли и взрослые, и детишки — последние даже полюбили призорца, потому как тот охотно с ними возился. Дело свое Охрип знал, вербяные поля держал в чистоте и порядке — при нем не то что мавки-визгляки перестали заводиться в зарослях, а даже тля стеснялась портить листья.

С наступлением суши дела в вербяном хозяйстве пошли на спад — Идорису стало не до корзин. Однако призорец почти не покидал свой поселок, потому теперь, увидев Охрипа перед восточными воротами, Бивилка и Шадек удивились. И еще больше удивились тому, как он разорался, увидев магов.

— Тролли! — голосил Охрип, потрясая длинными косами рук. — Средь дня белого! Тролли! Без присмотру!

— Где тролли? — Шадек спрыгнул с коня и направился к воротам, но Охрип ловко проскочил мимо него и забарабанил в створку:

— Отворяйте, бездельники сонные! Явились наши драгоценные, не припылились! Вовсе совести нетушки ни у когошеньки!

— Перестань голосить, — велела Бивилка, — и толком скажи, что случилось.

Но вместо призорца наперебой кинулись рассказывать стражники — они так рады были видеть магов, что распахнули ворота во всю ширь.

Оказалось, около полудня в вербяной поселок явился тролль — самый

настоящий, огромный и с дубиной, и стал требовать «Чаровника, умеющий найдящая пропадающая». Узнав, что такой «чаровник» в отъезде, тролль расстроился, но твердо решил дожидаться его возвращения. Вел себя мирно и вежливо, а если и снес в поселке часть плетня — так ненароком, от неловкости. Но Охрип, конечно, взвился.

Второй гласный маг, Оль, уехал с наместником и старшиной городской стражи осматривать поля — там какая-то неустановленная нечисть мешала вспашке. Горожане, предоставленные сами себе, решили, что пусть все идет как Божиня на душу положит, и закрылись в своих домах. Жители поселка, не очень рассчитывая на одну лишь Божиному милость, угощали тролля лепешками и сливовым компотом, а Охрип помчался встречать магичку.

Пизлык, гигантский древний лес, родимым пятном протянулся от северо-западной до центральной части Орта, в конце забирая к югу. Северные ворота Мошука были в полутора переходах от опушки Пизлыка, и тролли в голодные годы выходили к городу и селениям, меняли на муку и крупу всякие ценности из своей чащи — а встречалось там много чего, от диковинной темной древесины невиданной крепости до малахитовых камней. Мошукцы знали, что тролли не такие уж дикие и страшные, могут кое-как изъясняться на общей речи и даже ничего ломать без причины не станут.

Но кому понравится, что по родной улице бродит сутулое шишковатое существо, в полтора раза крупнее орка, с огромной дубиной и слюнявое?

Бивилка предубеждений против троллей не имела, но в другое время при встрече наверняка бы тоже ощущала неловкость. Однако вышло так, что этот первый тролль, с которым магичка столкнулась, нуждался в ее помощи — поэтому Бивилка видела не гору мяса в набедренной повязке, не выпирающие нижние клыки и не дубину размером с колодезный журавль. Она видела грустную морду, усыпанную хлебными крошками, нервные движения мощных рук и робкую надежду в маленьких глазах, блестящих под нависшими бровями.

— Щурова чарка! — захлеб жаловался тролль, сграбастав худые плечи Бивилки своими лапищами. — Пропадающая! Всегдашняя стоящая, теперь пропадающая! Иискающая, не находящая!

— Пропала чашка? — переспросила магичка. — Какая-то важная чашка?

— Щурова, — скрипуче повторил Охрип, — родовая, значит.

— Тотемная, — предложил Шадек.

Троль воодушевленными кивками одобрил оба варианта и грустно

добавил:

— Беда-а!

— Никакая не беда. — Магичка аккуратно вывернулась из огромных лап и ободрительно похлопала тролля по ладони. — Найдем мы твою чашку.

— Чаровница искащая, находящая! — обрадовался тролль. — Мы награждающая!

— Но ты должен помочь, — строго добавила магичка. — Ты сможешь? Тогда закрой глаза и представь эту чашку у себя в голове. Сумеешь?

Троль закивал так охотно, что Шадеку показалось, будто его голова сей вздох сорвется с короткой волосатой шеи и укатится на середину улицы, прямо к ногам тех гномов, которые делали вид, будто просто прогуливаются неподалеку. Удивительно много жителей города и поселка «гуляло» по этой улице, и все с любопытством глазели на тролля. Что ж вы, такие любопытные, прятались по домам, пока не приехали маги?

Троль долго стоял с закрытыми глазами, чуть покачиваясь, а Бивилка стояла напротив, зажмурившись и вцепившись маленькими ладошками в его большие пальцы. Потом она отпустила руки тролля и принялась наговаривать заклинания, а затем выбросила в воздух нечто невидимое и кивнула удовлетворенно: найдется, мол, пропажа, отправляемся!

Сопровождаемые троллем Бивилка и Шадек выехали из вербяного поселка и направились к пизлыкскому лесу. Жители слышали, как привычно пререкаются маги: девушка уверяет, что она не маленькая и в сопровождении не нуждается, а Шадек отвечает, что едет вместе с ней только по необходимости: ему до зарезу нужно посмотреть на любой подвернувшийся по дороге портал.

* * *

В отличие от своих многочисленных и безнадежно позабытых женщин, об учениках Дорал помнил и старался принимать в их судьбе участие. В прежние времена со многими переписывался и по возможности навещал бывших подопечных. Зачастую даже нарочно делал крюк.

Поэтому Дорал точно знал, где теперь живет лучший искатель из всех, кого воспитывала Школа на его памяти.

Дорал не видел магичку почти четыре года — с тех пор, как она стала вторым гласным магом Мошука. Всякий раз, оказываясь в городе, магистр

встречался с Олем — но Бивилка неизменно оказывалась в отъезде. То по искательским делам, то по городским, то по своим собственным — навещала Умму в Эллоре. Гласники никогда не оставляли Мошук надолго одновременно, один из них обязательно оставался в городе.

Вот и в этот раз магистр застал одного Оля. Только вернувшийся с полей маг сидел в своем кабинете прямо на полу, обложившись книгами, книжицами и манускриптами. В кабинете все было по-прежнему: тяжелый стол у окна и столик поменьше — в углу, небольшой камин под стеной и уйма шатких стульев, в беспорядке расставленных по комнате. Белая кудлатая собачонка с острыми любопытными ушками лежала на своем излюбленном месте, между дверью и большим столом. Повсюду стояли свечи и плошки с жиром. Дорал припомнил, что меняет эти плошки какой-то призорец — то ли хатник, то ли банник, давно потерявший силы в человеческом неверии и прибившийся к ратуше услужливой тенью. Он прибирался в помещениях, кропотливо составлял травяные смеси для простеньких отваров, помогал заплутавшим посетителям найти нужные комнаты и делал прочую мелкую работу.

— Сидишь точно так, как полгода назад, когда я уезжал, — бодро поприветствовал гласника Дорал, — ты что, совсем не шевелился с тех пор?

— Зато тебя помотало по миру на славу, шляпа ты ношенная. — Оль с кряхтением поднялся на ноги, и маги крепко обнялись.

С годами Оль раздался вширь, но не столько растолстел, сколько окреп, и выглядел эдаким румяным боровичком. Светловолосый, улыбчивый, неторопливый, он казался бесконечно добродушным, но местные жители прекрасно знали: если будет нужно, так гласник зароет кого угодно по маковку в землю. Обстоятельно, со спокойной улыбкой и так глубоко, что умаешься раскапывать.

Оль с первого вдоха понял: что-то магистра гложет. Вон какая складка на лбу залегла, плечи сутулые и такой взгляд, словно у него живот болит. Вслед за Доралом вошли еще трое: женщина в плаще с капюшоном, смурной некромант средних лет и мужчина помоложе, улыбчивый и в странной куртке. По троице Оль мазнул быстрым взглядом, но ничего не сказал: магистр сам все поведает, когда нужно будет. Поглядел на собаку: та принюхалась, наклонила голову в недоумении и нерешительно мотнула пушистым хвостом.

— Решил обратиться к книжной премудрости, значит. — Дорал разглядывал названия книг. — Нечисть шалит?

— Шалит, — подтвердил Оль, — но я в толк не возьму, какая это

нечисть. Навроде мошковигов или еще каких мелких призорцев, только одичалая и злобится почем зря. Но призорцы ж не дичают, а?

Магистр поморщился, будто Оль сообщил ему давно ожидаемую плохую вестъ, и обернулся к женщине в капюшоне. Она пожала плечами и ногой придвинула к себе стул.

— Да вы садитесь, — опомнился гласник, — сюда двигайтесь, к столу. Вот у меня туточки компотик из яблоков, лепешки берите, вот слива сушеная. Дорал, чего ты?

Трое незнакомцев с удовольствием уселись, потянулись за кружками и за угощением, а Дорал мялся среди комнаты с таким видом, словно ему смертельно требовалось отлучиться.

— Видишь, Оль, какое дело...

— Можешь утихнуть, — сипло сказала вдруг женщина. — Я сама начну.

И сбросила свой капюшон.

Несколько вздохов было тихо. Гасталла и собака изучали друг друга, побледневший Оль — Дефару, все остальные — Оля.

— Ага, — в конце концов сказал гласник, тоже уселся за стол и налил себе компоту. — Затейное дело. Я думал, животные подмечают демонов и как-нибудь это проявляют. А Мавка вон валяется и ухом не ведет.

— Я не демон, я ночница, — сухо сказала Дефара, и Дорал подумал, что ей, наверное, приходится повторять эту фразу чаще любой другой.

— Ага, — повторил Оль, — это все меняет, ясен день.

И Дорал рассказал: про Школу и столицу, про демонов, порталы и Кристаллы, про соглядатаев и драконов. Кальен его дополнял, Дефара дремала, откинувшись на спинку стула, — бодрствовать в дневное время ей было трудно. Гасталлу болтовня утомляла, поэтому он пересел на пол и играл с Мавкой.

Оль усвоил новости на удивление быстро. Слухи про столицу уже докатились до Мошука, от ректора гласники в последнее время не ожидали ничего хорошего, а истории про кочевых демонов маг слышал от деда и всегда считал их правдивыми.

— Что тут скажешь, — Оль медленно покачивал кружку с компотом, — Билка наверняка за такое ухватится. Спасать весь мир скопом. Всех людей кучей. Ну да, ну да.

— Кислый ты что-то, — блеснул наблюдательностью Дорал.

— Кислый, — согласился Оль. — Не нравится мне это. Никто ж не знает, где тех драконов шукать и чем такой путь может обернуться. Да и эта, — гласник кивнул на Дефару, — откуда мы знаем, кто она по правде?

Пришла чучела рогатая и молвит: я, значит, призорец азугайский, вынесенный в Идорис через портал, прошу меня любить и не жаловаться. А нам откуда ведомо, призорец она или нет? Может, демон! Или еще какая поганка из дриадских лесов!

— Я давно ее знаю! — перебил Кальен.

— А тебе я ровно так же не верю, — Оль спокойно посмотрел Кальену в глаза, — хотя верю Доралу. А он — тебе, а ты — чучеле рогатой. Ну и чего, никто из нас не ошибается, не хватает лишку? Ай, да все мы тут малость не в себе, а ты — самый свихнутый из всех. Связался с этой штукой, с ночницей! Она ж тоже почти демон, а ты с ней...

— Поверь, она ничуть не коварней обычной женщины. А капризничает уж точно меньше.

— А мне это нравится, — заявил Гасталла. Он пытался поймать Мавкины уши, а собака шутливо клацала зубами возле его пальцев, — очень даже нравится: это такой редкий случай, когда самый подозрительный в группе — не я.

Оль насупился.

— Ну я-то предубеждений против тебя не имею. А вот Билка взовьется так, что до Неплужа будет слышно, у нее с вашим братом паршивая история была, до жути паршивая. И ежели в городе прознают, что ты некромант — тут такое начнется! Люди-то злющие стали, я нынче только и делаю, что гадаю, когда ж их с цепи сорвет и чего они крушить бросятся.

— Почему это они злющие? — возмутился Гасталла. — Вам тут живется вполне пристойно! Очень даже пристойно вам живется, ежели сравнить с той жутью, что на западе творится!

— Вот оттуда-то к нам народ и побежал! — Оль откинулся на спинку стула. — А чего ему еще оставалось, когда земля родить перестала? Мы попервости людей-то принимали, привечали, одеялка им носили, кормили-лечили. И знаешь, чего?

— Чего?

— А того, что давно уже не хватает на всех одеялков, еды и лечения! Да еще и работы в городе не стало, потому как плетения теперь никто не покупает, а с плетений половина домов кормилась! Так теперь местные думают, что переезжие с собой притащили чего-то навроде проклятия и что нам из-за него тоже паршивеет. И на переезжих глядят не по-доброму. А те тоже нерадостные, и их я тоже понимаю. Всех понимаю, только сделать всем хорошо не могу! Да еще эта нечисть свихнутая, поле распахать не дает — где сеять позимые, в палисадниках? А не посеем — так тут и взаправдашний голод настанет. Еще с птичником этим не пойми чего

делается, тьфу ты, думать тошно! Горожане выступают: дескать, нужно вырезать птицу, потому как кормить ее зимою шибко дорого станет. А Террий, наместник наш, и его жена — они костями лягут, а не дадут всю птицу резать, они там над каждым цыпленком с весны выплясывали, еще летом решили, кого на зимовье оставят. А теперь выходит, что людям-то еды едва хватает, где там на кур зерно переводить. Эллорцы могли б подсобить, да это снова же тьфу, прям-таки трижды тьфу на этих эльфов!

— А эльфы-то что?

— А то! У них же там маг на маге сидит и реликвиями погоняет, весь край волшбой обверченный. И погода завсегда какая надо, и земля родючая, и чужаков не шастает, да и сушь-то их не возьмет, небось! Они б захотели — могли б весь тутошний край кормить от пуза, хоть два урожая за год снимать, хоть три!

— И что же? — заинтересовался Дорал.

— Да не хотят. Боязно им. Мол, как увидят люди, сколько еды в Эллоре, так и попрутся туда всем Ортаем. А ушастые ж и так трясутся, вдруг кто-то прознает про гранич... — Оль запнулся и неловко закончил: — ...прознает какие-нибудь эльфяческие тайны и порушит весь их тихонький уклад. Ушастым того не надо. Да нам, по правде, и взамен-то за зерно предложить почти нечего. Вот горожане и ярятся, зыркают на птичник. Нэйла, ну жена Террия, она того гляди кровать поставит на входе, чтоб и ночью стеречь своих кур, только боюсь я, народ одичает и сожрет ее вместе с курами. Некоторые уже на Мавку косо зыркают — мол, тут люди досыта не жрут, а я на собаку еду трачу.

Оль махнул рукой, поднялся и отошел к окну. Повозился со створкой, приоткрыл. В комнате сразу стало свежо и душисто — прямо под окном была большая клумба с астрами и золотником.

— А ты говоришь, я кислый, — полуобернувшись, продолжал Оль. — Конечно, кислый — кислее клюквы! Я не знаю, как людей спасти, как уберечь от этих напастей и от них самих. Понимаешь? Ты вот торочишь про драконов и про спасение всего мира. И я вижу, что у тебя глаза светятся, аж полыхают. А вот я не ведаю, как можно спасти весь мир, ежели не спасать каждого человека поодиночке, одного за одним, одного за одним. Даже если завтра эта поганая жизнь перестанет становиться хуже — как сделать, чтоб выжил каждый человек вразброску? Как их спасти от того, что уже случилось? От того, чем они делаются? Я не знаю.

Оль снова отвернулся к окну. Он видел недостроенную лавочку дальше по улице, кое-где выбитые и не замененные доски мостовой. И двери другой лавочки, запертые с лета. И пекарню, из трубы которой уже

перестал идти дымок, хотя раньше валил целый день, до заката. И вялых людей, которые не перекрикивались друг с другом через пол-улицы, как прежде.

— Ты думаешь, я должен был вскипятиться, когда услышал, что все мы помрем, да? Так я давно это понял. Еще летом. С тех пор, как дар у меня отказал.

— Какой дар отказал? — Кальен подался вперед. — Магический?

— Прорицательский. Перестал я чують будущее. Вначале не понял, отчего, а после скумекал: просто все мы вскорости помрем. У покойников будущего нет.

Довольно долго в комнате было тихо, слышалось только веселое ворчание Мавки, которая хватала за пальцы приунывшего Гасталлу, да похрапывание Дефары.

— Но мы еще можем все остановить, — заговорил наконец Дорал. — Конечно, никто не скажет, выживет твой город или нет, но гибнет-то весь мир! Ты можешь спасти Мошук сегодня, но лишь для того, чтобы люди умерли завтра. Разве не стоит заняться делами более значимыми, чем город, птичник или поле, а? Как считаешь?

— Да без разницы, как я считаю, мухомор ты вареный. — Оль сложил руки на груди. — Билку ты все равно увезешь, если она захочет в это ввязаться.

— А она захочет? — спросил Кальен.

Он уже спрашивал об этом Дорала в пути, но магистр не мог ответить с уверенностью. Правда, обещал увезти магичку в Недру в мешке, если она не пожелает спасти мир по собственной воле, но все понимали, что говорится это в сердцах: от подневольного искателя нет никакого толка.

— Я так мыслю, что да, — помолчав, решил Оль. — Но руку на отрубание не дам, в чужую башку не влезешь, а от Билки всякого можно ждать. К примеру, что она проедет по улице на шее пляшущего тролля.

Трое магов обалдело уставились гласнику в спину.

— Такого я никогда бы не придумал, — с тихой завистью сказал Кальен.

— Я тоже, — Оль обернулся, — но сей вздох я это увидел своими глазами.

Глава 4

Предвестие

— *И помни: ты должен работать над воспитанием упорства в себе. Только упорные люди продолжают идти прямо, что бы ни случилось.*

— *Я предпочел бы идти туда, куда мне нужно, магистр.*

Подслушано в учебном классе Магической Школы

Оль сидел на полу перед камином, разложив перед собою книжки. Если друзья твердо решили спятить — это еще не значит, что гласный маг должен забросить свои обязанности. Спасители мира, тоже еще. Лучше бы помогли разобраться, кто бузит на поле!

Днем Дефара непрерывно пыталась уснуть, поэтому толку от нее было мало, а от ночных бдений шалели все остальные.

— На грифонах доберетесь до севера Гижука, до этого поселка у каменоломни. — Было слышно, как ночница стучит ногтем по столешнице, исчерканной угольком. — Там найдете кузнеца...

Шадек устроился рядом с Олем, наигрывал бодрые мелодии и мурлыкал себе под нос. Он не верил в успех этой затеи и не верил в демонов. Появление ночницы не поколебало его: мало ли диковинных тварей в дриадских лесах! Шадек считал, что изменения в Идорисе имеют необъяснимую природу и лучшее, что можно сделать с этим, — просто уехать подальше. Однако Бивилка аж взвилась, услышав про драконов, и Шадек решил, что отправится в Недру вместе с ней, потому как не может «оставить эту поганку без присмотра, когда она вырвется в беззащитный мир».

— ...отыскать Стража и разбудить драконов. Они должны заново наполнить мир своей сущностью и вытеснить сущность демонов.

Гасталла слушал внимательно, хотя тоже сидел поодаль: некроманту больше нравилось общество Мавки, чем общество людей. Особенно с тех пор, как в город вернулась Бивилка: гласница не только видом, но и словом дала понять, что думает обо всей некромантской братии скопом и об этом

гнусном типе в особенности. Гасталла-то в тот раз и внимания на девушку не обратил, а Бивилка его узнала и запомнила: это они с Уммой были теми «глазастыми» негодницами, которые четыре года назад известили гласников Арканата о том, что в город прибыл некромант. Узнав, что теперь Гасталла вернулся исправить свое упущение, Бивилка немного смягчилась, и о судьбе астронома ей рассказывать не стали.

Из коридора слышалось шорканье: ратушный призорец принялся за утреннюю уборку. Нужно сказать ему, чтоб бумаги на полках разобрал, подумал Оль. Призорцу в радость, когда его о чем-нибудь просят, мается в своем бессилье и неприкаянности.

— Все-таки нелегко поверить, что можно просто взять и одолеть демонов.

Дорал впервые сказал это вслух, хотя и прежде было ясно, что он сомневается. Ну и то хвала Божине, подумал Оль. Если бы его друзья проявляли безрассудную веру и готовность действовать по указке ночницы безоглядно, маг бы решил, что они и впрямь спятили.

— Это вовсе не просто. Поди найди Драконову Чашу сначала, доберись до Стража, уговори его разбудить драконов. И желательно, чтоб тебя никто не сожрал по пути. И чтобы ты не затерялся в снегах ненароком.

— И все-таки это выполнимо, — настаивал Дорал. — Просто нужно знать про драконов и суметь добраться до них. Это как волшебное слово из сказочных историй: кто знает такое слово, тот спасет всех. Слишком просто это выглядит — взять и одолеть демонов! Они что, не станут нам мешать?

Ночница вяло потеряла глаза.

— Какие ж вы нудные, люди. Как вы расплодиться сумели, такие нерешительные? Никто не знает, что мы тут затеяли. Большинство демонов о вас не думает, плевать им на вас. Они и мир-то убивают не со зла, а мимовольно, потому что их суть такая. И сражаться с вами не собираются, потому как вы все равно помрете.

— Поэтому, плюя на нас, они устроили эту возню с Кристаллами, чтобы хранить человеческое обличье?

— Просто скрываться — удобно. Никто не бежит вокруг тебя с визгами. Не вытаптывает грибы на любимой поляне. Не задает сотни глупых вопросов.

— И когда драконы проснутся — демоны умрут? — тут же задала глупый вопрос Бивилка.

— Ты что, с трольей макушки падала? — устало вздохнула ночница. — Демона нельзя убить, можно лишь изгнать. Когда драконовая сущность снова наполнит мир — им придется убираться в другой.

— Почему тогда демоны не убили драконов?

— Я не знаю. Быть может, демон не может убить стражей мира, в который приходит. Ведь сущность мира защищает стражей, а пришлых демонов — отторгает, и выходит, что они слабее. К тому же драконов нужно еще отыскать.

— Еще какие-нибудь подвохи? — деловито спросил Гасталла.

— Наверняка, — буркнула ночница. — Вы встретитесь с силой, сути которой не знает никто. Я не могу предсказать, как поведут себя драконы. Быть может, проснутся и сожрут всех вас.

— Эй! — вскричал Шадек, впервые оживившись. — Как это — сожрут? Нет, я на такой исход не согласен — может, ну их к лешему, этих драконов, а?

Некромант поморщился. Если он чего не переносил еще больше, чем скопления людей в отдельно взятом месте, — так это когда люди начинали орать.

— Не голоси. Быть может, еще ничего и не случится, а ты уже голосишь.

— Не относитесь к этому легко, — отрезала Дефара. — Это древняя и мощная магия, а вы не умеете узнавать ее. Она способна стереть вас в пыль прежде, чем вы поймете, что происходит.

— Магия вечных, — замогильным голосом протянул Шадек и сделал страшные глаза.

— Магия тени, — без улыбки поправила Дефара, и взгляд ее раскосых глаз стал таким серьезным, что Шадек даже не скорчил рожу в ответ.

* * *

В последнее время жители Мошука встречали с недоверием все непривычное. А незнакомцы, гурьбой ввалившиеся в ратушу и проведенные там целую ночь в компании гласных магов, были еще как непривычны. В особенности женщина с капюшоном на голове, таким глубоким, что внутри можно было спрятать целое подворье. С чего бы честным бабам ходить по городу в таком капюшоне, а? Небось душегубица какая-нибудь!

По городу понеслись шепотки. О чем маги шушукались с пришлыми? Какая спешность требовала не спать всю ночь? Небось затеяли что-то такое, что не понравится горожанам, — иначе с чего таиться и окна затворять?

Когда с рассветом гласники забегали по городу с сосредоточенным и

таинственным видом, горожане всполошились еще больше. А когда Оль выдернул из дому зевающего наместника и вся компания, груженная торбами, отправилась за город, мошукцы вовсе перепугались.

Горожане посовещались и побежали будить старшину городской стражи.

* * *

Помимо Бивилки и Шадека в Недру отправлялись Дорал и Гасталла, и никому даже в голову не пришло это оспаривать.

Дорал ехал, потому что наставник не может оставить учеников одних в подобных обстоятельствах — без разницы, что ученики давно уже бывшие, взрослые и думают, будто все на свете могут.

То, что к походу присоединился Гасталла, тоже казалось естественным, хотя и никто не мог пояснить, отчего. Сам некромант ворчал: «Ну ведь должен быть в этой компании хоть один рассудительный человек». Сам он в демонов и верил, и не верил, а предстоящее путешествие считал соглашением с собственной совестью. Она не позволяла Гасталле вернуться в меравийскую лабораторию, когда вокруг такие страсти, а оставаться в Мошукке, где живут тысячи людей, которые наверняка то и дело орут, — это было выше душевных сил некроманта.

Бивилка страдальчески морщилась, но не спорила.

Дефара от участия отказалась сразу: несколько лет назад в ее присутствии погиб дракон, и Стражу в Недре наверняка об этом известно, а значит — путь в драконово логово ночнице заказан. Если в компании будет Дефара, Страж не даст себя обнаружить.

Кальен решил задержаться в Мошукке и частично сгладить городу потерю второго гласника и вольнонаемного мага. Насупленный Оль имел свое, очень недружественное мнение по поводу замены двух обученных магов на одного самоучку, но узнав, что Кальен — лекарь, даже обрадовался.

В лесу пахло осенним теплом и сыростью, хвоей, прелой листвой. Солнце еще не выкатилось из-за высоких деревьев, и на молочном утреннем свете грифоны казались призрачными. Протяни руку — и она пройдет сквозь диковинного зверя, как сквозь клоч тумана.

Животные лежали у края полянки, в тени, распластав по траве полуразвернутые крылья — один грифон серебристо-серый, покрупнее, второй — грязно-белый, с гибкой, как у птицы, шеей. Желтые глаза зверей

смотрели на людей лениво и снисходительно. Кусты крушины у краев поляны были основательно изжеваны, под одним валялась недоеденная кабанья туша.

Оль, наместник и Шадек восхищенно ахали, ходили вокруг животных, изучали диковинные двойные седла и расспрашивали об ощущениях от полета. Дорал и Кальен рассказывали о грифонах и полетах с таким видом, словно это были их собственные животные и словно они только и делали, что летали на них. Террибар зачарованно поглаживал крыло серого, старшего грифона.

Когда первый восторг улегся, Дорал принялся раздавать Олю последние указания: в какие поселения отправлять письма, как поддерживать в будущем связь с гласными магами в других городах, какие слова повторить местному жрецу...

Оль в десятый раз подтверждал, что все хорошо запомнил. Был он неприкрыто раздражен: вот оставался бы сам Дорал на месте и делал все как надо! А он указания раздаст и урвет заниматься не пойми чем. Готовая замена ректору, подумал Оль, — тот тоже любил многосложные предписания. Иногда прям хотелось под стол залезть, когда голубь из Школы прилетал.

Террибар со строгой улыбкой что-то втолковывал Бивилке, то и дело касаясь ее плеча. Хорошие друзья, поняла Дефара, глядя на них. Очень хорошие, очень близкие друзья, каждый из которых по-своему опекает другого.

Шадек сидел на траве, привалившись к боку белого грифона, и тихо наигрывал что-то тревожное — стоило вслушаться и из отдельных звуков сложить мелодию, как она тут же оседала на коже мурашками, и от них даже светлая лесная поляна с разлегшимися на ней грифонами казалась зловещей. Заметив, что губы мага шевелятся, Дефара двинула ухом под волосами, прислушалась.

*Выдох за вдохом — дыханием вскормлена,
Серая стая взмывает волнами,
Плещут крикливые тени двурогие
Над деревьями, полями, дорогами.*

*Капля за каплей слезами умытая,
Серая шалая рать ненасытная
В ставни стрекочет когтистыми лапками,
Хлопает крыльями — рваными тряпками,*

*Выдох за вдохом — и память стирается,
Капля за каплей — и лица меняются,
Сходства смываются, тропы сбиваются.
Хлопая крыльями, стая спускается.*

Ночница поморщилась: шепот мага и беспокойная отрывистая музыка показались ей предвестием дурных событий. Словно в подтверждение далеко в лесу надрывно взвыла викса.

К Шадеку подошел Оль, отвязавшийся наконец от Дорала, присел рядом. Друзья молчали какое-то время, а потом одновременно заговорили, горячо и сбивчиво.

— ...тогда беги в Эллор и не вздумай геройствовать, понял? — донеслось до ночницы.

Подошла Бивилка, села по другой бок от Оля, рассеянно погладила грифона. Наместник и Дорал закрепляли поклажу на седле второго животного. Дефара направилась к магам.

— ...так жилы рвала, помогая горожанам, а теперь берешь да и удираешь от них. Вот мне чего непонятно, Билка.

Магичка поморщилась, крепко сжала руки. У нее были маленькие сухие ладошки и короткие гибкие пальцы с обкусанными ногтями.

— Я вязну в попытках спасти всех поочередно, понимаешь? Людей много, их беды тоже множатся, и чем дальше — тем меньше я успеваю. Все больше людей остается без помощи, как бы я ни надрывалась. И такая безнадежность накатывает! Временами кажется — сей вздох что-нибудь разломаю, завизжу и убегу. Потому вот я и ухватилась за мысль спасти сразу всех. Это достойнее, чем... сломаться и просто сбежать — не теперь, так позднее.

— Она права, — заявила Дефара. — То, что происходит с вашим миром, похоже на извержение вулкана. Ты, Оль, озабочен спасением деревни у подножия. Думаешь, как бы завернуть в сторону лаву и сдуть с неба пепел. Не хочешь слышать, что это невозможно. И уж совсем не думаешь о том, что лежит за пределами видимого. Я предлагаю способ заткнуть вулкан, а не дуть на пепел. Понимаешь?

Оль озадаченно выпятил нижнюю губу:

— Что такое вулкан?

Гасталла, презрительно скривившись, стоял чуть поодаль и ждал, когда вся эта суэта наконец окончится. По его мнению, вовсе не

обязательно было так многословно и бурно прощаться. Впрочем, и сам некромант улетал с чувством легкого сожаления: ему полюбилось общество Мавки — с трудом вынося компания других людей, Гасталла легко находил общий язык с животными и с удовольствием проводил время с ними. Некромант даже изучил Мавкины зубы, хотя и без них видел, что собака еще молодая, и с осторожностью спросил Оля, не будет ли тот возражать, если он, Гасталла, заберет животное себе после смерти. У гласника от такого вопроса глаза из орбит полезли, и некромант поспешил объяснить:

— Ты не думай, я не спятил, у меня уже были перерожденные зверушки. Перерожденные зверушки — они смирные, добрые, не то что наша человечья паскудная порода!

Представив собаку-мертвягу, которая приветливо машет некроманту хвостом, Оля растерялся и лишь пробормотал что-то неразборчивое.

Наконец Дорал и наместник справились с поклажей, а потом все вдоволь наобнимались напоследок. И уже из седел выслушивали наставления Оля Бивилке: маг строго велел подруге быть осторожней «в том неизведанном крае, где наверняка все напрочь свихнутые». Некромант, нетерпеливо ерзающий в седле, раздраженно перебил гласника:

— Ты особо не тревожься. Если она по пути сдохнет, я ее подниму и заставлю закончить начатое. Но едва ли она сдохнет по пути, так что не тревожься сверх обычного.

Маги и наместник онемели от растерянности и возмущения, и даже Дефара не нашлась с ответом. Только Шадек сохранил обычную невозмутимость и веско отметил:

— Заставлять людей работать после смерти — бессердечно. Вот за это вас и не любят.

Гасталла фыркнул и хлопнул грифона по шее. Тот охотно поднялся на ноги, по-кошачьи потянулся, едва не сбросив непривычных еще всадников, по-кошачьи же перебрал перед прыжком мощными передними лапами, сделал пару длинных скачков по поляне и поднялся в воздух, мощно хлопая крыльями. Белый грифон поспешил повторить действия старшего собрата и тоже взмыл над вековыми соснами, унося с собой испуганный визг Бивилки и восторженные вопли Шадека.

* * *

— Как думаешь, это очень опасно? — Террибар мотнул подбородком

вверх, вслед грифонам, и смешался под насмешливым взглядом Оля.

— Знамо дело, — подтвердил маг, — теперь не опасно только тем, кто уже отмучался. Но если б в самой затее крылась смертельная угроза — они б почували. Чучела рогатая не соврала хотя бы отчасти, потому как образ драконьего сторожа Билка словила. Другой вопрос, что никто не скажет, как оно по ходу дела обернется.

А может, и не почували бы они ничего, добавил гласник про себя. Может быть, эта способность обученных магов, предвестие смертельной опасности, больше не действует — так же, как его, Оля, способность предугадывать будущее. Потому что и будущего нет, и опасность теперь на всех одна.

— Эй! — воскликнул Кальен. — А он откуда взялся?

Посреди поляны стоял вчерашний тролль и что-то с трудом обмысливал, глядя в небо и сильно морща лоб. Заметив, что все обернулись к нему, тролль перевалился с ноги на ногу и поделился соображениями:

— Чародейка улетающая. Вона на чем летающая, птицу мохнатую оседлающая! Могучая чародейка, уважающая! В щуровой чаще старая чародейка былающая, давно-забуло там жилающая — так та в ступе летающая.

Террибар подошел к троллю, и Оль, поморщившись, последовал за наместником. Вечно он лезет ко всяким опасным штуковинам, а ты его оберегай, непоседливого.

— Тебе нужна была чародейка? — медленно выговаривая слова, спросил наместник. — Ты хотел о чем-то ее попросить?

— Чародейка щурову чашку нашлающая, — зачастил тролль, — так мы награждающая, охраняющая. Чародейка могучая и добрючая, только она вот какая, — тролль опустил ладонь на уровень собственного колена, потом широко развел руки, — а мир злючий и колючий, и он вот какой. Мы б ее охраняющая, чтоб чародейка не пропащая. А она улетающая.

Дефару рвение тролля ужасно развеселило. Оль не увидел тут ровно ничего смешного, напротив: подумал, что компания такого охранника и впрямь бы пригодилась по нынешним временам. Ведь магичка имела лишь начальную боевую подготовку, а отбить нападение двух-трех человек, даже вооруженных обычными полевыми орудиями, сможет разве что боевой маг. Так что гласнице, которая носилась по округе взъерошенной мышью, всегда выделяли в сопровождение двух-трех стражников, и еще Шадек старался увязаться следом.

— Тогда мы весь город награждающая, — заявил тролль. — Чародейка потом прилетающая — а город на месте стоящая. Чародейка радая будет!

— С чего бы ему перестать стоять на месте? — удивился наместник.

— Ты что-то знаешь, тролль? Как тебя зовут-то?

— Зовут? — Тролль наморщил лоб, надул щеки и стал похож на кусок скалы, обряженный в набедренную повязку.

— Ну, имя! Как тебя называют?

— А! — Морда разгладилась и тут же разъехалась в зубастой улыбке.
— Я Ыч.

— Ыч, — повторил Кальен. — Похоже на название орочьей деревни.

— Наверняка у него есть и привычное имя, — пробурчала Дефара. — Что-нибудь среднее между мычанием и отрыжкой. Родной язык троллей — это мешанина взрыкиваний, криков и гудения, издаваемых на разные лады.

— Сочиняешь, — спокойно возразил Оль. — Если б глотки троллей были привычными только к гудению, они б не выучивали общую речь.

— Чародея охраняющая, — решил Ыч и, наклонившись к Олю, насупленно уточнил: — Ить чародей могуч?

Гласник ухмыльнулся, проворчал что-то себе под нос и повел пальцами, будто выпрядая в воздухе невидимую нить. Огромная дубина выпросталась из перевязи на поясе тролля и повисла перед его мордой. Ыч с возмущенным восклицанием схватил беглянку, сердито посмотрел на Оля, посопел и расплылся в улыбке:

— Чародей могуч!

— Отчего он хочет охранять могучих чародеев? — шепотом спросил наместник у Кальена. — Почему не идет защищать слабых и жалких?

— Тролли не тратят времени на слабых, — вместо мага ответила Дефара, — это видится им бессмысленным. Даже хилых тролчат они приносят в жертву чащобному духу, то есть заводят подальше в лес и бросают там на произвол судьбы. Тролль не станет помогать слабому, потому что слабый все равно помрет — тролль поможет сильному, тем самым помогая ему выжить.

Оль похлопал Ыча по предплечью и обернулся к остальным:

— Ну что, пойдете? Есть уже очень хочется, да вдобавку работы — край. По всему городу люди, в полях — нечисть, да вот тролль еще. Куда ж я тебя дену, а, братец? Народ в городе нынче неласковый, как бы не взъярился на тебя.

— Кто на меня с чем чего, тот от того и того, — непонятно возразил тролль, уверенно шагая через лес позади гласника.

Двигался он удивительно тихо, на свисающие ветки не натыкался, торчащих не ломал, и даже сухие листья у него под ногами, кажется, не шуршали. После появления тролля всем остальным стало спокойней в пизлыкском лесу — пусть он и не считался очень уж опасным на таком

небольшом удалении от тракта, в неурожайные годы даже грибники сюда забредали, но все-таки... Все-таки шуршит листва не от ветра, и мельтешит что-то среди деревьев, и кажется, будто из подлеска смотрят на тебя чуждые злобные глазки. А вот когда рядом тролль, исконный житель Пизлыка с дубиной при поясе, так всем остальным обитателям леса сразу становится ясно: людей, что идут рядом с троллем, не нужно есть, пугать или морочить.

— Со мной пойдешь, — внезапно подала голос Дефара. — Поможешь. Есть у меня хорошая мыслишка. Очень пригодится тот, кто знает здешний лес. И горожанам мы не станем глаза мозолить. Договорились?

Бч, не замедляя шаг, оглянулся, цепким взглядом маленьких глазок окинул ночницу.

— А демоница могучая?

— Я не демон, я сберегатель, — скучно пробубнила Дефара.

— Могучая, могучая, — поспешил заверить Оль и на вздох запнулся на перекрестке тропы, — одним своим явлением может целую толпу здоровых мужиков напугать, вот так: бу-у! Ты что задумала, сберегательница, а?

— Хочу заняться порталами, — невозмутимо ответила Дефара. — Времени у меня будет хоть отбавляй, а делать тут все равно нечего. Помогать вам в Мошуке я не смогу, разве только вы захотите, чтоб горожане бежали в ужасе. Вот и займусь хоть каким делом. Ведь все, на что я могу теперь надеяться, — что у ваших друзей все получится и понемногу Идорис станет прежним. И что тогда отсюда вместе с демонами унесет и соглядатаев. И что унесет нас обратно в Азугай, а не к демоновой матери под хвост. В конце концов на что мне еще рассчитывать? Ходить вокруг порталов и прыгать по ним с амулетом на шее я уже пробовала.

Кальен махнул рукой и тут же переключился на пушистый куст у тропы, остановился, разглядел его, что-то бормоча под нос. Аккуратно отломал несколько тонких веточек с бурыми ягодами и поспешил вдогонку за остальными.

— А теперь что-то в порталах изменилось. — Оль подхватил мысль ночницы. — Во всяком разе, так Шадек говорит. Веришь ему?

— Его я не знаю, — сдержанно ответила Дефара, — а Тахару верю. Ведь Шадеку про порталы Тахар рассказал? Нужно отыскать этих троих неразлучников. Раз их шатает по этим краям — значит они нынче в Эллоре. Они помогут. Но нужен кто-то, кто проведет их к нехоженным порталам в глубине леса. К примеру, тролль.

— Ты знаешь Тахара? — удивился Оль.

— Всех троих знаю, и неплохо. — Дефара неожиданно рассмеялась низким грудным смехом. — Эх, да ведь мы еще с дедом Алеры... эх!

Кальен сердито зыркнул в спину ночнице, и та, почуяв его взгляд, развеселилась еще больше.

Троль снова наморщил лоб, а потом размашисто хлопнул идущего впереди Оля по плечу, едва не сбив его с ног, и спросил:

— Про что демоница трещащая? Какие пор-та-лы в лесу находящая?

— Такие зеленые круги на земле, — пояснил Оль, — они еще мерцают, чисто светляки.

Бч обрадованно замахал головой:

— Травяной огонь, травяной огонь!

— Через них можно убраться в другой Мир, ежели есть особый амулет. Но через такие порталы могут ходить только люди, эльфы и орки. Да и то не всякие, а те, кто блюдет непорочность. Ночница, видать, вовсе в отчаянье впала, ежели думала, что проберется на ту сторону.

Сзади доносился придушенно-возмущенный шепот Кальена. Дефара лениво огрызалась.

— Травяной огонь, — повторил тролль, — в него мелочь гнусная утекающая, что щурову чарку свелащая. Когда чародейка чарку нашлащая, племя стало вора искащая, и...

Они наконец вышли на опушку, на которой оставили коней, укрытых куполом магического щита. Лошадки смирно щипали травку и выглядели полностью довольными жизнью.

А вот старшина городской стражи, который сидел неподалеку на поваленном бревнышке, выглядел очень, очень недовольным. Позади него шатались туда-сюда четыре стражника — орк, эльф и двое мужчин.

Маги, наместник, ночница и тролль вывалились из леса прямо под обстрел их подозрительно-укоризненных взглядов и почувствовали себя очень виноватыми.

— Так.

Старшина стражи Хон медленно поднялся на ноги — крупный, мощный, как медведь. В прежние времена он походил на мишку ручного, добродушного, но, потеряв жену-магичку, стал больше напоминать смурное и недружелюбное медведище. В последние год-два, когда вокруг Мошука стали твориться сплошные безобразия, старшина стражи приобрел сходство с шатуном.

— Гласник и наместник сбегает на рассвете в пизлыкский лес, — пророкотал Хон, переводя тяжелый взгляд с одного лица на другое. Даже Бч вытянулся в нитку под этим упрекающим взором. — В самое

необычное место Ортая. В компании пришлого мага и тролля. Как я должен это понимать?

Отчего-то про Дефару Хон не упомянул, и никто из стражников не удивился при виде рогатой женщины. Оль медленно развернулся боком и скосил глаза туда, где должна была стоять Дефара.

Ночница не сбежала и даже капюшон не накинула, но, оставаясь в неподвижности, каким-то образом... растворилась. Она не стала невидимой, но глаза людей пробежали мимо нее, как мимо пустого места. В какой-то вздох Оль понял, что сам словно потерял Дефару из виду, и, только вновь сосредоточившись на мысли о ночнице, увидел ее снова. Она просто стояла на опушке в тени деревьев — совершенно недвижимая, даже глаза ее смотрели в одну точку, и не было видно, чтобы двигалась грудь при дыхании.

— Ну? — взрыкнул Хон. — Отвечайте! И не врите! Что вы тут делали?

Оль мотнул головой, стряхивая неловкость, и ответил:

— Провожали Билку, школьного магистра и некр... еще одного мага спасти мир. Они грифонов оставили туточки, на полянке, чтоб горожан не баламутить. Вот мы отсель их и провожали. И Шадек за ними увязался.

Хон зарычал громче:

— Я же сказал, не ври мне!

Оль пожал плечами. Старшина стражи круто развернулся, уставился на наместника:

— Террий, что он несет? Куда он тебя таскал?

Террибар, тоже подуспокоившийся, сунул руки в карманы куртки.

— А ты чего разорался, друг дорогой? Я тебе кто — мамка, лялька?

Говорил он очень тихо, чтобы не услышали стоящие поодаль стражники, но те увидели, как напряглась спина Хона и побагровела шея, и сразу смекнули: наместник снова напоминает, кто в городе хозяин.

В последние месяцы ему приходилось делать это очень часто. Старшина стражи пытался охватить неохватное, уследить за всем, что происходит в городе и в поселке, хотел знать обо всех перемещениях и настроениях. Хон полагал, что в этом изменившемся мире горожане рано или поздно найдут причину взяться за старое, вспомнить былую вражду, что раскалывала город до прихода Террибара. Хон был уверен, что такого поворота не избежать, он даже заранее смирился, что не сможет помешать этому, — но был намерен отсрочить неприятности и по возможности уменьшить грядущие потери, чтобы по крайней мере сохранить город. Потому старшина стражи стремился знать все и обо всем и страшно досадовал, что не может громким рывком подчинить себе события и

жителей Мошука, чтобы загнать их в удобные и безопасные границы.

На магов и наместника Хон сердился особенно сильно, потому что они меньше всех прочих ему подчинялись. Совсем не подчинялись, на самом-то деле. И были чересчур легкомысленными, многого не замечали.

Не видели, как постепенно становится привычным то, что прежде принималось как вынужденное зло. Что по вечерам на улицах горит все меньше факелов, а шустрых теней становится больше. Что многие мужчины даже днем стали ходить при оружии — дескать, если людям так спокойнее, то пусть носят. Ведь с трактов то и дело доходили вести о разбойных нападениях и маголовах.

Некоторые разбойники попадали в руки мошукских стражников, хотя те патрулировали дороги дай Божиня на полперехода от города. Пойманных грабителей торжественно обезглавливали на городской площади, но жители Мошука от этого спокойней спать не стали, напротив — полностью убедились, что безопасные времена миновали.

Телеги с переезжими привозили разных людей. Временами, глядя на особенно суетливого и хитроглазого гостя, Хон готов был поклясться, что добро на телеге — награбленное, а сам переезжий — такой же обездоленный, как государь ортайский.

Но хуже всего были слухи. И еще — неизвестность, которую они питали.

— Ты снова хочешь притащить в город тролля? — не в силах больше выдерживать сердитый взгляд наместника, Хон опять обратился к Олю.

— Так я его никуда не тащил, — ушел от ответа гласник, — в первый раз он сам пришел.

— Помогаящая, — влез Ыч, сообразивший, что чародей не боится этого огромного мужика. А стало быть, мужик не так могуч, как чародей, и ничего запретить Ычу не сможет.

— Ты свихнулся? — Хон даже не посмотрел на тролля. — Его нельзя держать в городе, люди и так взъерошенные! Вон уже даже на своих эльфов стали косо глядеть из-за элорцев, а ты тролля хочешь приволочь!

— Далась им эти элорцы, — проворчал наместник.

— Так они ж едой не делятся!

— Своей едой, — заметил молчавший до сих пор Кальен.

Хон пару вздохов смотрел на мага, не находя, что возразить, потом обернулся к Олю:

— Этот тоже в городе поселится?

— Он лекарь, — быстро ответил гласник, и лицо Хона немного разгладилось. — Да и вообще... Без Билки мне тяжело придется, и без

Шадека тоже. Какой он поганец ни есть, а ведь самые паскудные случаи на себя брал. Всех этих свихнутых, которым для счастья в жизни нужно чуток внимания да пузырек крашеной водички. Но я ж гласник, я не могу им подсовывать водичку, а бить дураков поленом закон не позволяет... Вот чего я буду делать без этих двух поганцев? — Расстроенный маг махнул рукой.

— Так где они, я не понял? — Хон огляделся, словно ожидал, что Бивилка и Шадек выскочат из-под земли.

— Я ж сказал — уехали. — Оль нетерпеливо переступил с ноги на ногу и снова покосился на Дефару. Она по-прежнему не двигалась. — Вернемся в город, а? Вон солнце куда уползло уже, делать тебе нечего, что ли?

От старшины стражи не укрылся быстрый взгляд, который гласник бросил в сторону леса. Хон очень внимательно посмотрел в ту же сторону, но не увидел ничего необычного: кусты бузины и малины, липово-сосновая стена за ними. Потом Хону показалось, будто что-то промелькнуло прямо там, куда он смотрел, — на полвздоха прямо в воздухе соткались очертания половины рогатой женской головы — расплывчатые, будто начертанные на водной глади и тут же растворившиеся в ней.

Старшина стражи зажмурился и вновь уставился в то же место. Разумеется, ничего там не было! И правда что ли, нежаркое осеннее солнце голову напекло? Или прав был померший год назад городской целитель, когда уверял, что от беспокойств и тревог человека поражают всяческие недуги, от которых блажится различное непотребство?

— Поехали, — буркнул Хон и еще раз посмотрел на подлесок.

В «тревожные недуги» ему, здоровому и крепкому мужчине, верить было стыдно. В половину рогатой головы, призрачно парящую над поляной, — тем паче. Потому старшина стражи решил, будто ему что-то привиделось.

— Ыч, ты за нами не иди, — торопливым шепотом наставлял тролля гласник, — подсоби пока Дефаре, сделай, чего она попросит, хорошо?

— Чародею помогающая, — уперся тролль.

— Ты видишь, что тут творится? — придушенно взвыл Оль. — Дай хоть наладиться заново, сообразить, как вдвоем со всем разбираться будем! Потом, быть может, уже и тебе занятие отыщем. Мне нынче все одно не до того, нужно с полем разобраться, а то...

— Да я разобрался уже. — Хон закатил глаза. — Сколько ж можно ждать, пока ты в своих книжках накопаешься? Нет времени, работа стоит.

— Как это ты разобрался? — повысил голос Оль. — Там магические

непотребцы, их дубиной не прогонишь! Наперво нужно сообразить, что за дрянь шалит, — вот, к слову, Дорал подсказал одну мыслишку. Затем надобно подготовить воздействие, к которому у дряни восприимчивость, выбрать время, когда она снулая и вялая. А может, и вовсе не трогать это поле до весны, а другое засеять, которое под угомомом...

— Несешь дурь какую-то, — перебил Хон. — Раз гады лунки роют — значит, почти кроты, и нечего тут возню разводить. Воздействия, время, восприимчивость — тьфу! Послал вчера ребят с камышом и горшками — и всех разговоров! С утра ни одна лунка не разрыта заново, все притоптанные стоят!

По лицам гласника и Кальена Хон понял, что с самоуправством, возможно, и поторопился.

— Тихо. — Наместник положил руку на плечо Оля, и тот смолчал, только зубами скрипнул, отвернулся.

— Мы. Едем. На поле. — Ткнул пальцем в тролля. — Ты. Ты знаешь, чего тебе делать. Террий. Если этот... если Хон нас лишил позимнего сева — я не знаю, чего дальше будет.

Сердитым взмахом Оль снял щит с лошадок, и вскоре трое всадников ехали к городу. Оль что-то выглядывал в той стороне, где находились поля, хотя до них еще оставалось полтора-два перехода. Кальен следовал за ним. Наместник придерживал лошадку, поджидая Хона и подавая ему какие-то знаки бровями — не понять, обвиняющие или ободряющие. Все трое, уезжая с поляны, встретились глазами с ночницей и получили от нее едва заметный кивок: справимся, свидимся.

Потом наместник, бросив виноватый взгляд на мага, завернул к городу: с утра его ожидали дела, которые откладывать дальше уже не было никакой возможности. По кивку Хона двое стражников отправились с наместником, остальные вместе со старшиной стражи повернули вслед за магами.

Дождавшись, пока последний всадник отъедет на достаточное расстояние, Дефара шумно выдохнула и принялась ходить туда-сюда по поляне, сильно взмахивая онемевшими от неподвижности руками.

Ыч наблюдал за ней, выпятив губу.

— Ну что, братец троллик, — улыбнулась ночница и остановилась, — раскопаем грязные тайны пожелтевших порталов?

Ыч пожевал губами, перевалился с ноги на ногу и солидно кивнул:

— Раскопацая.

— Не нравится мне это, — решил Кальен, взглянув на поле.

По нему бродили мошукские мужики, разглядывали землю и сильно притопывали по ней. Магические отголоски различались явственно — дикие, неоформившиеся.

Оль спешил на меже, разделяющей поле и закраину вербяного поселка, хлопнул лошадку по шее и вразвалку пошел вперед. Он выглядел совершенно беспечным, только цепкий взгляд внимательно шарил по грудам земли, по людям, по кочкам у межи и редким кустам шиповника.

Кальен подошел, остановился у края нераспаханного поля. Прикрыл глаза, постоял так, к чему-то прислушиваясь. Медленно поднял руку, накрывая горстью нечто незримое. Оль с любопытством следил за Кальеном — такие ухватки были гласнику неизвестны. Ему не приходилось прежде взаимодействовать с самоучками — не было нужды. Оль мало знал про них и про их способы действий — только что самоучка не может использовать дар в полную силу и не знаком с большей частью заклинаний, известных магам, которых обучали в Школе. Зато самоучки охотно работали с магическими Картами, которые тащили из Мироздания подлетки. Отчего-то только теперь Оль сообразил, что толковый самоучка, выбравший собственный путь освоения магической науки, мог бы чем-нибудь да удивить его, городского гласника. А в чем-нибудь — и превзойти. Наверняка.

А что Кальен был толковым и сильным магом — сомневаться причин не было. Он, как обмолвился Дорал, даже порталы умел создавать, а на такое мало у какого самоучки хватало силенок.

— Похоже на призорцев. Или на кикимор. — Кальен открыл глаза и теперь в задумчивости потирал ладони, внимательно разглядывая свои пальцы. И чего он там видит? — На человеческую магию не тянет, на элморскую тоже.

Люди на поле, увидев магов, прекратили расхаживать, но подходить не торопились, сбились в кучку, шептались, поглядывали исподлобья.

В прежние времена горожане так себя не вели. Раньше гласнику при встрече махали руками, приветливо улыбались, перекидывались шутками или пустыми дружелюбными словами. А волком не глядели и в кучки при его появлении не сбивались. В прежние времена, быть может, прорицательское чутье что-нибудь подсказало бы Олю, но нынче оно молчало, и маг никак не мог свыкнуться с этим. Всякий раз, когда Оль

думал про свой дар прорицателя, возникало такое чувство, словно он силился что-то вспомнить и не мог.

— Давай норы поглядим. — Гласник решительно потопал вперед. — Все ж похоже было на мошковилов, только я вчера не понял, с чего бы им копать на полях. Но ежели Дорал правильно думает, что бесхозные призорцы могли подичать от колыханий этой... как он ее назвал?

— Околоземица.

— Во. Тогда это и вправду могут быть мошковиловы. И тогда хлопанцы нашему полю настали. Камыши, горшки...

— Я бы не заходил на поле далеко.

— Я бы тоже. И этих, которые по глупости храбрые, — их тоже надо согнать оттуда. Эй, мужики! — заорал Оль и стал махать горожанам, но те лишь попятнулись на несколько шагов. — На межу сойдите! Сойдите, кому сказал!.. Во, гляди, туточки нора была.

Маги присели около горбика земли, сложенного из сухих комочков. Аккуратно принялись раскапывать затоптанный стражниками ход.

— Куда ты горстями гребешь, аккуратней надо, цапнет же, — шипел Кальен.

— Да нет их там, — уверенно отвечал Оль, — гляди, это не запечатка?

— Да бдыщева матерь ее разберет, — Кальен наклонил голову к одному плечу, к другому, — но точно дрянь какая-то.

— Точно! Чуешь, теплом пышет?

— Ага. Ну ее к демону. — Кальен поднялся и сердито посмотрел на мужиков, которые по-прежнему мялись посреди поля. — Ты их сгонишь оттуда наконец?

— Как?!

— Да мне откуда знать? Ты ж тут гласный маг! Ну рявкни на них, что ли!

Оль с сомнением оглядел мужиков и заорал снова:

— Эй, почтенные! Уйдите с поля!

«Почтенные» пошептались и заорали в ответ:

— Сам иди! Не тебе его пахать, не тебе и топтать!

— Да что ты будешь делать, — вздохнул гласник, — пахать им. Прямым сей вздох, что ли?

— Проверяют, — поморщился Кальен. — Проверяльщики, тоже мне. Вон, гляди, по норе топают, придурочный. Как будто у него нога лишняя.

Подъехали Хон и стражники, встали у края поля — лица кислые, губы кривятся: чего, дескать, вы тут копошитесь, маги? Сказано ж было: без вас управились. Зачем приехали, чего вам тут рыться, а?

— Хон, убери этих тугоумных с поля! — Оль отер со лба пот, оставив на нем длинную полосу грязи. — Тут не пойми чего творится!

Старшина стражи хмыкнул и с подчеркнутым вниманием осмотрелся. По его мнению, не творилось ровно ничего: тишь, гладь да притоптанные норки. Вот вчера творилось, и позавчера тоже, это да!

Нарастающих магических отголосков, от которых у магов пробегали по спине мурашки, Хон не ощущал.

Мужики на поле слов не слышали, но по виду гласника и стражников безошибочно угадали, кому тут поддержка привалила, и снова принялись хорошенько притаптывать норы поблизости — из чистой мстительной вредности: вот вам, гадские гады, вот! Не давали подступиться, поднимали непроглядную пылюку над полем, мошкарку кусучую нагоняли, лошадков пугали — вот вам, гадины, вот!

— Убери людей! — повысил голос Оль.

Хон сложил руки на груди.

Гласнику нестерпимо захотелось что-нибудь швырнуть в старшину стражи. Ком земли, башмак, Охрипа — все равно, лишь бы от души.

Кальен, снова прикрыв глаза, бубнил заклинание, а между поднятых ладоней кружилось что-то вроде груды стальных опилок. Оль махнул рукой на стражников и уставился на эти опилки.

— Огонь.

Кальен поднял руки над головой, и все увидели, что в опилках прорезаются языки пламени, разрастаются, становятся темнее и ярче. Их нельзя было спутать с настоящим огнем, они выглядели как тряпочные — только двигались и меняли цвет. Люди на поле и стражники на дороге зачарованно следили за живым огнем в поднятых ладонях Кальена, пока он полностью не поглотил стальное крошево. Маг хлопнул ладонями, и все исчезло.

— Это чего еще? — Хон выглядел так, будто давний друг придвинул ему тарелку каши с рублеными мухоморами.

Мужики, снова забывшие про норы, взбудораженно перешептывались.

— Они спялят тут все! — Губы Оля побелели. — Сгони этих дурней с поля!

— Кто спалит, он? — Хон шагнул на поле, двинулся к Кальену и удивился, когда снизу, с земли, дохнуло волной тепла.

— Да не он, дубина! Мошковики! — Гласник снова развернулся к мужикам и заорал во всю глотку: — Почтенные! Сойдите с поля, мать вашу! Пахари недоделанные!

До тех наконец дошло, что маг не просто так надрывается и что земля

запахала жаром тоже неспроста. Мешая испуганные и возмущенные восклицания, мужики дружно затрусили к меже.

— Разе ж можно землю спалить? — пробасил за спиной Оля кто-то из стражников, но маг только отмахнулся и тоже поспешил к меже. Кальен топал следом, оступаясь на грудах земли, которые от жара стали рассыпчатыми и крошились под ногами.

Маги успели сойти на межу. Мужики — нет. Им оставалось еще шагов пятьдесят, когда из-под земли стали пробиваться пламенные вспышки. Мошукцы побежали, высоко подбрасывая колени и вскрикивая: снизу опаляло, как из печи.

— Твою мать! — повторил Оль, развернулся к вербной закраине и заговорил громко, непонятно и напевно, через каждые несколько слов сильно взмахивая руками.

На него обратил внимание только Кальен, но помочь ничем не смог: в отличие от гласника, он даже примерно не представлял, где находятся бочки для полива, или откуда там Оль пытался зачерпнуть воды.

Стражники и Хон были уже на поле, ругаясь, подбегали к людям, подставляли им плечи, тянули за руки, но за мужиков хватались другие, бегущие позади, и все останавливались, и тут же начинали с руганью поджимать попеременно обе ноги. На стражнике-орке повисли сразу трое. Языки пламени снизу вырывались уже на добрую ладонь, и тепло от поля дышало на межу, как летний зной в открытую дверь дома.

Кальен произнес заклинание, короткое, как удар, выбросил руки перед собой, будто раскатывая по полю скатерку. Поток воздуха на вздох пригнул огонь, добрался до людей, коснулся их прохладным щекотным дыханием.

Они обернулись к магу, и Кальен увидел, как выражение лиц из бездумно-заполощенного становится осмысленным. Снова проговорил отрывистую фразу и выбросил вперед руки, а потом еще раз и еще.

Люди наконец отцепились друг от друга и заспешили к меже, нетерпеливой цепочкой протянувшись по невидимой дороге. Различимы были только ее границы, за которыми огненные всполохи поднимались все выше.

Оль наконец нащупал бочку для полива. Гигантская водяная клякса, прохладно сверкая на солнце, понеслась над вербами. Маг дотащил ее до поля и широким махом выплеснул под ноги людям и частью — на них, переполошив несчастных еще больше.

Когда они наконец добрались до межи, Кальен опустил руки и покачнулся. У него перед глазами взрывались черные и рыжие круги, голова кружилась, на лбу проступила испарина, а руки до того обессилели,

словно он не колдовал, а таскал мешки с углем. Мужики падали на межу и тут же сбрасывали башмаки с дымящимися подошвами. Стражники сидели рядом и затейливо ругались. Между всеми метался Оль, не знающий, за кого хвататься.

— Назад! — Рывк Хона донесся приглушенно, как из-под подушки, и только тут все поняли, что это не в ушах у них звенит — это из-под земли несется злобный вопль-визг.

Языки пламени стали ровнее и выше, они аккуратно отсекали огромное поле от межи, как сдобный пирог от пересушенной корки. Визг звучал все громче, исступленней. Над полем поднималась пыльная занавесь, такая же непроглядная, какой была в прошлые дни.

Люди, пригибаясь, побежали вверх по склону к вербьяным зарослям, уже в закраине встретились с перепуганными жителями поселка, которые бежали им навстречу, привлеченные воплями.

— Назад! — орал им Хон.

Оль выставлял магические щиты перед людьми, которые оказались ближе прочих к меже. Стражник-орк, раскинув стволopodobные руки, теснил горожан в закраину, под защиту верб. Вокруг, причитая, метался Охрип. Ему то и дело наступали на руки, но он против обыкновения не ругался на это, только морщился.

А потом с поля перестали доноситься звуки. Никто даже не понял этого поначалу, такой гам и суета стояли вокруг. Первым прислушался Кальен, уже немного оклемавшийся после колдовства, тихонько скользнул между деревьями обратно к меже, стараясь не привлекать внимания остальных. Но его все равно в тот же вздох заметили. Гам смолк, люди гуськом потянулись к полю, пригибаясь под тонкими вербьяными ветвями. Места было достаточно, чтобы выйти к меже хоть всем скопом сразу, но горожане предпочли держаться за спинами самых смелых — магов и стражников.

Потому на склоне, где кончались ряды верб, образовалась давка: шедшие впереди выходили, видели — и останавливались, и позади них возникала заминка. Постепенно, обходя друг друга, выглядывая из-за спин, люди вытянулись вдоль склона длинной строчкой, и ни у кого не находилось таких слов, которые могли бы описать их чувства. Даже Охрип, опасливо выглянувший из-за верб, только скривился да лозой махнул.

Долго-долго все молчали.

— Ну что, — в конце концов отмер Оль и посмотрел на Хона, который сей вздох казался в два раза меньше своих обычных размеров, — как я и упреждал: хлопанцы нашей земле.

Вместо огромного поля с жирной бурой почвой раскинулась, насколько хватало взора, желто-серая равнина камней и песка.

Глава 5

Два мира

Талантливость ничего не решает, решают только терпение, решимость и направление, в котором вы будете двигаться. У последнего пьяницы может быть больше способностей, чем у вас, это ничего не значит. Все дело в том, как распорядился своим даром пьяница и как это будете делать вы.

Из выступления магистра перед выпускниками Магической Школы

Портал отбрасывал золотистый отсвет на жухлую серую траву. Небо тоже стало серым — не тем туманным маревом, какое повисает над землей в середине осени, а рвано-пористой россыпью пепла. Такого неба никогда не бывало в Мирах прежде. И никогда не отсвечивали желтым порталы.

На обрывке кожи угольком был начеркан рисунок: четырехлапое существо, похожее одновременно на кабана, орка и обезьяну, стояло спиной к дереву. В дереве была дверь — закрытая и подпертая поленом. В стороне, мелкие и далекие, стояли человеческие фигурки.

Алера повертела обрывок кожи так и эдак. Похоже, прежде он был частью накидки или жилетки — наверняка магоновой: пришедшие из Ортая подлетки не стали бы разбивать лагерь рядом с порталом. Да и некому приходиться сюда из большого мира: трое друзей добрались до портала в глубине Пизлыка только благодаря проводнику-троллю. Местные не углубляются в лес так далеко.

Тахар ногой поворошил угли в кострище. Судя по налетевшему сверху мусору, стоянка брошена давно. Ни в одном из Миров магонов не видели уже много дней.

Элай поднялся, привычно поправил висящий за спиной лук, бросил тряпочную котомку обратно на спальник, ссыпал в собственную котомку плоские костяные наконечники для стрел. Подошел к Алере, посмотрел на рисунок. Она так и сяк поворачивала кожаный лоскут.

— Что ты вцепилась в эту тряпку? Идем дальше. — Эльф кивнул на горы вдалеке.

Алера тоже поднялась на ноги. С прищуром всмотрелась в далекие серые скалы, оглядела степь, низкие пригорки, чахлые кусты шиповника. На одном из пригорков играли мелкие черные волки. На них Алера взгляд не задержала: звери теперь не опасные, сытые — после исчезновения магонов живности стало очень много.

Было в выражении ее лица что-то непривычно-пришибленное. Подошел Тахар, тоже всмотрелся вдаль, но никаких неожиданностей не углядел. Самые обыкновенные высокие скалы, как в любом Мирае, хоть в большом, хоть в малом. В малых Мирах горы хорошо видны от портала, в больших они находятся так далеко, что походят на грозовую дымку у горизонта. Но горы будут непременно — высоченные, неприступные и сумрачные, как осеннее небо.

— Что там, Аль?

Она сморщила нос, и Элай подумал, что когда Алера так гримасничает, то становится похожей на хатницу.

— Ничего, — проворчала девушка неохотно, — идемте. Просто пахнет тут странно — снегом. И ночью.

* * *

Эйла сидела на табуретке перед окном и расчесывала волосы. Костяной гребень то и дело застревал в темных прядях, и эльфийка распутывала их пальцами, а потом гребень снова нырял в блестящие локоны. Они на долю вдоха распрямлялись под деревянными зубцами, но тут же скручивались снова — еще более пушистые и взлохмаченные.

Оль сидел на краешке писчего стола, умиленно следя за движениями гребня: вверх-вниз, вверх-вниз. Лежащая под столом Мавка с тем же умилением наблюдала, как хозяин качает ногой взад-вперед.

Всякий раз, когда Эйла оставалась у Оля — на ночь или на несколько дней, — он ощущал себя ребенком, получившим неожиданный, незаслуженный подарок. Выросший в компании бойких красавцев-друзей Кинфера и Шадека, на свой счет он никаких заблуждений не питал: знал, что нет в нем ничего такого, что приводит женщин в восторг. Потому всякий раз, обзаводясь подружкой, мошукский гласник ощущал себя незаслуженно одаренным и тихо недоумевал: а чего в нем нашла эта самая новая подружка?

Вот и теперь Оль смотрел на Эйлу, задавался тем же вопросом и любовался ею. Хорошенькая эльфийка с тонким длинным носиком и

умными серыми глазами, изящная, как кошка.

Младшая сестра наместниковой жены. Наверное, их родителям показалось очень забавным назвать дочерей Нэйлой и Эйлой.

— Террибар запретил Хону признавать свою вину в порче поля.

А голос у нее был самым обычным, ничуть не похожим на кошачье мурчание. Оль кивнул, даже не осознав смысла слов, — просто слушал, любовался и в кои-то веки никуда не торопился, хотя время уже приближалось к полудню.

Расхотелось ему торопиться за последние дни. Сколько ни выворачивайся нутром наружу, как мешок из-под репы, — все равно смотрят на тебя как на вражину какую. Как будто мало добра сделал городу за шесть лет работы.

И пусть не ради благодарности делаешь свое дело, а потому что иначе нельзя. Но кому захочется денно и ночью упираться заради тех, кто смотрит на тебя, как Божиня на лягуху? Пусть сами справляются со своими заботами, коль такие разумные!

— По-моему, со стороны Террия это очень недостойно. — Эйла отложила гребешок на резной столик. Этот столик, купленный только ради эльфийки, смотрелся в доме Оля как лебедь в стаде дойных коров. Прочая обстановка жилища наводила на мысли о школьных комнатах для занятий, лавках травников, некромантских полигонах, никак не связанных с бесполезной красотой.

Потом гласник наконец осмыслил сказанное эльфийкой.

— Как это — запретил признавать?

Удивление и обида в светлых глазах Оля были такими искренними, что Эйле захотелось немедленно выйти из дома через окно.

— Свинство, конечно. — Эльфийка потупилась и принялась теревить тонкий серебряный браслет на правом запястье. — Тем более что сам Террий разрешил Хону послать на поле стражников. Так и сказал: «Действуй по своему разумению». Ну тот и воздействовал как разумел. А получилось...

Оль тяжело сполз со стола, прошелся туда-сюда по комнате, глядя в пол.

— Так ведь люди думают, что это мы испортили поле. — Он обернулся к эльфийке, и та снова опустила глаза. — Они ж не чуяли магических сполохов. Они лишь видели, что лунки засыпаны, так? А потом пришли мы с Кальеном и...

Гласник сел на кровать и уставился в пол, наморщив лоб. Эйла присела рядом, обхватила тонкими пальцами его широкую ладонь.

Пыталась объяснить, успокоить, но не получалось. А Оль силился истолковать новость безобидно — и не мог. Разве ж Террий такой дурак, чтобы не понимать мыслей горожан? Или такой бесчестный, чтобы сознательно подводить под удар магов? А может, Эйла что-то недослышала, додумала, неверно поняла?

— Так, — Оль аккуратно высвободил руку и поднялся, — ежели все так, как ты сказала, так мы с Кальеном без утрат из этой истории не вылезем. А я не вижу, отчего это мы должны отдуваться за чужие промашки, с какого такого испугу нас назначили виновными. Спросили хоть бы о чем-то. Ростолковали, какая такая вина на нас... Пойду к Террию.

Последнюю фразу гласник договаривал уже от двери, всовывая ноги в ботинки.

Эльфийка немного повеселела: решительный и насупленный Оль был ей знаком чуть лучше расстроено-оторопелого. С улыбкой Эйла смотрела, как он возится с завязками ботинок и куртки, — с виду неуклюжий, как большой мохнатый медведь, а на деле — такой же, как медведь, цепкий, сильный и смекалистый.

Из-под стола показалась голова Мавки с потешно наостренными ушами. Хозяин вроде бы вовсе забыл о ней и брать с собой не собирался, но и не возразил, когда Мавка, придав морде самое независимое выражение, подошла и встала у двери.

— Гляди, не повреди Террия, — с деланной строгостью напутствовала гласника эльфийка.

— Это как получится. — Ответная улыбка на долю вздоха осветила его лицо и тут же пропала. Словно привиделась.

* * *

Террибар глядел в потолок и сочинял послание наместнику ближайшего города, Неплужа. Получалось плохо. Бумаги в запасе осталось мало, а слов в голове теснилось много, но все эти слова казались Террибару недостаточно убедительными.

Некоторое время наместник даже всерьез размышлял, не лучше ли съездить в Неплуж самому и все объяснить.

— Нет, — вслух сказал он себе, — не лучше.

Да и писать, откровенно говоря, тоже без толку: тамошний наместник — человек нахальный, вредный и жадный, не станет он помогать Мошуку.

— Ась? — Со шкафа выглянул призорец-ратушник: озабоченная

мордочка, покрытая серым мехом, круглые глаза, голые длинные пальцы.

— Ничего-ничего, — пробормотал Террибар.

Другие города на западе и юге от Мошука — поменьше, победнее, а переезжих к ним привалило выше горлышка. Города на северо-востоке — слишком далеко, между ними и Мошуком лежит Пизлык. А на востоке — сытый благополучный Эллор, но эльфы уже отказались помогать всерьез, а на несерьезной помощи зиму и весну не протянуть.

Террибар оперся локтями на стол и сердито посмотрел на лежащий перед ним клочок бумаги.

— Ну? И куда еще тебя слать, если не в Неплуж?

Бумага безмолвствовала.

На шкафу зашуршало, призорец сел, свесил ноги в кожаной обувке.

— Помрем? — деловито спросил он.

— Быть может, нас спасут тролли, — проворчал Террибар, — и оборотни.

А в самом деле, не снарядить ли охотников? Грибники же ходят в Пизлык, пусть и недалеко, на полперехода — дальше начинаются темные сосны, которые считаются границей между мирами леса и Ортая. Так, может, получится условиться с троллями об охоте? Когда им нужна помощь — приходят же, отчего мы не можем?

— А в Пижлыке ма-авки, — плаксиво затянул призорец, — бегают по тра-авке...

— Это верно, — Террибар вздохнул, — за мавок и прочих кикимор тролли не в ответе. Не говоря уже про оборотней.

— Помрем, — заключил призорец и исчез на шкафу.

Террибар откинулся назад, и стул встал на задние ноги, как собака, просящая подачку. Придерживаясь пальцами за край стола, наместник стал покачиваться взад-вперед.

А может, и нет в Пизлыке никаких оборотней! Кто их видел-то?.. Или есть? Небось не загонишь в лес охотников под страхом лохматой напасти!

И тут в коридоре затопало, гупнуло, дверь распахнулась от пинка и с грохотом шарахнулась о стену. Из темноты коридора на Террибара рванулось что-то крупное и, как показалось ему с перепугу, — лохматое.

— Йяй! — взвизгнул наместник, отшатнулся и грохнулся навзничь вместе со стулом.

В ушах зазвенело, перед глазами все перевернулось, потом качнулось, а затем над столом показалось лицо городского гласника. С непередаваемым выражением он рассматривал лежащего на полу наместника. Со шкафа слышался шорох.

— Оль! — выдохнул Террибар. — Это ты! Я так рад тебя видеть!

Гласник засопел и пропал из виду. Наместник, потирая затылок, поднялся на ноги, поставил на место стул. Оль, против обыкновения, не сел ни на второй стул, ни на край стола, а встал напротив, тяжело опершись на столешницу обеими руками.

— Ты чего такой?

Садиться наместник не стал — не хотелось глядеть на взъерошенного гласника снизу вверх.

— Я чего? — Оль стукнул по столу. — Это ты чего? Кто Хону воспретил повиниться за поле, а?

— Ну я, — поморщился Террибар.

Мавка обошла стол и тоже уставилась на наместника неодобрительно. Со шкафа осторожно выглянул призорец.

— Ну ты, — передразнил Оль. Лицо его наливалось багровым, — и на кого теперь подумают, ты не знаешь?

— Знаю, — набычился наместник, — а ты не понимаешь, какие времена приходят? Какая зима нас ждет, а хуже того — какая весна? Какое будет у людей настроение? Как быстро они друг другу припомнят старые счеты? Понимаешь, да?

Оль молчал.

— И что я должен делать, скажи мне? — продолжал наместник, сам не замечая, как повышает голос. — Возложить на Хона вину за то, что город лишился зерна? Чтобы настроить людей против стражи? Если люди станут ненавидеть стражу — кто удержит порядок в городе, ты, что ли?!

— А что они станут ненавидеть магов из-за чужого растяпства — это тебя не тревожит, — медленно проговорил Оль.

Террибар вздохнул и сел.

— Побурлят и успокоятся. Вы ж маги, с вас спрос не такой, как с обычных людей. К тому же вот Кальен людей лечить принялся, и, если он себя покажет хорошим лекарем, так ему почти что угодно простят.

— Ага, — в тон Террибару подхватил Оль, — почти что угодно, помимо разве лишь голодной смерти. А мне чего за что простят, не знаешь?

— Стража сумеет защитить магов, — медленно и отдельно проговорил наместник, — а маги стражей не защитят.

Оль фыркнул.

— Ну что я должен был сделать? — повторил наместник. — Жизнь целого города на волоске висит, а ты хочешь, чтобы я плюнул на это и покрывал ваши с Кальеном выходки?

— Наши выходки? — Оль тоже повысил голос. — Ты позволил Хону

творить что пожелает, он разозлил призорцев, а ты теперь не будешь покрывать *наши с Кальеном* выходки? Да если б Хон не полез — поле было бы целым! Да если б не мы с Кальеном — те мужики бы сгорели ко бдыщевой матери...

Щеки Террибара залила краска, но взгляд он не отвел.

— Я не знаю, что там произошло, — тихо и твердо сказал он. — Я знаю, что после действий стражи на поле было тихо. А загорелось оно после того, как вы появились. А перед этим, как мне говорили, Кальен держал в руках пламя и говорил про огонь.

— Он не настоящее пламя держал, башка ты дурья! — заорал Оль. — Он сущность магических сполохов уловил, которые шли с-под земли!

— Ну да. — Наместник выпятил губу.

Оль смотрел на него, словно не узнавая.

— Ты чего, не веришь мне?

— Я не знаю, что там произошло, — с нажимом повторил Террибар, — но я знаю, как лучше для города.

— Во как, — гласник на шаг отступил от стола, — а я было думал, мы друзья. И думал, с друзьями такого не делают.

— Оль! — Наместник стукнул по столу ладонью. — Я этот город из руин поднял, ты помнишь? Если ради него нужно пожертвовать другом, матерью родной или самим собой — так даже не сомневайся, я это сделаю! Тем более — ну какая это жертва, а? Я ж тебя не на плаху отправил...

— И на том спасибочки, — тихо сказал гласник и пошел к двери.

— Оль! — Террибар снова стукнул по столу. — Оль, а ну вернись! Иди сюда, кому говорю!

Но маг, ссутулившись и наклонив голову, размашисто прошагал через комнату и вывалился в узкий коридор. В темноте врезался в каких-то людей и прорвался через нечаянный живой заслон, как бык сквозь козье стадо. Мавка пробежала следом, шерстяной нитью проскальзывая между людьми, касаясь щиколоток пушистым хвостом. Вслед Олю и Мавке неслись самые добрые пожелания на четыре голоса: один девичий, два мужских и один командный стражничий.

Дверь ратуши шарахнула за спиной Оля так, что наместнику на стол свалился паук с потолка. Следом с криком «Вкушно!» на стол сиганул со шкафа ратушник. Террибар в сердцах и с перепугу огрел его по загривку, и призорец, пристыженно втянув голову в плечи, сцапал паука и соскочил на пол.

Террибар перевел взгляд на новых посетителей. Те попятнулись.

— Ну?!

— Я... это, — виновато прогундосил за их спинами стражник.

— Я уже понял. — Наместник мотнул подбородком, и стражник, смущенно бормоча, потрусил обратно на пост. Можно подумать, от него там есть толк. Заходит кто попало, берет чего захочет!

«Кто попало» перед перекошенным наместничьим ликом вид имели бледный.

Чудная троица. Черноволосая девушка, на которой платье из плетеных дриадских кружев смотрелось бы уместней дорожной одежды и пары клинков на поясе. Клинки тоже необычные — для ножей слишком длинные, для мечей короткие, слегка изогнутые. Девушка стоит чуть впереди, а мужчины возвышаются за ее плечами, как опорные столбы. Эльф — непонятный, и не элloreц, и не оседлый. Выглядит и одет как ортаец, а держится как элloreц, и здоровенный лук за спиной тоже наверняка тамошний, но при том (наместник присмотрелся) серьги в ухе не носит. Второй парень, светловолосый и улыбчивый, на первый взгляд самый обычный — только Террибар безотчетно уловил в нем сходство с Олем или скорее даже с Кальеном, во взгляде ли, осанке — наместник не мог сказать.

Эту троицу явственно объединяли какие-то незримые узы, какие связывают семьи, или закрытые гильдии вроде Странников, или дурные религиозные ветви.

Призорец на шкафу громко чавкал пауком.

— Говорите, — смирился Террибар. — Раз вы сюда ворвались, значит есть причина?

— Порталы, — сказал светловолосый паренек поспешно. — С ними творится неясное. Те порталы, что поближе к городу, — они становятся желтыми, а те, что в лесной чаще, где никто не бывает, — те уже совсем золотые, аж светятся. И магоны в Мирах все пропали.

— И что? — тоскливо спросил наместник, сам прекрасно понимая, что.

Перед отъездом Шадек предупреждал о странностях с порталами и советовал запретить городским детям ходить в Миры. Сделать это можно было только одним способом — приставив по стражнику к каждому подлетку в Мошуке.

— Так мало ли, что дальше будет. — Парень хрустнул пальцами и тут же сунул руки в карманы куртки. — Может, из порталов отрава какая-нибудь задует. Или вылезет чего-нибудь здоровое с вот такой пастью!

— А ко мне вы зачем пришли? — спросил Террибар, запоздало жалея, что не вытолкал посетителей взащей. — Что я сделаю-то?

— Вы же наместник, — влезла девчонка. Мордашка у нее стала сердитой. — Кто отвечает за здоровье горожан, кто должен следить за порядком в окрестностях, про всех знать и все бдить? Вы? Вы. Так кому мы должны рассказать про порталы, моей мертвой бабушке?

— Аль! — в один голос шикнули оба парня.

Девчонка умолкла, сложила на груди руки и уставилась на наместника. Взгляд ее черных глаз был хватким и жутким, и Террибар подумал, что эта девушка наверняка все прочла в его собственных глазах — и мучительные сомнения, и досаду, и страх, и много чего еще, в чем наместник и сам себе бы постыдился признаться.

— Я понял, — наконец произнес он и даже испытал непонятное удовольствие оттого, как мало спеси осталось сей вздох в его голосе. Так тебе, наместник, прямо мордой — в самую твою беспомощность! — За порталами нужно присматривать. А теперь, если у вас нет предложений, где нам взять еды на всех здешних полуголодных людей, то попрошу вас... отправиться по своим делам и оставить меня заниматься этими скучными вопросами.

Тут даже девчонка смутилась, опустила глаза, переплела пальцы за спиной и обернулась к двери вслед за светловолосым парнем. В самом деле, нашли кого и в чем судить. Тут человек силится облегчить жизнь тысячам горожан, а мы на него надели с этими порталами, с этими детскими штуками... Хотя вот Дефара считает их изменение делом серьезным, а вовсе не ерундой какой-нибудь! Ну да и ладно. Пусть ночница, если пожелает, сама разбирается с наместником, когда проспится на своем чердаке!

Обернувшись, Алера наступила на ногу Элаю, который с места не сдвинулся. Он смотрел на Террибара взглядом умирающего кота, который означал, что эльф готовился сказать что-то, о чем смолчать нельзя, но говорить ужасно не хочется.

— Я не знаю насчет всех голодных. Но в Мирах теперь много живности, да и фрукты в лесах не везде отошли. Если у вас в Мошуке достаточно тупых подлетков, и если вы не боитесь, что за порталами их сожрет неведомая дрянь с большим клювом...

Террибар уставился на эльфа.

— Плохая придумка, — вполголоса заметил Тахар. — Дети будут отвлекаться, забывать, заигрываться, да и вообще по дороге передумают и убегут в поля гулять. Над тупыми подлетками надо ставить дозорных с лозинами, но взрослые через портал не пройдут, так что...

Наместник хлопнул ладонями по столу, привлекая к себе внимание, и

почти весело спросил:

— А что я могу сделать, чтобы вам троим захотелось послужить на благо города?

* * *

Оль был до того сердит и раздосадован, что уехал из города на несколько дней — в ближайшую деревню, где жила его мать. После окончания учебы Оль нарочно попросился гласником в эти края, чтобы быть поближе к дому, и тогда он думал, что будет навещать родную деревню часто. На деле же долг гласного мага перед целым городом оставлял мало времени для того, чтобы отдавать другие долги.

Но сегодня, злой на бессовестного наместника, на тугоумного Хона, на косые взгляды горожан на улицах, Оль ощущал, как тяжесть ответственности на его плечах становится все меньше и меньше.

Вначале он просто хотел прокатиться, подумать, и даже не вспомнил, что на тракте может быть опасно. Взял в общинной конюшне лошадку, да и поехал куда глаза глядят. В пути заново переживал свою обиду, так и сяк ее поворачивал, придумывал слова, которыми все это гадство можно назвать. Сердито фыркал, и лошадка подергивала ушами, словно соглашалась с ним и сочувствовала, а трусящая рядом Мавка ободряюще взмахивала хвостом.

Потом Оль обнаружил себя проехавшим половину дороги до материной деревни — покидая Мошук, он даже не заметил, через какие ворота выехал. Оказывается, через южные.

Дорога была неширокой, едва двум телегам разминуться. По краям ее шевелились стебли отцветшего клевера, чуткими усиками ловили колючий осенний ветерок. Далеко впереди по лугу бродило несколько рыжих пятен — деревенский пастух догуливал на последней травке небольшое коровье стадо.

На этой пыльной дороге, в прохладной осенней неизбежности Олю стало вдруг тоскливо как никогда прежде. Нестерпимо захотелось домой, к матери. И не взрослым сыном, что из любви вперемешку с долгом навещает старушку, а маленьким мальчиком — отчаянно рвануться к человеку, способному спрятать его от холодного колкого мира, от всего защитить, навсегда защитить, не пустить ни невзгод, ни печалей через кольцо теплых рук.

Гласник зажмурился, едва переборов желание пустить лошадь в галоп. Мотнул головой, обернулся на городские башни и несколько вздохов

смотрел на них, прищурившись и сжав в нитку губы. Потом свистнул Мавке и решительно поехал к деревне.

* * *

Без Оля все в городе было не так.

Наместнику не с кем было делиться смешными историями и пить мятный отвар в перерывах между делами. В ратуше работало много других людей, но Террибар даже со старшинами гильдий не сходил на короткое, не говоря уже про рядовых писарей и счетоводов.

Призорец говорил, что горожане, день за днем не застающие мага на месте, в ратуше, очень сердятся.

— Брошил же их негодник во времена тяжких ишпытаний! — пояснял ратушник, весело болтая ногами в кожаной обуви, и с чувством добавлял: — Ведь помрут!

Помрут — не помрут, думал наместник, а такие настроения горожан только множат беспокойную тревогу в городе. Даже когда Оль вернется, люди едва ли оттают. А если не вернется...

— А ежели не вернетца? — эхом вторил призорец, таращил на Террибара круглые глаза и трагическим шепотом заключал: — Ить помрем беж него!

— Вернетца! Никуда не денетца! — по несколько раз в день повторял наместник. Погромче, чтобы заглушить въедливое сомнение и желание немедленно поехать в деревню, чтобы вернуть вредного Оля в Мошук.

Его путь стражники с южной вышки проследили, так что о пропаже Террибар не очень тревожился и даже уверял себя, что все к лучшему: гласник успокоится, продышится да приедет обратно. Наместник и правда был готов поехать за Олем, но тогда пришлось бы извиняться, а извиняться за свое решение, не отменяя его, — лицемерие и глупость. Потому оставалось только терпеливо дожидаться гласника на месте.

Призорцу Террибар носил сушеные яблоки, чтобы тот хоть иногда держал рот закрытым. Но прочь не прогонял: без ратушника совсем тоскливо.

Хон теперь избегал общества наместника — старшине стражи тоже было неловко из-за Оля, и он заново переживал эту неловкость всякий раз, когда встречался с Террибаром.

— Хон занят очень, — отводя глаза, говорил стражник, охраняющий отдельный наместниковый вход в ратушу, — одежду зимнюю для нас нужно

готовить, вышку восточную перебирать, ночные патрули усиливать — за всем глаз да глаз требуется.

Пришлые с запада тянулись в Мошук реденьким непрерывным потоком, и везли с собой тревожные вести.

— Говорят, ректор Школу спалил и ушел, — сообщил стражник на третий день отсутствия Оля.

— Как это — спалил? — переспросил наместник.

Стражник задумался, привалившись плечом к стене, и в конце концов решил:

— Огнем.

В этот день ту же новость Террибару сообщили еще человек двадцать, и в конце концов наместник поверил.

— Ректор, сам ректор Школу обрушил! — возбужденно перешептывались счетоводы в ратуше. — Всю как есть растрожил по камешку! Чуть полгорода не развалил до кучи, сволота поганая!

— Бросили нас маги, бросили! Кто ж теперь? Что ж теперь?

— Да бдыщев хрен на них, на магов! Вон чего вокруг устроили, сколько земли погубили, сколько людей с мест посымали! Да пусть хоть все поразъедутся, поганцы! Пусть бы выдохли, авось и колдовство бы ихнее туда же делось!

— Да как же мы без магов? Кто защитит, кто убережет?..

— А то они тебя защищали!

— А то нет?!

— Ну так то когда было! А теперь чего? Сбежал ректор!

— Кто защитит наш, кто убережет, ежели магов не штало? — рассуждал ратушник, прожевывая очередной ломтик сушеного яблока. — Так никто. Помрем!

Ночью Террибар никак не мог уснуть. Школы больше нет — пропало всекрайнее сообщество магов, пропало последнее средоточие силы, что оставалось в Ортае после побега государя. Теперь каждое поселение и каждый человек — сам по себе, никто не сделает для них ничего спасительного. И то, что Школу сжег сам ректор, все завершало: глава ортайских магов расписался в беспомощности, в собственной и общинной. А значит...

Нэйла сердито завозилась рядом, и Террибар прекратил вертеться на постели. Лежал недвижимо, глядя в светлеющий потолок, и думал: получается, теперь никто магам не указ. Некому гласниками руководить, да и гласников нет, потому что нет Школы — чьи они теперь поверенные, свои собственные, что ли?

Школа больше не стоит за ними ни присмотрщиком, ни защитником. Пусть у нее были не самые длинные и быстрые руки, но теперь, без этого незримого заступника, распояшутся не только маголовы.

На следующий день с юга притащились потрепанные мужики с государевыми гербами на повязках. Потрясая грамотами, требовали уплатить все подати и наложения за упущенные месяцы, а также наперед, до самой весны.

Не дожидаясь волевых решений Террибара, Хон приказал выставить сборщиков за ворота.

— Как бы хуже не стало, — сказал ему наместник, разглядывая с балкона унылую колонну всадников, плетущуюся по дороге.

— Не помрут, — отрезал из комнаты ратушник и яростно зашваркал метелкой по полу.

— Обойдется без податей. — Хон провожал процессию сердитым взглядом из-под густых бровей. — Какой он государь теперь, кто ему подчиняется? Я, что ли? Или ты? Сидит в своей Меравии, ничего знать не хочет, бросил нас — так еще и денег за это ему дать? Может, он соберет вот деньжат и уедет со своей сестрицей за море. До Меравии-то тоже сушь дошла, не хуже нашей. Она, говорят, из Даэли так пятном и растекается. Вот западный Ортай уже почти весь пожрала, скоро и до нас дойдет.

— Говорят, говорят, — раздраженно передразнил Террибар. — Кто говорит, пьяницы в тавернах?

— А хотя бы и пьяницы, — не смутился Хон. — Они-то оттуда едут, а мы здесь на гузне сидим. Они лучше нашего знают, чего за спиной оставили.

Мошукские детишки под присмотром бдительной троицы исправно таскали из Миров дичь и фрукты. Но многие горожане и на это ворчали: прознали, что детей водят на охоту через далекие лесные порталы, а по Пизлыку их сопровождает какой-то тролль.

— Люди жнать желают, какая в том надобношь, — говорил призорец, — што, поближошти у наш порталов мало? Да еще тролль! У них можгов же нет, у троллей! Вдруг ожверееет да пожрет детишков, што тогда?

Террибар попытался расспросить про все это троих друзей, но без толку. Тахар отвечал невнятно и уклончиво, а девушка и эльф помалкивали, но выражение их лиц ясно говорило: если кого чего не устраивает — пусть сам разбирается со своим полуголодным городом и тупыми подлетками.

Единственное, что радовало горожан без оговорок, — это появление Кальена, потому как с лекарями в Мошукке всегда было плохо. В прежние беспокойные времена мошукские целители вообще жили недолго — до

первого излеченного горожанина, к которому были счета у других воинствующих горожан. А за последние шесть лет в городе побывало аж четыре целителя, но они не задержались надолго: трое переехало, а четвертый и вовсе помер от кровавого кашля, показав таким образом, что целителем он был паршивым.

— Целитель-то, целитель! — рассказывал Террибару стражник, выпучивая глаза. — Сказал, что Эдфурову тещу можно на ноги поставить! Да ежели он ее добьет или подымет, так Эдфур его на руках носить будет, целителя. Лежачая-то теща вреднее прежнего стала...

— Он не целитель, — строго поправил Террибар, — он лекарь.

— А какая разница? — не понял стражник. — И так говорят, и так!

— Лекарь только болезнь прогоняет, а целитель тело исцеляет, находя источник хвори, — пояснил наместник. Стражник поскреб подбородок и непонимающе хмыкнул. — Ну да Божиня с ними, с целителями. Ты вот матушку свою отведи к нему. Быть может, он ей какие успокойные отвары выдаст?

Через пару дней стражник заявил, что люди, оставшиеся в Тамбо после бегства ректора, «тут же подурели и принялись резать друг друга».

— С чего им друг друга резать? — не поверил наместник.

— А я знаю? Говорят, взъярились от самого воздуха, — пересказывал стражник. — Небось, из Школы непотребство вырвалось да околдовало людей! Сколько их там было, в городе — страх сказать, словно нарочно их кто-то нагнал туда, в Тамбо. На улицах от крови слизко было, повсюду требуха человечья валялась!

— Померли, — заключил призорец, — так и жнал.

— Кто-то да выбрался, иначе как бы мы про это прознали? Но мертвецы — они все так и остались лежать на улицах, крысам на радость...

— Вранье, — сказал наместник неуверенно.

— Может, и вранье. Но так говорят люди, что с запада приходят!

Понемногу Террибару стало казаться, что вслед за столицей, Школой и Тамбо сгорел, утонул в крови, безвозвратно погиб весь остальной мир за пределами Мошука. И единственным, что не давало в этом до конца увериться, были тревожные вести из дальних селений, которые пришлые люди приносили в таверны, а туповатый стражник исправно пересказывал наместнику.

За истекшие дни мошукские подлетки основательно сократили поголовье зайцев, птиц-побегайцев и мелких диких свинок в Мирах. Младшие дети собирали фрукты. Успели, считай, в последние дни: паданки еще не полностью сгнили, а висящие на деревьях плоды не успели высохнуть. Городские склады шатко-валко пополнялись, но Алера все равно ворчала: в городе уйма народа живет, его до весны не прокормят два десятка детей, хоть все Миры опустошай.

— Никто и не сказал, что прокормят, — терпеливо объяснял Тахар, — просто подспорье. Сколько-то зерна деревни дадут по уговору, сколько-то еды припасено, потом еще рыбу удить можно! Как-то протянут, а весной второе поле засеют! Это ведь лучше, чем если тысячи человек снимутся с места и попрутся к Эллору?

Алера ворчала еще громче. Она не любила Эллор и не имела бы ничего против, провались весь эльфийский край под бдыщев хвост. Только в последние месяцы, когда пришлось почти переселиться туда, Алера смирилась с ним, как с необходимым злом.

Сегодня управились быстро, из Мира вышли задолго до заката. Подлетки с добычей умчались вперед — окликать их не стали, местная нечисть знает, что дети сегодня пришли с троллем, и всерьез вредить им не станет. А если от скуки напугает или кругами водить задумает — так сами виноваты, нечего было убегать. Трое друзей в сопровождении Ыча шли через лес неторопливо.

— Племя на месте не живучая, — рассказывал тролль, — за едой по лесу ходячая, большими-ими кругами бродячая. То в щуровой чаще сидящая, то к городам подвигающая. Где одну зиму сидящая, где две зимы, пять зим. Как еду сжирающая — дальше уходящая.

— А когда возвращающая — еда уже опять отрастающая, — с непроницаемым выражением лица закончил за него Элай.

Ыч закивал, довольный понятливостью эльфа. Алера и Тахар рассмеялись.

— Во-он там теперь стоящая, — показал Ыч, — досюда слышно, как племя вопящая.

— Чего орут-то? — спросил Тахар, хотя было ему откровенно наплевать, почему тролли орут. Спросил просто, чтобы поддержать разговор, потому что Ычу было интересно рассказывать о своем племени, а Ыч Тахару нравился: он был добрый, очень серьезный и смешно морщил лоб. — Сколько раз тут ходили — никогда не было слышно, чтоб кто-то верещал. Я даже не знал, что у вас там стоянка.

Троль остановился и замер, склонив голову, а потом вдруг расплылся

в довольной улыбке.

— Мелочь пузатую поймашая, что щурову чарку свелащая! Как солнце заходящая — так мы ее сжирающая!

— Что еще за мелочь? — заинтересовалась вдруг Алера. — Она кто?

— Мелочь, — пожал плечами Ыч.

Девушка нахмурилась и решительно двинулась к источнику воплей — прямо через кусты, не утруждаясь поиском обхода. Друзья последовали за ней. Тахар тихо бормотал, подвешивая на руки заклинания. Элай недовольно кривил губы — ну что за дело может быть Алере до вороватого лесного зверья?

Просторная стоянка племени так хитро была устроена между деревьями, что можно было пройти в десяти шагах и даже внимания на нее не обратить. Кострища сложены в огромных углублениях, в каждом из которых могли разместиться костры с вертелами, и по десятку троллей. Жилища тоже были частично устроены под землей — наружу торчали только верхушки, похожие на свалявшиеся кустарники. Даже шкуры и утварь были разложены и развешены так, чтобы сливаться с травой, корой или ветками.

Все это заметил только Элай, который больше вертел головой по сторонам, чем глядел на самих троллей. Тахар следил за Алерой, потому что ее размашистый шаг магу очень не нравился, а Алера смотрела только на коротконового тролля, окруженного вопящими соплеменниками.

Троль держал за ногу и потрясал как трофеем вовсе не лесным зверьем, как думалось Элаю, а грязным худым мальчишкой лет шести. Связанный по рукам и ногам ребенок извивался змеей и надрывно что-то мычал в кляп из мясистых листьев зобяника.

Даже друзья не уловили, в какой вздох Алера оказалась рядом с коротконогим троллем, а уж другие-то тролли и вовсе опешили.

— А ну отпусти его, зараза патлатая!

Один клинок уперся троллю в живот, другой — в пах. Коротконогий посмотрел на невесть откуда выскочившую взлохмаченную девушку с мечами скорее удивленно, чем испуганно.

— Воровашая, — сказал он и еще раз хорошенько потряхнул мальчишку.

Другие тролли заворчали, ближние двинулись было к Алере, но остановились на окрик Ыча. Только теперь заметили соплеменника и еще двух недружелюбных пришлых. Эльф целился в толпу из большого черного лука, а у светловолосого парня между поднятых ладоней висел лиловый шар, в глубине которого плескало что-то вроде мокрых молний.

— Отпусти его, — повторила девушка.

Тролли заворчали громче, теперь возмущенно оборачиваясь к Ычу, — ты, дескать, что сюда приволок? Ыч развел руками и ворчливо ответил. Тролли насупленно обернулись к Алере.

— Вороващая, — сердито повторил коротконогий, — вороващая нельзящая, каращая, сжирающая!

— Это наших детей жрать нельзящая! — Голос Алеры дрожал от возмущения и постепенного осознания собственной дурости. — Мы ваших трольчат не жрем? Отдавай его сюда, мы его к наместнику отведем, и тот сам накажет!

Была в ее выражении лица, позе, взгляде какая-то исступленная решимость, которую тролли истолковали как признак могучести и предпочли разойтись миром. Вдруг и правда за такое наказывать должен наместник? Может, у троллей и свой взгляд на это дело, но не портить же отношения с городом из-за одной девчонки, которой шлея под хвост попала! Убивать ее все равно не годится, потому что рядом стоит Ыч, и значит — девчонка почти своя, а своих, храбрючих и выживучих, убивать нехорошо, им помогать нужно.

Коротконогий неохотно отвел лапу в сторону и разжал пальцы, так брезгливо, словно неожиданно обнаружил в своей ладони что-то непотребное.

— Щедро наказаящая, — строго велел он Алере, словно она и была карающей рукой наместника, — пальцы отрезающая!

— Будет плохо себя вести — я ему пальцы не отрежу, а нарежу дольками. — Алера обернулась к мальчишке, который начал было резво, как червячок, отползать в сторонку, коснулась мечом опавшей хвои прямо перед его лицом. «Червячок» замер, отклячив попу и отставив в сторону ногу, до колена выпростанную из веревочной мотанки. — Ты услышал? Своруешь что-нибудь в городе — пожалеешь, что тебя не сожрали тролли. Понятно?

Мальчишка закивал так, что у него аж в шее хрупнуло.

Облегченно вздохнув, Элай вернул стрелу в колчан. Тахар свел ладони, и лиловый шар растворился между ними. Пальцы у мага были ледяными — вся кровь отхлынула книзу, в пятки.

Ыч и другие тролли, морщась, следили, как Алера развязывает ребенка, быстро и деловито ощупывает синяки, царапины, оставленные веревкой ссадины. Ведет к друзьям за шкурку, как котенка.

— Ты что, в самом деле потащишь его к наместнику? — кисло уточнил Элай. У него тоже слегка подрагивал голос — какую морду ни корчи, а тролли без большого труда могли вбить в землю всех троих, даже

без дубин.

— Даже не сомневайся.

Алера посмотрела на «добычу» без малейшей теплоты, словно сомневаясь, не вернуть ли троллям их обеденный довесок. Шкодность, наглость и вороватость мальчишки просматривались даже сквозь слой грязи и откровенный испуг от пережитого.

— Ладно, не выбрасывать же теперь. В крайнем случае, Охрипу отдадим. Прокормится как-нибудь при поселке, не сдохнет.

Выдав это воодушевляющее заключение, Алера первой направилась к тропе, ведя за воротник мальчишку. Не дергала, не тянула, но держала накрепко.

— Наглючая, — растерянно заключил Ыч, направляясь следом. — Но решучая.

— По заднице в детстве не битая, — объяснил Элай.

— За это мы ее и любим, — вздохнул Тахар и отер испарину со лба.

* * *

Элаю не нравился вербянник Охрип и льнущая к нему детвора — всякий раз, когда друзья проходили по поселку и видели призорца вместе с детьми и подлетками, эльф щурился и поджимал губы.

— Да что ты морщишься, как ворчуха на завалинке! — не выдержал Тахар, у которого еще не перестали подрагивать пальцы после Алериной выходки. — Что тебе сделал этот вербянник?

— Ничего. — Элай отвернулся.

— Ну так чего ты кривишься на него?

— Он мне не нравится.

— Это мы уже поняли. — Алера остановилась, вынуждая друзей остановиться тоже. — А чем он тебе не нравится? Обыкновенный призорец же.

— Ну обыкновенный. — Эльф поморщился и неохотно добавил: — Просто в этом поселке — как в Эллоре.

Друзья прыснули.

— Не во всем Эллоре, — так же неохотно пояснил Элай, — а там, где приезжих детишек обхаживают. Ну, этих... которых родители из Ортая в гости возят. Их там стрелять учат, тропинки находить, зверей узнавать, про сам Эллор рассказывают всякое.

— И что плохого?

— Ничего. Просто их воспитывают как элорцев, не спрашивая, нравится это родителям или нет. Как бы промежду прочим все время тычут сравнениями: вот в Ортае это так и то саяк, а в Эллоре-то лучше. Светлее, сытнее, интересней, в конце концов.

Тахар фыркнул.

— Так неправда разве?

— Правда. — Эльф медленно зашагал дальше, друзья пристроились по бокам. — Только получается, что элорцем быть удобней и почетней, чем ортайцем. А следом выходит, что родители эльфенка — они не очень-то умные, раз не понимают этого и живут в Ортае, а не в Эллоре. И стоит прислушиваться сначала к мудрым почтенным элорцам, а потом уже — к недалеким папе-маме. И чтить элорские порядки выше, чем обычаи Ортая, в котором элфенок живет большую часть жизни...

— Вот это тебя несет! — восхитился Тахар.

— Так и есть, — уперся Элай, — просто не в единый вздох происходит, а понемногу. А потом оказывается, что эльфята выросли с таким сдвигом, которого их родители не задумывали. Хотя, конечно, многие родители — они и есть ровно такие же сдвинутые эльфята, только уже взрослые. Не все же переезжают жить в Эллор, многие так в гости и катаются.

— Получается, что двигаются они не так уж сильно, и не о чем тут говорить, — с легким раздражением заключила Алера. От Элая она никак не ожидала невнятного нытья. — Никогда не слышала, к примеру, чтобы ортайские эльфы чтили ихних предков, а не Божиню.

Элай рассмеялся.

— Я бы даже посмотрел, как они в Ортае поклоняются предкам, не видя самих предков!

— К тому же, — добавила Алера, — ты-то ведь не двинулся.

— Так я туда ездить начал лет в пятнадцать, тогда уже поздно было меня двигать.

Тахар обернулся на поселок.

— И что, если Охрип возится с детишками, так он их тоже двигает? Они теперь не захотят быть ортайцами, а захотят быть призорцами?

— Я не знаю, — рассердился Элай. — Я только говорю, что неизвестно, чего он им вкладывает в головы. Вот кто их научил делать самострелы, если не Охрип? И кто знает, чему еще он их научил? Он целые дни с ними проводит. Кто-нибудь видел родителей этих детей? Видел, чтобы жрец с ними возился? Сколько мы мимо ходим — они или сами по себе, или с Охрипом. А он все-таки призорец, у него иначе голова работает,

да и вообще, призорцы нынче... свихнутые какие-то.

Некоторое время шли молча, обходя выбоины на дороге. С наступлением настоящей, пасмурной и прохладной осени Мошук стал выглядеть зябким и жалким, как бродящая под дождем курица.

Многие встреченные по пути горожане смотрели на Тахара сердито и укоризненно. Знали, что он маг, хоть и помогает Мошуку, подлетков в Мирах охраняет, зелья готовит в помощь другому магу, лекарю. А уж лекарь-то человек очень полезительный, особенно теперь, когда по холоду и с голодухи люди стали чаще болеть.

Но все-таки они маги! А на магах вина лежит нынче ого какая! Поле вот нам испортили, да и вообще — может, не брешут слухи, может, и подступающая сушь тоже на их паскудной чародейской совести. Поэтому мы на тебя, маг, не по-доброму смотреть будем, чтоб ты не забывал про свою вредительскую сущность и знал, что мы настороже.

— Так не все же призорцы дичают. — Алера шла, уставясь под ноги, морщила лоб. — Вон хатники в Лирме обыкновенные. И Дефара тоже. Она ведь тоже призорец, но она осталась такой же, какой была пять лет назад, ничего не поменялось.

Эльф фыркнул.

— Ну да. Пять лет назад она бредила Мирами, ночи напролет шаталась вокруг порталов и не давала троллям спать. Не помнишь этого разве? Вот и я не помню.

— Так разве это свихнутость? Это надежды. Замыслы. А они...

— ...а они, если хорошенько в башке укрепятся, так и сделают свихнутым кого угодно. С чего всякая блажь начинается, если не с замыслов и надежд?

Алера отмахнулась. Когда Элай начинал нести всякие непонятные глупости, он был еще невыносимей Элая, из которого слова не вытянешь.

А сам эльф был непривычно серьезен и задумчив.

— Знаешь, — сказал он наконец, — а ведь элорцы могли бы лишать эльфят веры в Божиню, ну или заставляя усомниться в ней. Если бы хотели. А на то место, что освободит Божиня со своими Преданиями, можно поставить...

— Предков!

— Далась тебе наши предки! Нет, что-то иное — другую, злую веру. Таковую, что может оправдать любые паскудства, понимаешь? Устранить в голове заслоны. Поменять местами плохое и хорошее, зажечь впереди ложный свет... Ради которого человек совершит любую мерзость. Дети для такого удобнее всего — они злее взрослых, а картина мира у них в головах

еще не нарисованная, перехватить легко.

Алера плохо поняла, что имеет в виду друг, зато Тахар, похоже, понял, потому что тоже сделался серьезен.

— Но ведь элорцы ничего такого не делают?

— Нет, — закатил глаза Элай. — Но в Охрипе я бы не был так уверен.

* * *

— Почему вы тащите только ошметки? — прошипела Дефара и оттолкнула кусок коры с рисунком, который Тахар небрежно бросил на стол. Ночница кинулась к нему с такой горячностью, с какой бросается на припозднившегося мужа заждавшаяся жена со сковородой.

— Явственный сговор. — Алера швырнула куртку на тахту, взяла со стола кружку и пошла к ведерку с колодезной водой. — Мы просто хотим помучать тебя. Без всяких причин, из зловредности.

Дефара дернула верхней губой, на долю вдоха обнажив маленькие клыки.

— Во-во, — ухмыльнулась Алера и в три глотка осушила кружку, — я всегда знала, что на самом деле ты нас ненавидишь.

— Аль, заткнись, — рассеянно бросил Кальен, подняв голову от книги.

Девушка пожалала плечами, ушла в уголок, где стояла тахта. Развалилась на ней и закрыла глаза. Устали, набегались за сегодня. И за вчера. И за позавчера тоже.

Ночница поморщилась: очень ей не нравилось, когда кто-то занимал тахту Кальена. Алера снова ухмыльнулась. Ей не нужно было смотреть на ночницу, чтобы знать, что та бесится.

Ну и пусть. Дом все равно не ее и даже не Кальена, а городских гласников.

Дом, который Мошук выделил Олю шесть лет назад, был построен кем-то для двух семей: вход один, сени общие, а из них в каждую часть дома ведет своя дверь, за каждой — по две комнаты с мебелью и печью. Первое время Оль использовал вторую половину дома как лабораторию, библиотеку и склад, а потом освободил ее для Бивилки. Теперь жилье гласницы занял Кальен, к нему подтянулась Дефара, а потом — трое друзей.

Так что кровать, на которой теперь валялась Алера, принадлежала не столько Кальену, сколько вредине Бивилке.

И, несмотря на раздраженно-пренебрежительное отношение к

гласнице, ее дом нравился Алере. В нем хорошо пахло — не чем-то знакомым, вкусным или приятным, а просто хорошо. Уютом, если это слово подходило к небольшой и захлавленной комнате. Потому дом Бивилки отчасти примирил Алеру с самой Бивилкой — жилье плохих людей не пахнет хорошо.

Дефара появлялась здесь редко. Днем отсыпалась на чердаке — в комнате, даже при закрытых ставнях, свет зудел у ночницы на коже и сдавливал рога до хруста. Чем она занималась по ночам — твердо не знал никто. Может, и впрямь ходила вокруг лесных порталов, как говорила Алера. Во всяком случае, Ыч упоминал про «впотье бродячее» между троллим поселением и ближним к нему порталом, но Дефара это была или нет — Ыч сказать не мог: в темноте тролли видели плохо, а переться проверять было незачем.

Кальен подсел к столу, тоже посмотрел на кору с рисунком. Он походил на тот первый набросок на куске кожи, да и на прочие, которые находились в других Мирах: неведомое существо, дверь в дереве, люди неподалеку. Существа всегда были разные. Дефара говорила, что все они — азугайские соглядатаи-призорцы.

— А этот — он кто? — спросил Кальен, кивнув на картинку.

— Это очажник. — Дефара наконец перестала буравить взглядом Алерин бок. — В Азугае за домашний покой отвечают три соглядата, а не один хатник, как у вас.

Дверь в дереве за очажником не была приперта поленцем, а вокруг нее лежали опавшие листья. Рисунки отличались не только призорцами-соглядатаями, другие детали картинок тоже менялись.

— Да не волнуйся ты так, — участливо сказал Тахар, заметив, как кривится Дефара. — Азугай вполне выживает и с неполным набором призорцев.

Элай тоже влез на тахту, уселся под стенкой. Алера тут же положила на эльфа ногу.

— И плодятся магоны хлеще кролей, — добавил он. — Видела б ты, сколько их носилось по Мирам!

— А скольких магонов вы убили? — сердито спросила ночница.

Тахар закатил глаза.

— Сегодня — ни единого, — ответила вместо него Алера.

Дефара снова дернула губой. Почуяла кожей сердитые взгляды. Узнать их было легко — когда Элай смотрит сердито, то коже становится прохладно и сухо, а у Тахара, когда он насторожен, взгляд вибрирующе-колкий.

— Или за последний месяц? — невозмутимо, чуть протягивая слова, продолжала Алера. — За год? За десять лет? Так это легко сосчитать: магонов, что сами не кидались на нас с дубинами, мы не убили ни одного. Чего ты хочешь, Дефара?

— Хочу вырвать твой поганый язык, — процедила ночница, — но не стану пытаться. Не люблю стоять в длинном ряду ожидающих. Да и дед твой не одобрит.

— Дефара, заткнись, — попросил Кальен из-за книжки.

— Кажется, он сломался, — заметил Элай.

Не успел Кальен придумать достойный ответ, как из сеней послышался скрип открываемой двери, потом шаги и радостное тьякканье.

— Оль вернулся! — воскликнул лекарь, захлопнул книжку и поспешил навстречу.

За десять дней отсутствия гласник изменился: лицом посвежел и немного поправился, но в то же время посмурнел и посерьезнел. Как будто дни в деревне он проводил на свежем воздухе и без всяких трудов, но вместе с тем видел нечто нехорошее, тревожное.

Как, что? — выпрашивал его Кальен, но Оль отвечал неохотно. Не то чтобы не доверял лекарю, а просто не хотелось рассказывать при всех. Да и чего тут делают эти самые «все» — гласник откровенно не понял. Дом он оставил на самого Кальена, и про то, что Дефара займет чердак, — тоже был уговор. А зачем вот эти трое тут пасутся?

Оль встречал их и прежде: один раз — в Эллоре, причем там Тахар вертелся возмутительно близко к Умме, которая, кажется, не имела ничего против. И еще однажды мошукский травник, указывая Олю на Тахара, очень восторженно отзывался о способности того изготавливать мудреные зелья. Гласник, которому зельеварение давалось с трудом, тут же ощутил раздражение. Справедливо ли это: один учится шесть лет в Школе и так и не научится уверенно обращаться со склянками, а другой на эту самую науку возлагает конский хрен, без нее приготавливая такие зелья, что сам мошукский травник тихо скулит от восторга?

А в самом деле — разве это справедливо?

Элай был первостатейным воплощением не эллорского эллорца, чем болезненно напоминал Олю погибшего друга. Алера, даже когда глядела вскользь, вызывала такое чувство, словно видит тебя насквозь со всеми твоими мелочными секретами, и ощущение было препаршивым.

Словом, эти трое очень не нравились Олю.

И вот н тебе — все они обнаруживаются в его собственном доме, причем Алера и Элай валяются на Билкиной тахте с таким видом, словно

это так и надо! Еще бы разделись и устроили непотребства, не смущаясь присутствием других людей, — с них случилось бы, пожалуй! Потом Оль вспомнил, что говорила Умма: эти трое посвятили свою жизнь хождению по Мирам и изучению Миров — значит, должны были соблюдать непорочность.

На полвздоха гласнику стало даже неловко за свои мысли про Алеру и Элая, но в самом деле — эти наглые существа сочетались с непорочностью ничуть не лучше, чем Дефара!

— А это у вас чего?

Оль бросил куртку на лавку и подошел к столу, оперся на столешницу, рассмотрел рисунок на куске коры.

Мавка пробежала по комнате, принюхиваясь к каждому углу, и в конце концов улеглась подле Тахара, да еще и положила голову ему на ногу. Олю снова стало неловко: он знал, что Мавка не устроится рядом с плохим человеком и уж тем более не станет с ним панибратствовать.

Кальен объяснил, что такие обрывки рисунков попадают в Мирах, оставленные, вероятно, пропавшими магонами. Что они с Дефарой думают, будто в этих рисунках скрыты подсказки, адресованные пропавшим из Азугая соглядатаям-призорцам, и что, разобрав эти подсказки, можно узнать нечто важное. К примеру — куда делись сами магоны. Или как соглядатаям пройти через порталы.

— А чего это они рисунки рисуют? — удивился Оль. — Сказать, что ли, не могут?

— Ты видел в Мирах магонов? — лениво спросила Алера, и гласник снова подумал, что очень некрасиво с ее стороны так заваливаться на чужую тахту. — Они ж чокнутые все и не разговаривают. И письменами заниматься не могут.

— Верно, — согласился Оль, хотя было неприятно соглашаться с этой девчонкой даже в малости. — Да и не говорили бы мы одинаково, наверняка. Вон даже за морями речь иная, не такая, как в Идорисе, а тут магоны!.. Погодите, а Карты? Их же из Миров тащат? Магистры говорили, там расписаны смещения разных заклинаний — так на какой же речи они описаны, ежели не на общей? Самоучки как-то ж разбираются с ними?

Тахар закатил глаза.

— Там рисунки, не письмена. Ты Карт никогда не видел, что ли?

— Ну не видел, — буркнул Оль. — Не попадались. Значится, теперя надо понять, чего хотели передать чокнутые магоны, да? Так они ж ничего нового не сообщат. Не могут всякие чучела, как вот Дефара, проходить через порталы. Через них даже нормальные гномы не ходят, а тут — *вот*

это!

— Порталы меняются, — ровным голосом сказал Тахар, словно не замечая, как подергивается губа у Дефары. — Может быть, вскоре через них смогут ходить призорцы и гномы, а люди как раз не смогут.

— А вы чего тогда будете делать? — брякнул Оль. — Без своих Миров-то?

Какое-то время все молчали, потом снова подала голос Алера — на этот раз раздраженно:

— Мы-то еще успеваем разобраться, сколько-то времени у нас пока есть. Ты за своими делами последи лучше... гласник без голоса.

Тахар поморщился, но смолчал, хотя видно было, что ему хочется возразить подруге. Дефара так и эдак передвигала на столе рисунки. Кальен смотрел на Оля серьезно.

— И правда, — сказал он и улыбнулся извиняюще, — что ты будешь делать теперь, а?

Оль помолчал, глядя в стол. Неловкость, выжидающую неловкость он прям кожей чувствовал и понимал, что отмахнуться от вопроса нельзя. Потому как наперво ответ нужен ему самому.

— Буду делать то самое, что и раньше. Есть Школа или нет — это на мой маговский долг не влияет, и ровно так же на него не влияет ничто другое. Просто... просто на деле-то все еще хуже, чем нам отсюда видится. Я думал, в городе на нас стали смотреть с предубеждением — так в деревнях, оказывается, все еще хуже. Прям шкурой чуял, как они на меня глядели, как за спиною шушукались, некоторые бабы прям чуть вслед не плюют. И это ж деревня, где я вырос! Меня ж там всю жизнь знают! Всегда хорошо относились, понимаешь, всегда ж стоило приехать — сразу соседи сбегались, кто с приветами, кто с просьбами, кто просто поведать, а нынче... Нынче не пойми что творится. Со двора выходить не хочется. За мать теперь страшно, а она ж уезжать ни в какую не соглашается. Я б раньше в город вернулся, да оставлять ее боялся, все думал уговорить со мной отправиться, но она — нет, она хозяйство бросать не хочет, да и вообще... Эх. Никто нам не верит теперь, понимаешь? И я тоже не знаю, кому верить. Когда даже призорцы спятили, когда даже старые друзья вроде Террия...

— Троллям можно верить, — сказала Алера очень серьезно, и по этой серьезности Оль понял, что она издевается, — и азугайским соглядатаям тоже. А что, тебя разве когда-нибудь подводили тролли или вот Дефара?

— Аль, — страдальчески простонал Тахар.

— Но она ж ведь права. — Оль потер ладонями лицо и поднялся. — В

главном права. Ежели старые знакомцы подводят — нужно заводить новых, понадежнее. А город я не оставлю, пока могу для него сделать хоть что-то. А как еще? Это ж я топал ногами и уверял, что надобно помогать каждому человеку в отдельности, что без этого не выручить всех. Вот этим и стану заниматься, а дальше... дальше, надеюсь, все получится у тех, которые решили спасти всех скопом.

Оль взял с лавки свою куртку и вперевалку пошел к двери.

Бивилка была права, когда говорила: сколько ни делай, а дел только больше становится, да и люди день ото дня лишь чумеют. Оль надеялся, что ему хватит сил и терпения вразумить этих людей — точно так же, одного за другим. Не дать им дойти до непоправимого в мыслях своих или в действиях.

Иначе — какой смысл затыкать тот неведомый вулкан, о котором говорила Дефара? Если люди перестанут быть людьми — тогда и миру конец. Тогда пусть полыхает, потому что хуже все равно некуда.

Оль хотел верить, что его усилий, мудрости, терпения окажется достаточно, чтобы этого не допустить — хотя бы в пределах одного города.

* * *

На рассвете Оля разбудили встревоженные стражники и сказали, что дом его матери сгорел этой ночью.

Глава 6

Край Серой Кости

Гижук. Одно из многих мест Идориса, где невольно задаешься вопросом: на кой хвост ты сюда притащился?

Из путевых заметок некроманта, пожелавшего остаться безымянным

— Предав веру предков, мы совершили великую ошибку.

Брамай мерно постукивает по земляному полу длинным посохом. На нем покачиваются сушеные птичьи головы. Вместо угодных Божине ромашковых веников над печью дымятся пучки котошовника. Расходится по общинной избе терпкий запах, от которого рот наполняется слюной, а в голове становится пусто и звонко.

— Но мы еще можем смиренно просить Воплотительниц о великой милости. Да, потеряны жрища. Забыты обряды. Неизмеримы наши проступки.

Горестный стон двадцати голосов разносится по общинной избе. Орки признают свою вину.

Они надеются, что еще не слишком поздно.

Что они еще могут вспомнить, отмолить, отстоять. С кровью и мясом сорвать с себя наносное и чуждое, привнесенное из соседних краев, так мучительно-плотно налипшее за истекшие сотни лет.

Что они сумеют вспомнить свою веру и своих предков, принять их разумом и душой — и удостоиться великой чести: права уйти в магонов край, благословенный Воплотительницами.

— Отринем несвойственность, — горячо призывает брамай, — вспомним о том, кем мы были. Покаемся за многие годы помутнения, любое наказание примем как благо, ибо только через искупление лежит путь к прощению.

Орки одобрительно ворчат. Два десятка голосов сливаются в гул, и звук отражается от покрытых паутиной стен. Кольшутся грязные занавеси на маленьких окошках, словно кивают брамаю вместе с орками.

Отказаться от всего, что связано с постыдным забвением веры

исконцев. Сбросить чуждые обычаи, как иссохшую шелуху, как омертвевшую кожу. Освободиться. Удостоиться.

Орки верят, что сумеют. И тогда брамай разрешит покинуть это место и отправиться навстречу предназначению. Оставить за плечами ненужные больше дома, неправильную веру и этот погибающий мир, для которого нет избавления.

Орки знают, что такой день придет, и это будет великий день. Когда каждый достойный орк вслед за Зеленым Пауком ступит на Путь, который определили Воплотительницы.

— Спаситься сумеют только избранные! Лишь угодные Воплотительницам орки смогут пройти по Пути Серой Кости и найти свой покой в Азугае!

Из этого селения, из соседних, из дальних. Со всего Гижука потянутся орки к неприметной деревеньке, к главному Жрищу Силы, чтобы встретить Зеленого Паука и пройти в магоновый край той дорогой, которую он откроет.

Оставить орочью жизнь в прошлом. Переродиться. Избавиться от всего лишнего, даже от памяти. Получить новое воплощение и новую жизнь.

Потому что так было определено Воплотительницами тысячи лет назад. Потому что смысл жизни каждого орка — в Пути Серой Кости, в очищении и перерождении.

Орки почти забыли об этом на многие сотни лет — но теперь им предстоит вернуться на истинный путь. Они должны успеть. Они должны суметь.

Ведь не зря же в начале года сам Зеленый Паук принес откровение Воплотительниц государю гижукскому из славного рода Нугалков.

* * *

Далеко не сразу вредные грифоны взяли верный курс — на северо-восток. Словно влекомые невидимой силой, они норовили забрать к западу — верно, надеялись вместе с четырьмя магами на спинах ускользнуть к себе на родину, в Даэли. Никакой Гижук пернатым врединам был не нужен, а неопытными всадниками они вертели как хотели.

Во время сборов в Ортае Дефара показывала кулак и, кивая на грифонов, давала наказ «Вот так держать этих тварей», но ни у кого из магов не хватило на это окаянства и храбрости. Хищные желтые глаза,

мощные когтищи и огромные клювы — вот лучшие грифоны доводы за то, что договариваться с животными нужно только лаской. Да и не шли они на открытый бунт, как будто нечаянно забирая в западном направлении и делая невинные морды, когда их пытались пристыдить. Только в больших глазах вспыхивали издевательские янтарные искорки.

Потому путь до Гижука получился долгим, да и вышли на орочью область много западней, чем задумывали. Это тоже обнаружилось не быстро: из четверых магов только Дорал бывал в этих краях прежде, да и он теперь плохо понимал, какие речки и лесочки проплывают под грифоньими брюхами.

Селения здесь были в основном долинные и приречные, всегда маленькие и так хитро расположенные, что на подлете издалика их и не разглядишь. Как орки встретят пришлых людей, рассекающих по их краю на грифонах, — проверять никому не хотелось. Приходилось надеяться на карту, солнце, звезды и здравый смысл, но те помогали мало. Хорошо хоть то, что грифоны беспрекословно являлись на зов костяного свистка, как бы далеко их ни уносила ночная охота.

Потом стали появляться большие леса, благодаря которым грифоны могли подбираться к жилью незамеченными. Пока остальные маги устраивались на ночлег, Гасталла с мрачной рожей уходил в сторону селения, уточнял его название, покупал хлеб, сыр, молоко, рыбу — все, что находилось у жителей. Деньги поменяли на орочьи еще в Ортае, в приграничном городишке.

Теперь маги знали, что следуют выбранному курсу правильно, хотя и с серьезной задержкой.

— Что-то нездоровое делается в этом крае, — заявил некромант через несколько дней пути по Гижуку. — Чрезмерно они все тут взбудоражены. Отчего взбудораживаться оркам по осени, скажи мне?

— Не знаю. — Дорал помешал в котелке, сосредоточенно понюхал пар и всыпал в варево еще немного соли. — А что там происходит?

— Ничего не происходит, — невозмутимо ответил некромант, и Доралу захотелось треснуть его ложкой. — Это ж орки, что у них может происходить-то? При такой опасности, которая человека изводит до сердечного припадка или заставляет с воплями бежать, орки делают что? Встревоженное лицо — вот что делают орки.

Дорал хмыкнул и подул на ложку. Исходящий от похлебки сытный дух заглушал запахи прелой листвы, близкой воды и осенней прохлады.

Вот почему со всякими чудачествами спутники приходят именно к нему? Он точно так же впервые летит через Гижук на грифонах и понятия

не имеет, во что все они ввязались!

— Эй, поганка! — послышался из лесу веселый голос Шадека.

Бивилка вскинулась, оставив в покое грифоново крыло, которое теребила, задумчиво сосредоточившись. Вредные животные относились к ней с непонятым снисхождением, командовать собой не позволяли, но трепать, снюсюкать, облакачиваться — сколько угодно. Иногда даже охоту откладывали, вежливо дожидаясь, пока магичка с ними натетешкается.

— Поганка, ты где?

— Чего тебе? — недовольно отозвалась Бивилка.

Магичка всеми силами показывала, что ей не нравится, когда Шадек называет ее поганкой, а Шадек так же явно давал понять, что плевать хотел, нравится ей это или нет.

— Иди сюда!

— Зачем?

— Затем!

Бивилка фыркнула и снова потянулась к грифовым перьям.

— Поселения выглядят иначе, — заявил вдруг Гасталла, и Дорал в первый вздох не понял, о чем он говорит. — Не пойму, как именно, но иначе.

— Иначе чем где? Ты бывал здесь раньше?

— Нет. В западном Гижукке бывал, в приграничье. Не случилось? — Дорал вяло мотнул головой, и Гасталла оживился. — Дивные там места, волшебные! Какие горы приморские, какие луга на подступах, а деревеньки приречные, а мед из разнотравья!..

Магистр покосился на некроманта. Кто бы мог подумать, что этот смурной неприветливый тип любит мед и умеет называть места «волшебными».

— Нет, тут другая разница, — продолжал Гасталла, — не отличие между разными местами, а именно неправильность. Не могу понять, в чем эта неправильность, но она есть, точно есть.

Из лесу вышел Шадек, подошел к Бивилке, присел рядом.

— Вот же поганка.

Протянул ей облепиховых ягод в горсти. Магичка, явственно смутившись, отобрала половину. Остальные Шадек заглотив сам, не подумав предложить кому-нибудь еще. Бивилка, поедающая свою облепиху по ягодке, смущенно покосилась на Дорала и Гасталлу, но поделиться с магистром, обойдя вниманием некроманта, было бы некрасиво, а переводить вкусные ягоды на мерзкого типа — жалко.

Бивилка пыталась делать вид, что не замечает поблизости никакого

некроманта, но было не так легко пропускать мимо ушей его замечания — не то чтобы злобные, но меткие и ядовитые. Гасталле нравилось злить магичку: ожидаешь от меня, мерзостного типа, всяческих неудобств? Ну так чего же зря надеяться — получай! Дорал одергивал Гасталлу и уже почти жалел, что согласился взять его с собой.

Бдыщева мать пойми что, а не спасители мира! Ворчат, сомневаются, петляют, того и гляди — затеряются в Гижукке совсем и перегрызут друг другу глотки. Не от ярости, так с голодухи — после всех этих летаний кругами почти не осталось еды в запасе. Хорошо хоть места грибные-ягодные, да еще Шадека в Эллоре, кажется, эльфы покушали, до того ловко он сооружает магически-охотничьи ловушки на мелкое зверье.

— Почему этот парень потащился с нами? — тихонько спросил некромант. — Я в толк взять не могу. Ему все равно, найдем мы драконов или нет, выживет ли Идорис. Даже мне не наплевать — я как-то, знаешь... после той истории в столице ощутил ответственность за всех этих никчемных человечков. А Шадек — нет, не ощущает никакой ответственности, не верит и не беспокоится. Он считает, что нужно отправляться за море, и считает в общем-то правильно. И сил у него в достатке на любые поступки, хоть он и мается сущими мелочами. Словно ему нравится просто быть магом — так нравится, что до всего остального и дела нет. Но за море он отчего-то не отправился. Вместо этого он просто так, без понятных причин, взял и утащился за нами на край подышающего мира. За нами утащился и за ней. Почему, а?

— Наверное, он любит путешествовать, — проворчал Дорал и снял котелок с огня.

Перед тем как приниматься за еду, Бивилка и Шадек укрыли полянку «ладонью» — куполом, хранящим тепло. Это было парное заклинание из магоновых Карт, которое подсказал им Кальен. Сама по себе «ладонь» не грела и в пути была бесполезна, но с ней ночевки в осенних лесах получалась вполне терпимыми. Что будет дальше, в Недре, где тепла от костра и дыхания не хватит, чтобы обогреть магический купол — маги пока не придумали. Как говорил Гасталла, «эту нежить мы упокоим, когда она вылезет на свет».

— Как ловко они колдуют в паре, — заметил некромант, глядя на Шадека и Бивилку с такой гордостью, словно это он их обучал. А может, и правда гордился: во какая смена нам выросла — красота!

— О, это у них всегда получалось, — рассмеялся Дорал, — загляденье, а не парные заклинания выходили, с самого первого занятия, без всякой притирки, представляешь? Редкостный случай. Только в детстве они

больше соперничали, чем дружили, а собачились как — просто чудо, во всей Школе звон стоял! — Дорал разломал на куски ковригу. — А потом этот звон расцвел нежной дружбой, разумеется.

Гасталла проследил, как опускается на полянку «ладонь», подсмотренная каким-то самоучкой в каких-то Картах, и спросил:

— А тебе не кажется, что магических Карт не должно существовать? А то, что они существуют, — очень подозрительно?

— Отчего это?

— Оттого это. У нас, получается, одна и та же магия с магонами. А ведь даже с эллорцами мы колдуем по-разному: мы — заклинаниями и пассами, а они — образами и сосредоточением. Как получается, что с эллорскими эльфами, которые недалеко, мы по-разному используем магию, а с магонами, которые в других мирах, — одинаково? У нас что, больше похожести с магонами, чем с эллорцами?

Дорал потер лоб.

— Может, у магонов и все прочее такое же, как у нас? — бубнил Гасталла. — Почему бы не быть прочему, а? Что вообще творится у тех магонов в Азугае? Откуда они происходят на самом-то деле? Ведь не сто лет назад появился Азугай, ведь и раньше там жили магоны? Может, они — наши повторения или вроде того? Может, и говорят похоже — те, которые не свихнутые? Почему бы им не говорить на общей речи, а?

— Ты еще скажи, что они в Божиню верят, — отмахнулся Дорал и полез в котомку за ложками.

Подошли Бивилка и Шадек, повеселевшие и немного взъерошенные, сели у костра.

Некоторое время было тихо, только сыто плюхала похлебка и поскребывали ложки по стенам котелка, а на поляне протяжно зевали грифоны. Потом подал голос Гасталла:

— Я понял, что не так в орочьих поселениях. Божемольни заперты. Во всех селеньях, которые мы проезжали.

* * *

Размашистыми движениями посоха брамай чертит решетку в грудке золы. Легкая серая пыль танцует в колючем, почти зимнем воздухе.

— Трудно будет искупить сотни лет отречения.

Орки сидят вокруг кострища и тихонько покачиваются из стороны в сторону. Между ними пластается по земле дым от веток котошовника.

Открытые румяные лица на дикарский манер разрисованы бурными полосами — смесь жира, пепла и крови. Полсотни пар покрасневших глаз смотрят на брамая с надеждой.

— Изничтожим все чуждое и наносное.

Орки перестают раскачиваться и начинают кивать. Брамай стучит посохом, и птичьи черепа на нем подпрыгивают и постукивают друг о друга. Белые косточки отражаются в мертвых глазах лохматой собаки, прибитой к жертвеннику.

— Все чуждое будет выжжено огнем. Все, на что падают наши взгляды. Без раздумий и жалости.

Орки разевают рты, издавая звуки, похожие на ворчание большой кошки. Они согласны, что нужно выжигать все наносное и не испытывать жалости.

В прошлой жизни Гижука, когда брамай был жрецом Божининым, орки не должны были ничего жечь и никого прибавать к жертвеннику. Но тогда орки не помнили, что путь Божинин привнесен в Гижук извне насильно, что он чужд орочьей природе.

Путь Серой Кости требует неизмеримо большего рвения.

Орки счастливы, что смогли ступить на этот путь.

* * *

Лиственные леса южного Гижука сменились глинистыми и каменистыми равнинами. Они были исчерчены трактами, там-сям их прорезали серые реки и приземистые хвойные лесочки, и подле рек всегда находились селения — деревеньки, фермы, хутора, а то и небольшие города. В равнинной местности трудно было найти хорошее место для ночевки, а у грифонов, судя по недовольным мордам, не складывалось с охотой.

Потом путники забрали восточнее, и под грифоньими брюхами снова стали появляться озера и густые леса, потом зачастили поля с коричнево-серой землей и большие деревни.

Воздух становился холодней и прозрачней, по ночам подмораживало. Животные все неохотнее двигались на север и старались держаться на высоте одного-двух полетов стрелы — выше воздух был совсем уж продрогшим. Маги по самые глаза укутывались в теплые куртки и старались поменьше шевелиться, чтобы сохранить хоть какое-то тепло под порывами сизого ветра. От долгой неподвижности немело тело, от колкого

воздуха слезились глаза и дубела кожа на лице. Маги тоскливо шептали ругательства обветренными губами и старались не думать, скольких жителей Гижука они переполошили, держась так близко к земле.

Когда на горизонте показалась огромная заброшенная каменоломня, на которую велела нацеливаться Дефара, даже Шадек впал в уныние и беспрерывно ворчал.

Грифонов приземлили на подъеме холма, у самой вершины. Нужная деревенька была прямо за ним: ночница очень точно описала место, и маги не сомневались, что прибыли куда надо. Каменоломня — позади, по левую руку — низина с овражками, справа — еще два таких же холма, поросшие соснами. Сама деревня — за склоном, отсюда уже можно разглядеть, как поднимается над нею дымок.

— Прилетели, — зачем-то сказал Дорал.

Шадек молча принялся развьючивать грифонов. Его движения после долгой неподвижности были неловкими. Рукавицы Шадек сунул за пояс куртки, и пальцы сразу замерзли.

Грифоны ворчали, тарасили желтые глаза, сердито скребли землю лапами. Последние дни дались им особенно трудно, звери замерзли и были голодны, хотя и сыты Гижуком по горло.

Порыв ветра донес запах жареного мяса, и серый грифон жадно клацнул клювом возле уха Шадека. Тот пригнулся и громко выругался.

— Богато живут, — недовольно сказала Бивилка, принюхиваясь к мясному духу и растирая замерзшие руки.

— Живут они так, как положено в этих местах. — Дорал был так благодушен, словно сидел в классной комнате с кружкой малинового отвара. — Это у нас в Ортае можно возиться в земле по полгода, а на юге — и того дольше. А тут, в северном Гижуке, что? Четыре месяца, если даст Божиня. Огородики если заводят, так махонькие. Получается, главная пища в этих краях какая? Позимая птица и живность, рыба еще. Орехи всякие, ягоды, грибочки... Ячмень растят, овес, еще рожь, если повезет. Пшеницу из Ортая сюда никто не потащит.

— А в Недре чего едят? — спросил Шадек. — Недра-то еще холоднее!

— Да кто их знает — Дорал задумался, пощипывая мочку уха, и решил: — Что-то едят! Как-то живут. Не знаю, не любопытствовал никогда. Недричане всегда были такие, обособные. Даже в этих краях о них мало что известно. Но можем спросить этого кузнеца, как его там — Голвер?

Бивилка состроила гримасу. Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, засунув руки в рукава тяжелой меховой куртки, подбородок прятала в жесткой шерсти воротника.

— Неча ныть, скоро согреемся и пожрем, — сердито сказал ей Гасталла.

— Я и не ною, — огрызнулась магичка. Полускрытые короткими волосами уши ее покраснели.

— В голос-то не ноешь, а рожа такая, словно тебе пряники медовые обещали, а не дорогу на север. Чего уставилась на меня? Обещали тебе медовые пряники, а?

Прищурив ореховые глаза, магичка оглядела некроманта с головы до ног, задержала взгляд на добротных, но изрядно поношенных башмаках, и процедила сквозь зубы:

— Какие уж тут пряники.

— С поганками разве что. — Шадек бросил наземь последнюю котомку. Серый грифон с облегчением поднялся и потянулся, выставив лапы. — Эй, магистр, может, не стоит пока отпускать животных? Вдруг этот Голвер не справит нам лошадак, что тогда?

— Дефара сказала, справит, — помолчав, ответил магистр. — А если будем у каждого поворота осторожничать и щупать тропку пятками, так что получится? Что мы никуда не успеем, вот что!

— А может, этот орк в отъезде, — упрямыствовал Шадек. — А может, помер или всех лошадей распродал. Вот отчего искатели такие привередные, а? Если б эта поганка могла два образа в голове держать — и кузнеца, и драконского стража, так было бы поспокойней, попонятней!

— А вот бы маги еще и летать умели, так нам бы и грифоны не понадобились! — рассмеялся Дорал. — Или если б можно было открывать порталы куда угодно, без разрешения и на любые расстояния — вот жизнь пошла бы, да? Не жизнь, а пряник медовый!

— С поганками, — протянула Бивилка. Белый грифон за ее спиной мотнул головой и дернул крылом, словно хотел положить его магичке на плечо.

Шадек закатил глаза. Он, конечно, помнил, как в Школе магистры торочили: дескать, была бы магия такой сильной — мир бы давно уже разделился на два сорта людей: магов, которые всем заправляют, и остальных, которых ни про что ни спрашивают. И что было бы хорошего в таком мире? — спрашивали школьные магистры и обводили глазами учеников, ожидая прочесть на их лицах озарение и понимание. Но Шадек неизменно опускал голову: он считал, что такой мир был бы куда интересней нынешнего. Для него, для мага — уж точно.

Дорал вытащил из-за пазухи костяной свисток.

— Даже если с Голвером не сложится — грифоны на север не полетят,

а обратно поворачивать у нас права нет. Так что будем разбираться на месте.

Магистр подошел к серому грифону, постоял перед ним пару вдохов, потом неловко потрепал животное по плечу. Под длинными грудными перьями упреждающе заурчало.

Дорал высоко поднял костяной свисток, и желтые глаза обоих грифонов уставились на него недоверчиво и жадно. Магистр протянул руку, и серый грифон, по-кошачьи переступив передними лапами, медленно наклонил голову, потянулся клювом к свистку — нерешительно, ожидая сердитого окрика.

Кракс! Осколки прыснули во все стороны, и Дорал едва успел отдернуть пальцы. Грифоны взмыли в небо стремительно, почти без разбега — только мягко и мощно оттолкнулись от земли большие лапы, оставив небольшие комья вывороченной земли в жухлой траве.

— Даже не попрощались, — обиделась Бивилка. — Свиньи, а не грифоны. Мы ведь через столько прошли вместе!

— Интересно, — ядовито протянул Гасталла, — а если б какая-нибудь паскуда вскарабкалась на твою спину и вынудила нестись за сотни переходов? Да на север, в холодину, да без возможности отказаться! И еще если б эта паскуда тебя не кормила. Ты б стала ее любить и прощать? — Бивилка фыркнула и отвернулась, а некромант обратился к Доралу: — Магистр, ты уверен, что эта дура доведет нас куда надо, а? А то, похоже, это такая дура, которая может довести разве что до сердечного припадка. Или до большой беды, если ей сильно повезет!

— Прекрати хамить, — строго, как своему ученику, велел некроманту Дорал. — Мы все уже в одной связке, плохо нам от этого или хорошо. Если будем собачиться — лучше не станет, ясно?

Гасталла скорчил рожу, но спорить не стал. Магистр сердито хрустнул пальцами.

— И нет, я не уверен, что она сумеет привести нас к драконам. Но она — единственная, кто может хотя бы попытаться.

Некромант кивнул и отправился собирать сложенные в кучу котомки. Гасталла оставлял поле проигранного боя без досады и рычания: сталкиваясь с доводами, на которые у него не было хороших возражений, некромант просто пожимал плечами и принимался за другие дела. И Доралу это нравилось. Такую незлобивость магистр редко встречал даже у людей, куда более приятных и спокойных, чем Гасталла.

Шадек о чем-то тихо заговорил с некромантом, присев рядом и тоже перебирая поклажу. Бивилка возилась с вещами поодаль. Лоб ее прорезали

две угрюмые морщинки. Магистр вздохнул и тоже направился к груди сложенного на земле добра.

Вскоре четыре мага, обвешанные котомками, уже взбирались на холм.

* * *

— Но в наших сердцах не должно быть ненависти к чужакам, — напоминает брамай.

Он шагает вперевалку и трудно дышит, через шаг опирается на посох всем телом. Птичьи черепа на посохе сильно раскачиваются и стучат друг о друга, как будто мертвые птицы щелкают клювами.

Орки, идущие рядом с брамаем, одобрительно гудят. Они довольны, что им не нужно ненавидеть. Оркам трудно держать в своей груди сильные чувства. Даже с помощью котошовника, который они жгут в кострах и соком из которого натирают деревянные браслеты со знаками Воплотительниц.

Орки просто хотят следовать по Пути Серой Кости. А ненавидеть — не хотят.

Не все орки в Гижуке вспомнили о своем предназначении. Некоторые сопротивляются ему. Некоторые брамаи продолжают быть жрецами Божиниными. Целые селения еще поражены этим наносным чуждым мороком.

Они мешают настоящим орками идти по Пути Серой Кости.

— Помните, что вина лежит на всех чужаках. — Брамаю тяжело говорить на ходу, и он замедляет шаг. — На тех, кто исходит из нашего корня, кто забыл о своем назначении и не желает о нем вспоминать. И на тех, кто исходит из других корней: на гномах, людях, эльфах... живущих рядом с нашими потерянными братьями и смущающих их разум. Это они принесли в наш край чуждую веру и продолжают удерживать ее.

Сотни ног шагают по дороге, поднимая мелкую серую пыль. Сухая выдалась осень. Не иначе Воплотительницы подсобили.

Сегодня, в день осеннего излома, по дорогам Гижука зашагали тысячи орков. Они оставили свои селения и начали долгий путь к главному Жрищу Силы. Они очистили свои сердца и разум от наносного и навязанного. Они должны пешком дойти до Жрища Силы и по дороге вычистить все чуждое собственными руками — только тогда они станут достойными Пути и получают право молить Воплотительниц о прощении и снисхождении. Именно так научил их брамай.

Постукивают друг о друга деревяшки браслетов, пропитанных соком котошовника. Колкий воздух холодит красивые румяные лица, разрисованные золой, жиром и кровью. Тонко щелкают птичьи черепа на посохе брамая. Пахнет близостью зимы и великих свершений. Шагают по дороге сотни ног — мужских, женских, детских.

Поскрипывает телега, накрытая шкурами. Некоторые орки не захотели идти по Пути Серой Кости, и теперь их ноги едут в телеге отдельно от хозяев.

* * *

— И куда ты себя денешь, когда мы спасем мир?

Гасталла покосился на Дорала, спрашивая себя, не шутит ли этот спятивший, но тот, кажется, спрашивал всерьез.

Одолели подъем, идти стало легче. Несмотря на стылый звонкий воздух, тяжелую поклажу и ремни, которые давили на плечи, прогулка по лесистому холму получилась даже приятной. Уж точно получше, чем немеющий под седлом зад и ледяной ветер, наотмашь лупящий по морде.

— Вот спасем — тогда и подумаю, — сварливо ответил Гасталла, не придумав ничего лучше. — А не спасем — и думать не о чем.

— Эх ты, — почти весело укорил его Дорал. — А помечтать как же?

Гасталла фыркнул и уставился в затылок шагающей впереди Бивилки. Переменный ветер привычно холодил кожу и нес запахи: то мяса и дыма, то лесных грибов и прелых листьев.

— Сам-то уже намечтал, что ли? — спросил некромант. Было не понять, он просто не одобряет всякие мечтательства или завидует тем, кто умеет мечтать с такой непринужденностью.

— А то как же, — бодро согласился магистр. — Хочу Школу восстановить.

Гасталла едва не споткнулся, а Дорал серьезно продолжал:

— Теперь ведь некому заботиться о молодых магах, некому их обучать. Раньше я все думал, что это временная заминка, но теперь-то... последнего ректора, считай, больше нет, да и последней Школы тоже. Что теперь будут делать необученные маги в Ортае и в Меравии? Как поймут, кто они, каковы они, каким образом научатся управлять своими талантами? Никто им не поможет, кроме нас. Поэтому что? Поэтому Школу нужно восстановить, для начала хотя бы одну. Непременно.

— Не всем магам нужно обучение. — Гасталла сказал это просто так,

потому что ему хотелось возражать. — Многим обучение вовсе не нужно или даже вредно.

— Возможно, — спокойно согласился Дорал, — самоучек во все времена было вдосталь. — Но для многих магов возможность обучаться в Школе — вопрос жизни и смерти, без преувеличения. Сколько слабых магов не могут использовать дар без учебы, сколько сильных магов способны навредить себе и другим, если не обучать их контролю? А уклоны? Самоучка не может освоить уклоны, разве что самые простые, смежные.

Гасталла пожал плечами и уставился под ноги. На башмаках его были потеки и пятна давно засохшей грязи, и некроманта это рассердило.

— Школа нужна, — повторил Дорал, — и знаешь, что?

— М?..

— Похоже, заниматься ею будет некому, кроме меня. Меня и тех, кто... решит присоединиться. А работка предстоит та еще. И я думаю: а почему не ввести в школьный курс некромантский уклон? Что скажешь?

Гасталла не успел ответить: увлеченный разговором Дорал налетел на остановившегося Шадека. Подобравшись, будто перед прыжком, тот высматривал что-то наверху.

— Ты что?

Шадек еще несколько вздохов стоял, задрав голову, и наблюдал за полетом птиц над редкими соснами. Огромная стая то застывала вверху трепетливой тучей, то сходила вниз, как волна на берег, постепенно вытягиваясь в нитку и пропадая из виду.

— Не знаю, что. — Шадек обернулся, и магистр удивился, каким серобескровным было его лицо. — Я отчего-то подумал, что где-то здесь Кинфер погиб. Эти птицы... они словно беду предвещают.

Доралу и Бивилке показалось, что тихие слова Шадека прозвучали зловеще в холодном осеннем лесу. Они всколыхнули безветренный воздух, и тот, вздрогнув, выбросил их вверх — туда, где тревожным прибоем колыхалась птичья стая.

— Кто такой Кинфер? — спокойно спросил Гасталла, и неприятное ощущение тут же развеялось.

— Наш друг, — неожиданно ответила Бивилка. До сих пор она отвечала некроманту только тогда, когда он обращался к ней одной. — Мы учились в одной связке, а потом он стал школьным соглядатаем. Четыре года назад тут... раскопали какой-то древний орочий храм, и Кинфер должен был забрать из него магический артефакт.

Магичка опустила котомки на землю и сердито подула на пушистую

прядку, упавшую на лоб.

— Но вместо этого артефакт разнес всю раскопку вместе со Странниками, которые на нее наткнулись, — сухо закончил Дорал. — А Кинфера задрал мрыг неподалеку от раскопки. Видимо, спал в тамошних горах, а сотрясения земли его разбудили. Только это было не здесь.

«Мрыг. Ничего себе!» — подумал Гасталла и уточнил:

— Насколько не здесь?

— Очень сильно не здесь. — Дорал нетерпеливо поправил лямки на плече. — Переходов пятьсот к юго-западу. Пойдемте.

— Пойдемте, — согласился некромант и потянул носом, — жрать уже очень хочется.

* * *

— И мы знаем, кто будет сильнее других противиться тому, чтобы мы шли по своему Пути и выполняли назначение, — почти кричит брамай, и ворчание сотен глоток вторит ему.

На расчищенной земле в половине перехода от деревни дымят длинные костры с ветками котошовника. Над кострами крутится мясо на вертелах — кое-как нарубленные части козьих, овечьих и маленьких лошадиных туш. Орки смотрят на своего брамая, и лица их, покрытые цветными полосами, очень серьезны.

— Маги! — восклицает брамай.

— О-о-о! — негодуяще вторят орки.

— Эти гнусные порождения Божинины были созданы ею нарочно для того, чтобы расслаблять и замутнять наш разум. Называя себя опекаторами и защитниками всего сущего, они вмешиваются в дела Воплотительниц как никто другой. Носители омерзительных способностей, природа которых лежит вне нашего понимания, они обладают невероятными возможностями для вредительства. К счастью, среди орков почти не встречаются эти порождения Божинины, и силы их ничтожны благодаря заботе Воплотительниц. Но маги есть среди эльфов и людей. И от них мы должны очищать нашу землю с особым тщанием и рвением!

Кошачье ворчание сотен глоток вторит брамаю. Орки согласны, что маги — опаснее прочих, кто пытается чинить им препятствия на Пути Серой Кости.

— По-моему, они пережарили мясо. — С этими словами Шадек вывалился из лесочка в виду деревни. — Как ты относишься к пережаренному мясу, Гасталла?

— Утром я относился к нему плохо. — Некромант в два размашистых шага догнал Шадека. — Но тогда я хотел есть. А сей вздох я хочу жрать и согласен на мясо в любом виде. Надо было сделать привал, а не гнать зверей, как ошпаренных.

Бивилка не столько принюхивалась, сколько приглядывалась и прислушивалась, поэтому она насторожилась первой.

— Стойте.

Тон ее был таким, что все три мага замерли на полушаге. Магичка смотрела на дым, поднимающийся над высоким, чтоб лесному зверью не перебраться, сосновым забором.

— Тихо очень, — глухо сказала она.

До забора уже можно было добросить камень, но из деревни не доносилось ни звука. Не скрипел ворот колодца, не лаяли собаки, не хлопали двери. Не было слышно голосов людей и мычания-блеяния скота, ничего не стучало и не гремело. Только ветер играл сосновыми лапами в оставшемся позади лесочке.

— И печи не топлены.

Рваный темный дымок, уже почти рассеянный ветром. Он поднимается над одной точкой, где-то в глубине деревни. И больше ничего не говорит о том, что рядом есть живые существа.

— Сиди здесь. — Шадек выпутался из поклажи и перевесил бузуку за спину, котомки бросил на сухие лопушиные листья у тропы. Рядом упала поклажа, которую тащили Дорал и Гасталла.

— Нет уж, — заволновалась Бивилка, — я с вами!

— Нет, не с нами, — решительно возразил Шадек. — Там творится какая-то бдыщевая погань.

— А вдруг то, что ее натворило, еще бродит рядом? — Бивилка подняла на него серьезный взгляд ореховых глаз, и маг не нашелся с ответом, только рукой махнул, снова перевесил бузуку на грудь и поднял свои котомки.

Тропинка вывела к толстым, запертым изнутри воротам. После недолгого совещания решено было сломать их Разладом, и Шадек с Бивилкой тут же принялись его начаровывать. Заклинание получилось

мощным — взволнованные маги вложили в него слишком много энергии, потому вместе с воротами рухнула часть забора. Шадек и Бивилка сразу же подвесили на руки атакующие заклинания и криво улыбнулись друг другу, потому что сделали это одинаково: на правую руку — жгучую Сеть, на левую — молнийку.

Улица пуста. Она короткая и широченная, дома ороочи — большие, высокие, с двумя-тремя трубами. Затейные пышные наличники словно стремятся восполнить маленький размер слюдяных окошек. Во дворах никого нет, не видно даже сторожей-собак.

Деревня не спит и не заброшена. В деревне случилась беда. О ней кричат темные провалы распахнутых дверей и рассыпанная под ногами утварь — корзины, кувшины, горшки. Из одного перевернутого ведерка тянется кроваво-влажное месиво раздавленных ягод брусники, вливается в другие следы на земле — каплями, полосами, пятнами.

Запах горелого мяса становится сильнее. Четыре мага молча идут по следам из полос и пятен до конца короткой улицы и сворачивают вправо на развилке.

Двери конюшни тоже открыты настежь, и внутри нет маленьких мохноногих лошадок, которых сын кузнеца Голвера разводит нарочно для северных зим. На пороге конюшни лежат большие мохнатые собаки, истыканные то ли ножами, то ли копьями. Их пасти в крови, они сопротивлялись ожесточенно и отчаянно.

Четыре мага отходят от конюшни и, не проронив ни слова, идут по улице дальше, словно зачарованные. Над их головами качается огромная птичья стая: волной вверх, ниткой вниз.

Деревня для этих мест небольшая — двенадцать дворов. Двенадцать распахнутых дверей. Жителей — около сорока. Подсчитать невозможно, потому что нельзя стоять и смотреть на изуродованные обгорелые тела. Они лежат грудями во дворике божемольни. Одно семейство гномов и много-много орков — взрослых, ребяташек и подлетков. У орков отрублены стопы. Жрец прибит копьем к каменному опояску того, что осталось от божемольни. Ее деревянная часть обвалилась и уже почти перестала дымить.

Запах жареного мяса лезет в нос, липко трогает кожу, заполоняет все вокруг, обволакивает мир и Миры, а потом поднимается до самого порога Божини. В глазах рябит от розово-красно-черных тел с пригоревшими обрывками одежды.

Бивилка, часто сглатывая, отступает из дворика обратно на улицу, слепо шарит по сторонам руками, пока не наткнется на плетень, а потом

начинает бездумно двигаться вдоль него.

Шадека одолевает сухой кашель, он трет горло, задевает ремень бузуки. Она заунывно побренькивает.

Дорал, морщась и тихонько бормоча, обходит дворик. Между его ладонями висит клочок сизой мглы с подвижными синими щупальцами. Они пробуют воздух, как змеиные языки, словно пытаются что-то найти и не могут.

Гасталла шумно выдыхает, идет вслед за Бивилкой. Она ушла уже на два десятка шагов вдоль плетня и продолжает двигаться по кругу, обходя божемольнин дворик. Некромант кладет руку на плечо магички, и она останавливается, оборачивается, тупо смотрит на его большую ладонь с узловатыми длинными пальцами. Он что-то говорит вполголоса, и из глаз Бивилки понемногу уходит безуминка, она часто моргает и несколько раз кивает. К тому вздоху, как Шадек и Дорал выходят со двора, Бивилка начинает тихо всхлипывать, вцепившись в руку некрманта на своем плече. Шадек ворчит, разворачивает магичку к себе, и она утыкается ему в грудь. Бузука снова жалобно бренчит.

Гасталла кивает и, скупно бросив «Скоро вернусь», уходит по дороге в сторону конюшни. Шадек провожает его задумчивым взглядом.

— Надо же. С виду такой мрачный — а как воодушевленно смотрит в будущее.

Потом Шадеку казалось, что он долго-долго стоял там, среди невыносимых запахов горелого мяса и дерева, прижимал к себе Бивилку и тихонько покачивался вместе с ней, и шептал что-то глупое и успокаивающее, и гладил ее волосы, зарываясь пальцами в короткие пушистые прядки. И ему не мешала даже неловко зажатая между ними бузука, которая уже не брэнчала, а только негодуяще побряхтывала.

А потом перед глазами у Шадека замелькали мошки, голова закружилась, и все вокруг стало мутнеть и отдаляться. Через два-три вдоха все прекратилось, а за спиной длинно выругался Дорал, до того затейливо, что молодой маг едва удержался, чтобы не присвистнуть. Даже когда они увидели двор божемольни, магистр выразился сдержаннее. И тише.

Шадек осторожно обернулся, не выпуская Бивилку, и выругался тоже.

В каком-то дворе Гасталла раздобыл повозку. Просто замечательную повозку, легкую, крепкую, на четырех колесах, с пристежными полозьями и кожаным шатром на деревянном каркасе. В повозку цугом были запряжены четыре лохматые собаки, такие большие, что сбруя маленьких лошадок им пришлась почти впору.

Гасталла остановил повозку перед опешившими магами.

— Залезайте, живо!

— Ты спятил! — рывкнул Дорал. Его голос пронесся над мертвой деревней, и сверху ответили птицы.

Три мага смотрели на повозку, а на них тупыми глазами смотрели собаки. Четыре одеревенело-мглистые собаки-мертвяги с равнодушными мордами, по которым была размазана кровь. Из приоткрытых пастей свисали черно-синие языки, на боках зияли развороченные раны. Когти на мощных лапах были неудобно растопырены, словно собаки вообразили себя котами и хотели взобраться на дерево. У одного пса под брюхом болтались внутренности.

— Да что ты привередный такой? — возмутился некромант. — Вымою я их, только позже. Убираться отсюда надо, поехали, ну!

Шадек крепче обхватил за плечи Бивилку и подошел к повозке. Собаки стояли смиренно.

— Давай, давай, — приговаривал Гасталла, принимая поклажу. — Живность-мертвяга — она бестолочь, но смиренная. Домчат собачуры нас до Недры не хуже, чем те хваленые лошадки. Даже лучше, чем хваленые лошадки — мертвяг ведь кормить совсем не надо!

* * *

На звук несущейся повозки первым оборачивается брамай. Остальные орки еще вздох-два зачарованно смотрят в пламя костров. От вертелов пахнет почти готовым мясом.

Брамай глядит на повозку, которую тащат четыре мертвые собаки, и впервые в жизни не находит слов.

Сидящие в телеге люди — маги. Только порождения Божинины могли заставить мертвых восстать. А орки, идущие по Пути Серой Кости, хорошо знают, что нужно делать с магами. Божининых порождений в повозке не может быть много, а вот орков — много, несколько сотен, на придорожном пригорке от них должно в глазах рябить.

Но, глядя на повозку, запряженную мертвыми собаками, орки тоже не находят слов и не понимают, как нужно себя вести при встрече с таким могучим противником. На большеглазых лицах, разукрашенных бурными полосами, отражается сомнение. Орки смотрят на своего брамая, а брамай, недоуменно приоткрыв рот, провожает глазами повозку.

Когда собаки-мертвяги увозят жуткую телегу, брамай прочищает горло, оборачивается к остальным оркам и стучит по земле посохом.

Птичьи черепа качаются туда-сюда и звонко пощелкивают.

— Сей вздох мы узрели знак от Воплотительниц. Они молвят, что мы не напрасно ступили на Путь Серой Кости, что он угоден им. Кому еще, если не Воплотительницам, под силу прогнать таких могучих порождений Божининых? Но посмотрите: терзаемые страхом, они что есть силы убегают из нашего благословенного края по дороге, ведущей в Недру! И пусть они сгинут там в холоде, голоде и мучениях!

Орки удовлетворенно ворчат. Они счастливы, что Воплотительницы им благоволят. Они довольны, что не пришлось вступать в схватку с непонятным и грозным врагом. Они уверены, что враг непременно сгинет на снежных дорогах таинственного северного края.

Глава 7

Отражение дороги

В Преданиях сказано, что Божиня не посылает нам испытаний, которых мы не в силах преодолеть. Значит, если я не могу справиться с бедой — это не моя беда!

*Излюбленная отговорка ортайских
бездельников*

Сегодня в Мошукe казнили заговорщиков.

Давно уже в городе ворчали, что «раз ректор сбежал — так и гласник теперь не гласник», хотя о ненужности Оля всерьез пока мало кто трепался. Но теперь люди сделали и второй шаг, в той же последовательности заключив, что раз государь сбежал, так и наместник — не наместник, а не понять кто.

И это он, между прочим, пригревает магов, которые кругом виноваты. И это он переезжих принимал, из-за чего теперь еды на всех не хватает. И плохо списывается с другими городами, раз помощи никто не шлет, и с эльфами договориться не может, да еще зерно изводит на дурацкий птичник! Да, может, и лозоплетение захирело не просто так, а от Террибаровой бестолковости и нерасторопности!

А что именно Террибар когда-то спас город от вековой вражды и загнивания, что именно он возродил в Мошукe лозоплетение — про это забыли с обескураживающей естественностью.

Получив от верных людей уведомление про такие речи, которые велись еще не во всеуслышание, но уже и не шепотком, стражники повязали пятерых главных смутьянов и доставили их в вязницу. А Хон и Террибар решили, долго не размышляя: с вязнями нужно поступить по всей строгости, чтоб другим неповадно было.

Народу на площади собралась тьма — чуть не весь город, включая древних стариков, опиравшихся на провожатаев, да малых детей на руках у мамок. А как пропустить такое — не каждый день рубят головы пятерым твоим вчерашним соседям — уже сколько лет такого не бывало!

— Свезло вам, свезло, поганцам! — повторял лысый бородатый орк,

которого повели к плахе первым. — Мы бы в городе живо порядок навели!

— Да это ж Хорь-побирун! — весело выкрикнул кто-то из толпы. — Какой те в городе порядок наводить, ты в дому-то в своем порядка навести не можешь!

— И в штанах своих тоже! — сипло добавила дебелая орчиха, наблюдавшая за действием с усмешкой, подбоченясь.

В толпе захохотали.

Тяжелый топор медленно поднялся и сразу же, будто передумав, пошел вниз. Хрясь! — и лысая голова покатила по наклонному помосту, по желобу, глухо стукнула снизу о доски. Раз! Привалило сегодня радости помощнику палача — пятеро приговоренных, из которых четверо — не старые и здоровьем не обиженные, одних только зубов на обереги с них можно надергать ого-го сколько!

Хон стоял прямо перед помостом, рядом с четырьмя стражниками. Наместник присутствовать на казни отказался, заявив, что ничего любопытного там не увидит.

Повели следующего, пузатого краснощекого старика. Он шел, трудно переставляя ноги, словно тело забыло, как это делается. Глаза его, мутные и слезящиеся, бездумно перебегали по возбужденным лицам в толпе, от одного к другому, пока не остановились на старшине стражи. Старик запнулся, дернул плечом, за которое держал его стражник, вдохнул с клокотанием, едва не поперхнувшись, и визгливо заорал Хону:

— Я ж тебя на руках качал, сволота ты поганая!

Старшина стражи стоял, сложив на груди руки. Лицо его было невозмутимым, словно он и не слышал ничего. Зато в толпе позади него слышали все очень хорошо, и заворчали, зароптали. Хон обернулся, потянул руку к мечу на поясе, и люди тут же смолкли, опустили головы.

Хрясь! — клюнул топор во второй раз. Загупала по сухим доскам голова.

Люди в толпе снова зашептались. Слов было не разобрать.

Третий преступник, человек в жутко грязной нарядной одежде, неумолчно бормотал, прося у Божини заступничества, и дико оглядывался вокруг. Вновь развеселившиеся люди отпускали едкие шуточки про его наряд и неверную поступь.

— Божиня, сохрани, Божиня, сохрани, Божиня, сохрани, — как заговоренный, твердил мужчина, стреляя горячным взглядом по сторонам.

В толпе глухо взвыла женщина, вслед за ней зашелся воплем ребенок.

Хрясь!

Руки у приговоренных были связаны за спиной, ноги — между собою, на длину веревки в полшага. Но четвертый приговоренный, стриженный «под эллордца» худой эльф, вырывался так отчаянно и кричал такое плохое, что пришлось его приложить по затылку и дотащить до плахи в бессознательности.

— Не по-человечески это — беспамятным головы рубить, — осудили басом из толпы.

— Так ведь он и не человек! — тут же отшутились несколько голосов.

Вокруг снова расхохотались и принялись перебрасываться колкостями под стук катящейся по помосту головы. Среди гогота старшина стражи расслышал несколько слов на исконно-эльфском — злобное «Йель'ва хонна».

Последним вышел гном — сам вышел, на полшага впереди стражников, и с таким видом, словно делал собравшимся огромное одолжение. Он, единственный из приговоренных, молчал, только презрительно кривил толстые губы.

Из толпы позади Хона вывернулся Эдфур — почитаемый среди мошукских старожиллов гном. В прежние времена, когда половина города непрестанно резалась с другой половиной города, этот гном был славен невероятной удачливостью, редкостно буйным нравом и очень остро заточенным топором.

По угрюмому выражению лица Эдфура Хон заподозрил, что гном на плахе — его приятель. Или ближайший родственник — кто-нибудь вроде внучатого племянника соседа по деревне свата Эдфуровой троюродной тетки.

Но на помост гном не смотрел, а смотрел на Хона. И не сердито, а просто насупленно.

— Ну? — непонятно спросил он и сложил на груди мощные короткопалые руки. — И чего ты скажешь про все это бдыщево дерьмо?

Старшина стражи сплюнул себе под ноги. Демонова мать поймет этих гномов!

— Следующим балаболкам всунем в пасти кляпы, когда поведем их на плаху, — отрезал он.

Испятнанный топор, тускло блеснув на солнце, поднялся в пятый раз.

* * *

— Оль! — Худенькая молодая женщина замерла на пороге дома,

удивленная.

Маг вперевалку поднялся по трем деревянными ступеням, остановился на крыльце, глядя на Умму с добродушной усмешкой. Она была такой забавной, когда ей случалось растеряться, — прям как дите малое, право слово.

— Ну что Оль, Оль, — проворчал он, продолжая улыбаться, — в дом-то позовешь? Нальешь компотику из еловых шишек, перескажешь новости?

— В баньке попарю и в печь посажу. — Она обрадованно рассмеялась, шагнула к магу, шутливо взъерошила его волосы, выгоревшие за лето и жесткие, как сухие пшеничные стебли.

Оль тоже рассмеялся, подхватил подругу на руки, обнял крепко-крепко, с удовольствием вдохнул запах трав, которым пропитались ее волосы и платье — крашеное, светло-голубое, не по-домашнему гладкое и ладное.

Как будто Умма ждала кого-то, кто не должен был понять, что его ждут.

Выпустив подругу, Оль внимательно оглядел ее смущенное личико и понял, что не ошибся. И в который раз мимовольно удивился, каким же молоденьким остается это лицо — ни морщинки, ни складочки, кожа аж сияет и румянец — во всю щеку. Чего тут делают с женщинами, в этом Эллоре? Вот даже матушка Оля, пожив в эльфийском пределе полмесяца, посвежела и вроде как помолодела. А та одинокая эльфийка, с которой мать поселили, — та по виду годится ей пусть не в дочери, но в племянницы наверняка, хотя лет эльфийке почти столько же.

— В баньку уже некогда, — маг кивнул на верхушки деревьев, на которых трепетали бледные закатные отсветы, — уже костры складывают. Я подумал — чего нам поодиночке туда плюхать? Зайду вот к вам, компотику хлебну, полюбуюсь на тебя, красу писаную. А там вместе и пойдем. Пойдем же?

— Конечно, пойдем! — Девушка посторонилась, пропуская гостя.

Домик, в котором жили Умма и ее племянник Аррин, был одноэтажным, маленьким, устроенным по эльфийскому обычаю не из бревен, а из внешних частей стволов от гигантских деревьев, переложенных смесью мха и какой-то местной смолы. Дома получались уютными, душистыми и очень теплыми. Хотя какая тут зима в Эллоре, смех один, ортайская осень бывает холодней.

Сеней поэтому нет, сразу за дверью — небольшая кухонька, от нее по три стороны расходятся полукруглые комнаты. Снаружи эльфийские дома

похожи на поросшие мхом огромные пни, только с окошками и земляными крышами, из которых смешно торчат печные трубы.

Мебель внутри — деревянная, плетеная, частью — из того же Мошука: прежде городские мастера продавали в Эллор изрядное количество плетеных ларей, сундуков, шкатулок, стульев, колыбелек. В последнее время эльфы общались с Мошуком редко.

Умма налила сливового компота, подвинула к Олю плетенку с лепешками, горшочек с жидким липовым медом, глиняную миску с поздними яблоками — сочными, красно-зелеными.

— А где Аррин? — спросил гласник, хотя понятно было, что племянник Уммы не дома. Носится где-нибудь с друзьями, верно. Или гостит у родителей Кинфера в соседнем поселке. После того как старики потеряли сына, они еще сильнее привязались к спасенному им мальчишке.

Поняв, что остался с подругой наедине, Оль немного смутился. Когда-то давно, еще в первый школьный год, он, помнится, глядел на Умму с вовсе не дружеской заинтересованностью, хотя она этого не замечала. Впоследствии Оль как будто выбросил из головы то полудетское увлечение, но после смерти Кинфера временами думалось: а вот если бы тогда...

Впрочем, теперешние их отношения с Уммой были такими доверительными, теплыми, почти родственными, что вздумай сама магичка преподнести Олю подобный подарочек — он бы, пожалуй, шарахнулся до самого Мошука, причем шарахнулся бы совершенно искренне.

А все-таки непрошенные мыслишки нет-нет да и мелькали.

— Аррин умчался в соседнее селение, — Умма говорила ровным тоном, но близкому человеку становилось ясно, что она недовольна, — сказал, что ему слышится голос встревоженных деревьев оттуда и что он должен встретиться с тамошней Старшей.

— Голос деревьев, — крикнул Оль и окунул лепешку в мед.

— Ты же знаешь, ему все время слышится разное. И Старшие не считают это блажью! Эльфы Аррина слушают, очень слушают, временами нарочно посылают за ним из других деревень, чтоб он приехал и поговорил... с чем-нибудь.

Оль исподлобья бросил взгляд на маленький писчий столик, на котором стояли громадные часы. Внутри у них был не песок, а серая зола.

Проследив его взгляд, Умма грустно спросила:

— Я раздражаю вас своими причудами, да? Всех вас: и тебя, и Шадека, и...

— Нет, не раздражаешь. Удивляешь только... Сильно. Вот, к примеру, когда ты упихала прах нашего друга в песочные часы — мы очень

удивились, прям в один голос, хоть и разными словами.

— Но Аррин же слышал его!

Оль сделал вид, что его внимание поглощено лепешкой. Конечно, одно дело — просто верить в существование демонов, и совсем другое дело — выслушивать блажь семилетнего ребенка: дескать, вашего друга убил именно что демон, а прах ребенку про все это поведал. Если бы Оль услышал что-нибудь подобное в своем городе — тут же определил говорящего в опасные безумцы и велел страже послезживать за этим человеком, будь он хоть дитем семилетним, хоть давней подругой.

Однако после того случая, четыре года назад, никаких опасных странностей за Уммой больше не замечалось, а то, что Аррин слышал жучков, солнечный свет и всякое прочее неслышимое — так иди его пойми, что там может сильный маг, которого воспитывают элорцы. И который, между прочим, еще в прошлом году, в день своего десятилетия, должен был отправиться в Школу, в доучебные детские жилища.

Только к тому времени не брала больше Школа учеников. А теперь и вовсе... Одной Божине ведомо, какая судьба ожидает необученных магов! Особенно сильных, вроде Аррина, которые без руководства мудрых наставников могут наладиться применять свой дар не пойми как. И особенно слабых, самых незащищенных, которые без школьной учебы не могут почти ничего.

— Хорошо, что ты пришел, — сказала Умма и тут же с обидой добавила: — Бивочка даже не заглянула ко мне, когда была здесь в последний раз.

— Она говорит, ты сильно изменилась, — неохотно ответил Оль и отодвинул чашку.

— Наверное. А она не изменилась? Ты ее узнаешь вообще?

— Почти то же самое она о тебе спрашивает. Ей вот не по нраву, что ты взяла да закрылась в Эллоре. И дружба с Тахаром твоя тоже ей не по нраву, хотя я в толк не возьму, отчего.

— Ты скажи, Оль, разве в прежние времена она бы осудила меня за это? Или за что бы то ни было другое? Прежде она все понимала, теперь же только осуждает впопыхах. Теперь она рубит сплеча и не дослушивает до конца даже тех, кому нужна ее помощь. Она стала очень нетерпимой. И в то же время — очень... действенной.

Умма провела руками по лицу.

— Не будем о плохом. Не хочу. Пойдем на посиделки, да? — Она слабо улыбнулась.

Оль кивнул и поднялся из-за стола.

— Никогда бы не подумала, что тебя интересуют эльфийские обычаи, — продолжала Умма по дороге, — я имею в виду — вот такие обычаи, как эти осенние посиделки у костра вместе с предками.

Они шли мимо домиков-пней, законопаченных мхом, мимо ухоженных садов, где еще висели на ветках яблоки и сливы. По пыльной дороге носились дети — совсем крошечные: элморские эльфы были мельче своих оседлых собратьев. В закатном свете эльфийская деревенька выглядела сказочной, колдовской, и голоса звучали иначе, звонко и волнительно, и воздух был необычным, сладким и тревожным. Словно десять лет назад, когда казалось, что впереди ожидает что-то особенное и удивительное, и даже в клубах дорожной пыли виделись знаки грядущих свершений.

Теперь эта закатная сказочность навевала легкую грусть.

— Не то чтобы эльфские обычаи мне так уж интересны, — Оль поскреб затылок, — просто заняться нечем больше. Ты, я вижу, собралась — отчего компанию не составить? Матушку я проведал, она уже успокоилась совсем, только за меня тревожится. У матушки сегодня и заночую, но коротать с тетками весь вечер мне что-то не хочется. У меня ж тут и кроме них знакомцы есть, и они нынче на костряные посиделки наладились!

— Не могу пропустить костряные посиделки, — пробормотала магичка, — ведь я очень красиво выгляжу в свете костра или луны, как любая старая развалина.

Оль прыснул. Щеки Уммы чуть порозовели, и она быстро, словно чтобы не передумать, спросила:

— Ты с Тахаром приехал, да?

Маг прищурился.

— Вообще-то Тахар не один ездит, а с друзьями. Про них не спрашиваешь?

Сказал это — и тут же укорил себя за неуместную язвительность, вызванную не словами Уммы, а собственной неловкостью.

С того утра, когда взъерошенный Оль понесся в материну деревню на пожарище, Тахар, Элай и Алера сопровождали его неотступно. Бывало, еще Ыч увязывался «помогащая», как в то промозглое утро, когда Оль отыскал у соседки-молочницы беззвучно рыдающую мать с безумным взглядом. Это было паскудное утро: горький запах сгоревшего дома, чужая сухость материных пальцев, испуганная суетливость соседки... и тяжесть ненавидящих взглядов односельчан. Ненавидящих его, Оля, за то, что он — маг. Ненавидящих его мать за то, что ее сын — маг.

На самом деле Оль не знал, как бы он справился в то утро, если бы по

счастливой случайности за ним не увязались трое друзей и тролль. Не хотелось думать, каких дел он мог натворить в деревне, если б Тахар и Элай не подпирали его плечами с двух сторон. И не хотелось признавать, что односельчане, вот те самые с детства знакомые односельчане могли бы не выпустить их с матерью за околицу, если бы не тяжелый взгляд тролля и не увесистая дубина в его мощных лапах.

Магу потом несколько дней казалось, будто все вокруг пропитано запахом его сгоревшего дома.

Оль понимал, что произошедшее в деревне придет и в Мошук в том или ином виде, и не знал, что ему делать. Похоже, трое друзей тоже сознавали это, потому что старались не оставлять магов одних надолго — во всяком случае, по ночам и в пути. Вот и теперь, отправившись в Эллор вместе с Олем, поручили Ычу присматривать за Кальеном, хотя лекарь и ворчал, что не нужна ему нянька.

Было досадно ощущать себя обязанным этой троице, к которой Оль относился без всякой теплоты. И еще неприятней было то, что для малознакомых людей его беды и его безопасность оказались важнее, чем для старых знакомцев, которых Оль привык считать друзьями.

Теперь с ними и видеться-то не хотелось. Сталкиваясь с наместником в ратуше, гласник сухо кивал и проскакивал мимо. Хон избегал его сам — Оль хотел думать, что из-за неловкости, а не по неприязни. И Хоновым стражникам доверять не хотелось после того, как на магов повесили вину их старшины.

Трое друзей, настырными тенями сопровождая гласника в поездках за город, открыто говорили: нет стражникам веры при нынешней смуте. Как бы не отошли они в сторонку, если доведется на тракте повстречать разбойников. Как бы не завели тебя в лапы к маголовам. Кто знает.

Оль не мог согласиться с этим вслух, но и возразить не мог тоже. Он не понимал, кому и чему еще можно верить. Вот и получалось, что Оль и эта троица в последние полмесяца стали словно веревкой связаны, хотя их отношения нельзя было назвать дружескими — они даже почти не разговаривали.

Но какой у него был выбор? Бивилка и Шадек уехали, Умма сидит в Эллоре, Кинфер... Оль никак не мог отвыкнуть думать о нем как о живом. После Школы они виделись не так уж часто, и гласнику теперь казалось, что Кинфер просто в отъезде. В долгом отъезде.

Отношение Оля к Тахару в последнее время немного потеплело, но его друзей гласник по-прежнему выносил с большим трудом. Заносчивый эльф раздражал его невыразимо, даже когда молчал. Алера же пугала Оля своим

безжалостным всепонимающим взглядом, и гласник старался лишний раз даже не смотреть в ее сторону. Он не понимал, почему эти трое таскаются за ним.

Оль, откровенно говоря, нуждался в них. Они в нем — нисколько. И никто из этой троицы не походил на заботливую наседку, воспылавшую любовью к ближнему своему. Но все-таки они сопровождали его невозмутимыми неотлучными тенями. И в новом свихнувшемся мире Оль больше всего доверял этим троим друзьям, да еще пришлому магу из Меравии, да еще троллю из пизлыкской чащи.

Ну как тут не прийти в душевное смятение?

Они уже подходили к длинному костру, сложенному на большой поляне, когда Умма, словно забыв о своем решении не вести грустных разговоров, сказала:

— Ты ведь спас Бивочку, когда уговорил ехать гласницей в Мошук. Спас ее от нее. Но погубил для нас — погубил как нашу подругу, как самую младшую в нашей связке. Ведь мы стремились опекать ее, даже после Школы. Относились к ней так трепетно и чуть-чуть снисходительно. Мы так переживали, когда наша милая зайка ходила, свесив ушки, так старались помочь ей воспрянуть духом... А потом милая воспрявшая зайка взяла да перелиняла в куницу. Попробуй теперь, потрепай ее по ушкам.

— Ты вот так говоришь, словно все это зря было. Нужно было не любить, не жалеть, не помогать?

Эльфы и эльфийки от костров радостно махали Умме, и Оль понял, что сей вздох они подключат подругу к участию в подготовительных делах.

— Конечно, не зря. — Умма махала эльфам в ответ и улыбалась, но глаза ее были грустными. — Мы помогли ей вернуться на ту дорогу, которую она для себя избрала. Никто не говорил, что путь будет легким, но никто и не предупредил, что на нем можно терять друзей. Мне горько, что это оказался именно такой путь. Мне не хватает ее.

* * *

В прежние времена Оль считал, что относится к жизни достаточно легко. Не настолько, конечно, чтобы можно было спутать его с упитанной белобрысой бабочкой, но все же.

Однако в первый же приезд в Эллор он понял, что прежде попросту ничего не знал о беззаботности. Вот эльфы — дело другое!

И когда же они успевают справляться с делами — а дел-то у них

должно быть ого сколько?! Никто никуда не спешит и даже не знает, что можно торопиться, все только и делают, что наслаждаются жизнью и обществом друг друга. По утрам эльфы собираются во дворах, заваривают в огромных котлах ягоды или мятные листья и подолгу распивают отвары, болтая и смеясь. По вечерам — опять отвары или вот костры с разными вкусами. По осени поглубже в лес уходят, чтобы предков порадовать — в преддверии зимы те напитываются от костров теплом, чтобы бойчее быть в холода.

И все такие спокойно-добродушные и беззаботные, так легко переходят от одной группки к другой, завязывают беседы, перебрасываются шутками, и никто не спорит, не вопит и не хмурится.

Ну, почти никогда.

Скажем, если поблизости не случается Алеры! Пока она молчит — это еще ничего, хотя она и умеет показывать свое мнение одним лишь выражением лица, и получается у нее почти так же хорошо, как у Элая. Сразу видно — друзья детства! А если она еще и отпускает свои едкие замечания — улыбки эльфов вянут, как срезанные златочки.

Впрочем, в Эллоре Алера по большей части молчит.

Наверное, ей трудно дается пребывание в краю исконцев, где все такие неспешные и прянично-милые. И эльфам, наверное, тоже нелегко выносить ее, такую... не милую. Если эльфов (или скорее — звонких смешливых эльфиек) Оль сравнил с пряниками, то Алера скорее походила на одну из гномских приправ — жгучий перец, который можно добавлять в котел крохотными кусочками, но храни тебя Божиня угрызть его в чистом виде.

Сегодня Алера не смолчала — Оль, сидевший по другую сторону костра, да еще и во втором ряду, не услышал, что именно она сказала, но увидел, как вспыхнули щеки молоденькой темноволосой эльфийки. Оль видел ее раньше — не то швея, не то плетельщица, бойкая, веселая и глуповатая. Ее ответа гласник не услышал, но по тому как ухмыльнулась Алера и как лениво что-то процедила сквозь зубы, Оль понял, что поле спора осталось не за эльфийкой. Та, впрочем, лишь вздохнула и махнула рукой.

— Почему вы позволяете ей так вести себя? — спросил Оль у Имэль, которая сидела между ним и костром. Вопрос был, быть может, нагловатым, чему способствовало выпитое у костра вино. Впрочем, Оль и без вина чувствовал себя в Эллоре как дома.

Эльфийская Старшая помедлила с ответом, глядя почему-то на Элая, который сидел рядом с Алерой. Тот почувствовал ее взгляд, но головы не повернул, только пожал плечами.

— Это из-за Элая им такая свобода действий? — допытывался Оль. — Так даже местные эльфы ведут себя скромнее. Он кто такой, этот Элай, ваш потерянный внук?

А вот Алера, хотя и не могла слышать тихий голос Оля, уставилась на него через ярко плещущее пламя костра. И магу показалось, что ее черные глаза безжалостно вгрызлись в его мысли, потащили наружу из глубин памяти все, что он считал надежно там упрятанным.

— Мы в Эллоре считаем, что не нашего ума дело — судить людей, которые пережили больше того, что мы в силах понять и осмыслить, — ответила наконец Имэль. По многолетней привычке она говорила немного сложнее и громче необходимого, и сидевшие поблизости эльфы сразу уставились на нее и на гласника. Оль тут же пожалел, что задал вопрос — всехнего внимания ему и так вполне хватало. — Одному человеку довелось умереть, а двум другим — пережить его смерть и возвращение к жизни. Это находится за пределами нашего опыта или опыта наших предков, мы не можем судить о желаниях и поступках таких людей в привычных нам представлениях, потому проявляем терпение и сдержанность в суждениях.

— Как это — умереть? — не понял Оль. — Они ж все трое ходят своими ногами, а вовсе не лежат на погосте тихонечко. И на мертвягу никто из них не походит, ну разве только Элай временами.

Имэль обернулась к Алере, приподняла бровь. Та откинула волосы на спину, придвинулась поближе к костру и быстро распустила шнуровку рубашки у горла, потянула ткань вниз и пошире развела ворот, оставив едва прикрытой грудь. Тахар, сидевший за спиной Алеры, поднялся, дернул ее за ухо и принялся пробираться куда-то. Элай, криво улыбаясь, разглядывал вытянувшееся лицо Оля.

Здоровенный белый шрам под ребрами мог оставить только меч, проткнувший тело насквозь. Единственное, что возможно сделать после такого удара, — очень быстро умереть, пуская кровавые пузыри изо рта.

Оль подумал, что меч держал человек, которого таки допекла язвительность Алеры и ее длинный язык.

Имэль оглядела лица сидящих у костра.

— Тахар спас ее. В последние вздохи создал портал и прошел через него с Алерой на руках.

— Значит, она все-таки не умерла, — упрямо уточнил Оль.

Тахар подошел, без спроса уселся рядом — прямо на то место, где раньше сидела Умма. словно хищник, уставший гоняться за добычей и занявший наблюдательный пост у ее норы.

— Для нас двоих — все равно что умерла, — сказал он негромко,

чеканя слова, и голос его звучал сердито. — Мы были рядом... по брови в ее крови. Мы успели понять, что она умирает, а мы ничего не можем сделать, совсем ничего, понимаешь? Мы чуть не рехнулись там...

— И не в наших силах понять, как меняют людей подобные события, какие связи возникают между ними впоследствии, — закончила Имэль. — Потому, да, мы на многое в их поведении смотрим, как можно подумать, сквозь пальцы.

— Ну тогда они вам тут устроят, пожалуй, — пробормотал Оль.

— Тот случай... Он произошел давно, — строго добавила эльфийка. — Несколько лет назад. Как видишь, ничего они нам не «устроили».

— Терпеть не могу эту присказку, — вдруг громко заявила Алера. — Рассказывают о чем-то плохом и говорят: «Это было давно», словно уменьшая тем самым плохость. Раз прошло много времени — значит все отболело, принялось, как-то утряслось, и уже можно слушать историю как бы понарошку, не всерьез.

— И что в этом скверного? — спросила незнакомая Олю эльфийка, совсем юная, остролицая, очень тоненькая.

— Тем, как принимаешь происходящее. Словно понарошку. — Алера сердито ткнула пальцем в чашу, и Оль не сразу понял, что она имеет в виду внешний мир, лежащий за Эллором. — Когда тебе рассказывают о плохом, если оно случилось недавно, — ты немного разделяешь боль людей, которым плохо. Ты понимаешь, что им плохо сегодня, прямо в тот вздох, когда тебе рассказывают их историю. И тогда ощущаешь себя немного в ответе за то, что эти жуткие события вообще смогли случиться. И ночью не спишь спокойно, потому что ты знаешь: где-то рядом случилось плохое, кто-то горюет из-за этого, прямо теперь горюет!

Эльфийка потупилась, а Алера говорила, быстро, словно боялась, что слова закончатся раньше, чем мысли:

— Но мы не любим горевать, мы не хотим трудных мыслей ночами. Не хотим быть в ответе за чужую подлость, за чужое горе. Нам легче прикрываться всякими словами, которые скрадывают плохость. «Это было давно» — вот и весь сказ, все уже отплакалось, остыло, принялось. Или вот еще: «То ли правда, то ли нет». Когда слышишь такое, то дальше может быть какой угодно ужас. За него душа не очень сильно будет болеть, ведь ты всегда можешь решить для себя, что нет, это все-таки неправда. И можно спать по ночам спокойно.

Оль как открыл рот в самом начале этой тирады, так с отвисшей челюстью и сидел. До сего вздоха он и не предполагал, что у Алеры есть душа, которая к тому же умеет болеть.

— Я не относительно к себе, — буркнула та, заметив взгляд гласника и неправильно его истолковав, — я в целом. За меня не беспокойтесь.

Стемнело, и от мохнатых стволов отделились полупрозрачные тени: предки подходили к костру. Олю уже несколько раз доводилось их видеть, и всегда гласнику было не по себе. Словно призраки какие, честное слово — зеленоватые, как деревья, из которых вылезают, да и носы задирают выше некуда — под ноги-то им смотреть не надо.

Пока ему не довелось попасть в Эллор, Оль думал, что эльфы верят в предков так, как верят жители Идориса в Божиню. Оказалось, нет — предки для здешних эльфов были чем-то вроде призорцев, которых, в отличие от Божини, можно и увидеть, и поговорить с ними, и попросить о помощи, тут же получив ответ — как лешего или хатника, только помогали предки охотней призорцев и умели больше. Выходило, что в Божиню эллорцы не верили просто потому, что было незачем. Зато в нее верили ортайские эльфы, почитая предков постольку поскольку — за пределы Эллора их власть не распространялась.

Оль обернулся к Тахару просто для того, чтобы не видеть этих призрачно-зеленых эльфов, и тут же понял, что еще было удивительного в рассказе Имэль.

— Странные дела получаются, — сказал он. — Я уж не понимаю: хоть чего-нибудь бывает таким, как мы привыкли о нем думать? Вот в Школе нам твердили, что большая часть магов исходит от земного начала, а на деле выходит так: плюешь в пустоту — попадаешь в мага воздуха. Нам говорили, что самоучкам недостает сил открывать порталы, а на деле, опять же, куда ни плюнь — попадаешь в самоучку, что творит эти порталы как заведенный...

— В твои годы, — улыбнулся Тахар, — пора уже перестать верить в непогрешимость школьного учения. Хотя про порталы они правы: у меня на них сил не хватает. Один раз только сумел, тогда...

Он кивнул на Алеру.

— Попользовал, значит, жизненную силу помирающего друга, — отметил Оль.

Тахар пожал плечами:

— А что, ты умеешь сам решать, какую энергию применять, а какую — и не принимать? Хоть ты обученный маг, хоть не обученный — все мы как котелки, в которые что-то падает. Котел не выбирает, что будет варить — сливу или кусок мяса.

Оль скривился и не ответил.

— А про то, что вам в Школе в головы напихивают, и говорить нечего,

— продолжал Тахар, — маговское назначение, любимые дети Божинины, единая надежда мира. Использование дара во благо. Пожизненный долг перед магическим сообществом, который за чрезмерной зыбкостью и непонятностью легко заменить на пожизненный долг перед Школой и ректором.

— Откуда ты все это знаешь? — сердито перебил Оль. — Ты ж в Школе не учился! Или учился?

— Я — нет, — отрезал Тахар и переключил внимание на ветку с неизвестными Оль поджаренными фруктами, которую вручила ему проходившая мимо эльфийка.

Фрукты были похожи на маленькие яблоки, а запах от них шел хлебный. Тахар долго дул на ветку, затем осмотрел фрукты с таким видом, словно ничего не было важнее в мире и Мирах.

Оль ожидал продолжения. Понимая, что под этим выжидательным взглядом кусок в горло не полезет, Тахар неохотно объяснил:

— Мои родители были поселковыми гласниками. Я знаю, чему и как учат в Школе, и почему не хочу такого для себя — знаю тоже. Вы оттуда выходите болванами, надутыми и цены себе не слагающими. Все думаете, будто вы какие-то особенные и будто сама Божиня наделила вас очень важной ролью в этом мире...

— А разве ж не так? — искренне удивился Оль. — Обученный маг — ого сколько всего может! Как же не быть особому назначению для того, кто имеет особую мощь?

Тахар закатил глаза и принялся обгрызать зажаренный фрукт. Наверняка подобные разговоры ему надоели еще в детстве, наверняка ему много раз доводилось пререкаться о том же самом с родителями. Интересно, почему он сказал, что те «были» гласниками? Куда они делись-то? Самому Тахару чуть больше двадцати, и даже если он — очень поздний ребенок, то его родители должны еще быть не слишком-то и старыми.

Спрашивать Оль постеснялся.

Уловив взглядом движение, маг обернулся. По другой бок от него уселась Алера, скрестила ноги и оперлась локтями на колени, подавшись вперед. Шнуровку на рубашке она стянула не полностью, Оль мимовольно скользнул взглядом в вырез и заодно подумал про кошмарный шрам под ребрами.

Алера смотрела насмешливо и задумчиво. Странное дело — обычно в свете костра многое кажется таинственным и колдовским, но Алера сей вздох выглядела безобидной и невинной. Совершенно обычной. Даже черные глаза уже не казались всевидящими и жуткими.

Только теперь, впервые не ощущая идущей от Алеры неясной угрозы и отчего-то враз перестав ожидать подвоха, Оль вдруг понял, что она красивая, и удивился, как он раньше этого не замечал. И очень остро осознал: сей вздох подле него сидит очень красивая девушка, почти касается его коленом, и он чувствует исходящее от нее тепло, а она смотрит на него в упор, и впервые он видит в ее глазах только любопытство — и ничего сверхчеловеческого.

Тут же Оль подумал, что предпочел бы ее прежний взгляд, пронизательный и мешающий мысли — он пугал, но не смущал. А по-настоящему, до красных щек смущаться Олю не приходилось так давно, что он совсем от этого отвык.

— А с чего ты взял, что маги обладают особенной мощью? — спросила Алера негромко.

Гласник от смущения не сразу понял смысл ее слов, но она и не ждала ответа. Склонила голову, оглядела его.

— Вот с чего ты взял, что ты сильнее меня, к примеру?

Оль прочистил горло. С удачным складыванием слов у него всегда было туго, а тут сложить нужно было много чего. Начать хотя бы с того, что он никогда не уверял, будто он сильнее кого-то определенного. Хотя, ежели подумать, то назвать себя слабее этой девушки Оль не мог бы даже из большой вежливости.

— У меня есть клинки, — продолжала она, — их можно поставить против магии? По-моему, да. Ты не всегда умел применять магию, а я не всегда умела пользоваться клинками. Ты можешь применять магию в пользу или во вред — я тоже: могу мечом убить магона, а могу и отрезать кусок ковриги для голодной бабушки. Если бы нам довелось убивать друг друга, так на что бы ты поставил: на меч или магию?

— Магические атаки многообразней, — только и сказал гласник, отчаявшись состряпать гладкие фразы из обрывков собственных мыслей.

— Ну да. — Алера вытянула ноги, и Оль снова покосился. — А ты успеешь применить свое многообразие, пока меч движется к твоему горлу?

Гласник помолчал. Она не торопила.

— Так ведь дело не в том, кто кого пристукнет половчее, — сказал он наконец, — человек должен быть силен делами, пользой своей. А прибить из-за угла кого угодно можно. Ты с ерунды какой-то заходишь, ни при чем тут меч и магия. Важно, что в голове у человека, как он жизнь свою живет, а магия — только оружие. Или оружие. Как и меч.

Алера вдруг рассмеялась.

— Впервые вижу обученного мага, который смотрит в корень, а не

трясет причиндалами. — Оль смутился, а она помолчала немного и добавила: — Знаешь, а ты бросал бы этот гиблый Мошук насовсем. Не в тебя он нынче, ты же видишь сам. Там нынче гнилью пахнет — аж разит, всяческая дрянь бурлит и варится, вот-вот бабахнет, раскидает кишки по деревьям! А таких, как ты, хороших и честных, наматывает на ветки первыми.

— Лучше пусть меня на ветки наматает, чем струсить и сбежать в кусты, — ни вдоха не колеблясь, ответил Оль.

— Вот я и говорю, что обученные маги — дуболомы, — вновь подал голос Тахар. — Какая будет польза, если ты погибнешь? Ради правильных вещей нужно жить — каждый день, терпеливо и чаще всего — незаметно. Хотя куда как красивей ради правильных вещей торжественно сдохнуть, да? Вы же, обученные и богоизбранные, не хотите быть незаметными, не умеете жить тихонечко. Вам свершений подавай. Индюки надутые, вот вы кто. И это ж, зараза, не лечится.

Оль возмутился, потому что примерно эти же мысли думал, провожая друзей в Гижук, только тогда-то он как раз себя считал терпеливым, незаметным и поступающим верно. Однако вслух он сказал другое, что показалось ему более интересным:

— Так ведь в Преданиях именно так и сказано — что маги Божиней избраны. А раз избраны — значит и впрямь в чем-то лучше прочих.

— А может, все наоборот? — Голос Тахара звучал вкрадчиво, а ухмылка была до изумления паскудной. — Может, Божиня дала магию *самым никчемным* своим детям, чтобы из них хоть какой-то толк получился?

От такой трактовки Оль опешил.

— Так в Преданиях же сказано — самым любимым, а не самым бесполезным!

— Это в следоуказательных текстах сказано, а как было в исходных — еще неизвестно. — Улыбка Тахара стала еще паскудней, и Оль снова удивился — на сей раз осведомленности сельского жителя. Видать, лирмский жрец жрет свой хлеб не зря, не то что многие прочие! — Там говорится, что самым любимым, верно. Так Божиня-то небось не троллиха, которая квелых трольчат выбрасывает за ненадобностью! Божиня-то небось, как простая тетка, самых нескладных детей и полюбила сильнее прочих. И выдала им магические способности — ну не топить же ущербных. А теперь эти ущербные, наделенные божественным даром, носятся с ним и щеки надувают. Во какие мы важные и могучие! И Школы еще создали, чтобы учить других никчемных уродцев использовать

маговские дубины в полную силу. Чтоб уж точно никому не показалось, что недодали!

— Ты ж сам маг! Тоже из ущербных, получается?!

— Ну да. Только мне хотя бы достает ума не раздувать важность этого дара. Хватает ума на то, чтобы знать: я могу делать мир лучше, не глядя на то, есть ли у меня магический дар. А не захочу — могу и не делать мир лучше. И ничто мне не мешает спать по ночам. А вы, обученные и важные, чашки со стола не подымете, не обратившись к магии и не подумав о своем великом назначении. — Тахар сплюнул и зло повторил: — Индюки надутые. И не лечитесь.

Оль хотел возразить, что в нынешние времена он обращается к магии много реже, чем в прошлые, но промолчал, сам удивившись этой мысли. А ведь верно — он не мог припомнить, когда ему доводилось в последний раз колдовать, и так же точно он много дней не видел, чтобы использовал магию сам Тахар. Кальен — тот да, чаровал, помогая недужным... и по вечерам выглядел довольно измотанным. Быть может, околотемица начала хуже, неохотней отдавать магическую силу, а маги бессознательно подстроились, стали расходовать ее бережней?

Вот уж доставало в беспокойные времена лишиться того небольшого преимущества, что было у магов перед обычными людьми...

Подошла знакомая эльфийка-травница, за краешки держащая несколько веток с поджаристыми фруктами, предложила сидящим. Алера, придирчиво перебрав несколько штук, выбрала себе ветку, рассмотрела нанизанные на нее фрукты так же внимательно, как прежде Тахар. Как будто много там разглядишь в темноте! Оль тоже принял угощение и, не утруждаясь его осмотром, вгрызся в горячую мякоть.

Вкусно. Вроде печеной репы.

К Тахару подошла Умма, что-то тихонько спросила, он с улыбкой ответил, и магичка села подле Тахара — близко, почти вплотную. Так не подсаживаются к обычным знакомцам — только к людям, которые приятны.

Со стороны все выглядело непосредственно и невинно, как встреча двух добрых друзей — но Оль чуял неуловимую разницу между тем, как говорили Тахар с Уммой, и тем, как тот же Тахар говорил с Алерой. Хотя Алера могла, на правах старого друга, сесть к нему еще ближе. Да хоть вплотную. Да хоть улечься на него. Но в этих действиях не было ничего такого, отчего случайному наблюдателю захотелось бы смущенно отвести взгляд. А вот между тем же Тахаром и Уммой — было.

И Оль понял, не догадался даже, а именно понял — голубое ладное

платье Уммы было именно для него, для Тахара.

Он отвернулся и, жуя, оглядел собравшихся у костра людей и эльфов. Предки сидели или ходили между ними, беседовали с эльфами или друг с другом. Некоторые стояли поодаль, прислонившись к деревьям.

Потом Оль заметил, как сердито смотрит на Алеру Элай. Он по-прежнему сидел с другой стороны костра, все вокруг него о чем-то беседовали, так что слышать разговор Оля со своими друзьями Элай никак не мог, да к тому же Тахара он взглядом не буравил — значит, сердился не на то, что было здесь сказано.

Алера была поглощена фруктами и по сторонам не глядела.

— Элаю не нравится, что ты сидишь рядом со мной, — вслух сообразил Оль. — Отчего ему не нравится? Промеж вами ж нет ничего. Нет и быть не может, раз вы ходите через порталы. Вы ж твердо решили не менять ничегошеньки, а всю жизнь провести не как обычные люди, да? Я слышал, как вы про это говорили, и как другие говорили, и даже как твой дед ворчал. Говорил, что вы навечно ни перед кем ни за что не в ответе, словно подлетки беспутные. Так чего тогда Элай на тебя так смотрит?

Алера, не поднимая глаз, бросила свою ветку в костер. Та не долетела, упала между Имэль и смутно знакомым Олю эльфом с непроизносимым именем.

— Да что вы понимаете, взрослые-разумные, — она натянуто улыбнулась, — делите мир черно-набело: или есть или нет, быть или не быть. Все по полкам разложить хотите, всему ярлычки подвязать. Ничему такому не даете места, что без ярлычка.

Оль был старше этой троицы, быть может, года на четыре, но теперь и правда ощутил себя брюзгливым стариком.

Алера поднялась и пошла на ту сторону, к Элаю. Оль следил за ней со смешанным чувством: было неприятно, будто он кого обидел незаслуженно, но в то же время — а чего такого он сказал-то? И еще он расстроился, что Алера отошла. Может быть, совсем недавно, вот еще сегодня утром, эта девушка его пугала. Но этим вечером ему очень даже нравилось, когда она была рядом.

Оль видел, как Алера садится рядом с Элаем. Они не посмотрели друг на друга, не коснулись, но отчего-то было ясно, что это очень правильно: когда они сидят бок о бок и смотрят в огонь, а за их спинами склоняются друг к дружке молодые деревца с мохнатыми стволами, названия которых Оль так и не запомнил.

— Не нужно ей говорить, что между ними ничего быть не может, — подал голос Тахар, и гласник вздрогнул: задумавшись, он совсем забыл, что

Тахар сидит по другой бок. — Они и сами это помнят каждый вздох. Мы все знали, на что идем, когда выбирали свой мир и свои Миры. Но это был такой выбор, знаешь, когда отвергнутая часть жизни не оставит тебя в покое. Даже после многих лет.

Гласнику очень хотелось задать вопрос про Умму, которая грела Тахару второй бок, но он вовремя сообразил, что этот вопрос был бы совсем уж невежливым, а самое главное — лишним. И снова обернулся к Алере с Элаем.

— Чего-то висит между ними, — согласился он после недолгого молчания. — Прямо словно топор в воздухе.

Тахар смотрел на друзей с таким выражением, с каким глядит мать на дите, когда ему уже пора разрешать падать с плетня, иначе оно никогда не поумнеет.

— Висит, ну да. Быть может, помнишь из своей беспутной молодости такое чувство... Замирание перед поцелуем. Вот это между ними и висит. Уже столько лет, что я подсчитать не возьмусь.

— Тогда оно и вправду могло вырасти до размеров топора, — заключил Оль и отвернулся от этих двоих, которые старательно не смотрели друг на друга.

* * *

Хон называл этих людей «пропаданцами». И поначалу над ними даже немного потешались, но очень скоро смеяться перестало.

В Мошукте стали появляться люди, не знающие, как они очутились на городских улицах.

Они помнили все про себя: кто такие, как зовут, что умеют делать и чем занимались прежде. Эти люди хорошо знали город: и название его, и наместника, и места, где находятся лавки. Они могли назвать все городские ворота и помнили даже, что недавно на площади казнили заговорщиков.

Но они не помнили, где живут и кто их родня.

А потом обнаружилось, что другие горожане часто знают этих людей в лицо и по имени, и могут даже вспомнить какие-то связанные с ними события и смешные случаи. Но другие горожане точно так же не помнили, где живут «пропаданцы» или их родственники.

В считанные дни таких людей, орков, эльфов и гномов скопилось несколько десятков. Их расселяли по общинным избам, пустующим домам, постоянным дворам, старались приладить к разным полезным городу делам.

В работе, в каждодневном общении, во всем прочем «пропаданцы» производили совершенно обычное впечатление и ничем не выделялись среди других горожан.

Никто не искал их, хотя весь город знал о потеряшках. Никто так и не сумел вспомнить, где они жили раньше.

Наверное, Бивилка смогла бы помочь, использовать свой искательский дар — но магичка была далеко.

* * *

Умме, как и матери Оля, очень не нравилось его стремление уехать из тихого, теплого, сытого Эллора. Да магу и самому не хотелось, однако остаться он не мог.

— Нравится мне туточки, — говорил он Умме, — так бы и остался навечно. Только как же в городе без меня, а? Не могу их оставить, понимаешь?

— Понимаю, — неохотно соглашалась Умма, а Оль думал, что не понимает она ничегошеньки.

С того дня, как магичка перебралась в Эллор, она не выезжала за его пределы — вот уже третий год она жила, отгородившись от большого мира красотой и неспешным течением здешней жизни. Как дивная зверушка или необычное растение, что во множестве встречаются в Эллоре и не водятся в Ортае. Которым, как всему краю исконцев, для жизни нужны особые условия, создаваемые древними, от предков доставшимися реликвиями.

Ничего они не понимали в том, что творилось за пределами их безопасного и благодатного края, в который почти невозможно было попасть чужаку.

И все-таки, в этом смысле думая об эльфах почти с небрежением, Оль отчего-то был уверен: соседям они помогут, когда станет совсем уж туго. Как помогли переезжим из ближайшего лагеря перебраться в дровосекову зимовку.

В Мошуке было холодно, грязно, беспокойно.

Вездесущая Эйла добросовестно пересказывала Олю новости и слухи — их было много и все о плохом. Вчера в вязницу посадили сразу два десятка человек — идеи, заложенные казненными смутьянами, все-таки дали свои плоды. Чем тяжелее становилась жизнь, тем чаще горожане приговаривали, что «рыба от головы тухнет», а значит, виноват во всем наместник, а значит, над городом должен стать другой человек. Правда,

такого человека на примете у смутьянов вроде как не было, так что мало кто из горожан относился к их словам всерьез. Но бездельникам и неудачникам всех мастей такой взгляд на происходящее очень нравился, и они охотно повторяли слова про тухлую рыбу. И теперь новая партия заговорщиков ждала своей участи в тюрьме, а старшина стражи крепко подозревал, что все лишь начинается.

Число «пропаданцев» приближалось к сотне. Оль посетил несколько общинных изб и согласился, что некоторых этих людей знал или видел прежде. Но когда гласник пытался вспомнить, где они живут и откуда взялись — в голове словно закрывалась невидимая дверь. Так же, как все прочие, Оль не мог сказать, где находится дом этих людей.

Поговаривали, что разбойники не просто так пропали с трактов: часть их откочевала на юг, а остальные подались в столицу. Про сам Арканат вести тоже доходили нерадостные: столица снова ожила, но так, что лучше бы оставалась безлюдной. Ее потихоньку заселяли и разделяли между собой разбойничьи банды, которых появлялось все больше — того и гляди, начнут делить меж собою не только столичные кварталы, но и оставшихся в Ортае людей: кому кого грабить, а кому перебираться в другие края, потому как на всех не хватит народу для грабежа.

Шутки шутками, а чем собирается питаться эта орава в крае, пораженном сущью?

Мошукских подлетков перестали гонять в Миры, вместо этого перебросив вместе со взрослыми на подготовку новой земли под пашню между городом и южной деревенькой — было решено по весне засеять ячмень, а позднее, даст Божиня, и овес. Подлетки ругались страшно и всячески увивали от работы — зато Тахар, Элай и Алера, освободившись от присмотра за детьми, могли уходить с Ычем еще дальше в леса.

Оль был уверен, что сам Пизлык на таком удалении от селений куда интересней, чем самые заброшенные Миры. Сам гласник к этому лесу относился с опаской еще после первого школьного экзамена, но интересно от этого было не меньше.

В ратушу к нему совсем перестали приходить люди. На улице многие отворачивались при встрече. Олю все думалось, что горожане, сами себя накручивая дурными мыслями, вот-вот начнут бросаться на него и друг на дружку. И еще — на местных самоучек, к которым пока что относились терпимей, чем к Олю. Их просто подчеркнута не замечали — приятного мало, но все-таки лучше неприкрытой неприязни.

За несколько дней Оль при помощи ратушного призорца разобрал скопившиеся на полках бумаги, навел в кабинете порядок и даже окно

протер — и затосковал.

За пределами города, кажется, жизнь прекратилась вовсе. Не вернулся ни один из голубей, которых Оль отправлял гласникам других селений, и ни один голубь не прилетел оттуда. Только Шадек исправно, раз в три-четыре дня, присылал магических серых птахов, давая другу знать, что путешественники живы-здоровы. Если бы не эти весточки, Оль бы уже всерьез задумался, осталось ли в Идорисе хоть что-нибудь помимо Эллора, Пизлыка и Мошука с прилегающими селениями.

Птахи вызывали у Оля и облегчение, и чувство неловкости. Выходит, правы были те, кто предлагал справляться с бедой целиком, а не «спасать людей одного за одним». И теперь вот выходит, что разумные маги движутся к правильной цели, а глупые и недалёковидные маги болтаются бессмысленной колотушкой и ждут, что же из этого выйдет.

С «пропаданцами» гласник так и не смог ничего решить, хотя от него очень ждали помощи, да и сам он желал бы помочь. Их забывчивость (Кальен был с этим согласен) имела скорее магическую, чем болезненную природу — ни у кого из потеряшек лекарь не обнаружил тех признаков, что сопровождают старческую или потрясенческую потерю памяти. Похоже, что людей просто заставили забыть именно то, что нужно было забыть. И не только их, а и других горожан тоже.

Кто, зачем и как мог это сделать — Оль даже представить себе не мог. Они с Кальеном склонялись к мысли, что причина — в возмущениях околосемицы, а может быть — в демоновых кознях. Пусть Дефара и говорит, что демоны по большей части плевать хотели на людей, и путь это даже правда — но поди пойми, на что способна их меньшая часть! Оль ощущал отчаянную беспомощность — ведь именно теперь он должен был показать, что может взять горожан под защиту, избавить их от напасти — но ничего не мог поделать. Всякий раз, когда гласник собирался хорошенько все обдумать, на него нападала такая тоска и безучастность, что встряхнуться и переключиться на что-либо иное удавалось с большим трудом.

Горожане тревожились и все сильнее сомневались, что городские власти сумеют их защитить. Хон делал единственное, что мог — еще больше усиливал дозоры, хотя стражники и так уже сбивались с ног.

В те дни, когда Оль приходил в ратушу, Террибар вертелся рядом, делал вид, что ничего не произошло и что он не видит, как изменилось отношение гласника к нему.

Уставший от этого, Оль стал реже появляться в ратуше и чаще навещать то подобие городской лекарни, где принимал недужных Кальен. К

нему горожане относились куда приветливей, чем к Олю, — как будто это Кальен шесть лет был их гласником, как будто это он знал в лицо чуть ли не всех жителей Мошука, помогал каждому из них в отдельности и всему городу в целом. Оль не позволял себе задумываться о человеческой неблагодарности и неправильном устройстве мира, но обида, незаслуженная и острая, мерзенько покусывала его изнутри.

Тахар тоже часто приходил в лекарню. Целительских способностей у него не было никаких, зато он делал замечательные зелья, очень выручая недужных и Кальена.

Вот и вышло так, что гласный маг оказался в помощниках у двух самоучек: подготавливал ингредиенты для зелий и вообще помогал как мог. Никто из них даже не задумался о необычности такого положения дел, зато у горожан появился новый повод обсудить странности в поведении магов. Всё непонятное они толковали как знак того, что «клятые чаровники что-то замышляют».

— Почему ты в Эллоре не остался? — спросил как-то Оля Тахар. — Ты хорошо там себя чувствуешь, тебе нравится там. Зачем ты настырно прешься в этот город? По старой памяти, когда местные тебя любили? Ты ж нынче даже не гласник — нету больше Школы, кончилась, ты сам по себе теперь, свой собственный.

Маги сидели в комнатухе при лекарне, возились с составами для мазей и зелий. Потребность в них только возрастала день ото дня: по холоду и голоду люди хворали сильнее обычного. В комнатухе было душно и светло от плешек с жиром и магических светляков, тесно от мешков, корзин, посуды. Но при этом — уютно. Как в неприглядной избушке посреди заснеженного леса — пусть и маленькая она, и тесная, пусть мыши под полом и жучки в стенах — зато гудит трудяга-печка и пахнет свежими щами, а снаружи... Ничего нет снаружи такого, чтобы хотелось покинуть этот маленький, теплый и неказистый домик.

Оль, крикнув, разогнулся над здоровенным тазом, где перемешивал большой ложкой плесневелые ягоды снежника. Ему казалось, что ягоды еще недостаточно плесневые для мази, но Тахар сказал — в самый раз.

Ответа Оль не придумал. Не знал он ответа, просто не мог бросить город — и все тут. Ощущал себя лишним, нежеланным, беспомощным — а уехать не мог, потому как это было все равно что сдаться. Забросить маговское назначение и заниматься только своими делами. Как Умма. Или даже хуже, потому что Умма растит племянника-мага, а он, Оль, мог бы растить только Мавку, которая и так уже полжизни прожила.

Спрашивается, не лучше ли отправиться в Недру и попытаться спасти

всех скопом, чем маяться в Мошуке и ощущать свою бестолковость?

— Вам тоже не хочется уезжать из Эллора, — сказал он вместо ответа.

— Кому как. — Тахар выбрал склянку, пробормотал над ней очистительное заклинание — беда с этими самоучками, чего они только не навывдумывают! Оль и не слышал про такие заклятия никогда. — Аль не любит Эллор. Говорит, там медом пахнет. Почему медом и отчего это плохо — даже не спрашивай. Элай — ему, пожалуй, все равно, хотя его родня живет в Эллоре, теперь вот даже тетка, которая его растила. А мне — вот мне да, и впрямь не хочется уезжать. Мне в Эллоре нравится.

— Ага, — со значением протянул Оль. — Места там распрекрасные, знамо дело. Эльфийки опять же. Да и не эльфийки, бывает, встречаются.

Тахар поморщился — не от досады, а так, будто гласник пнул его прямым в наболевшее.

— Боишься, займу место твоего погибшего друга, да?

— Не того я боюсь, — насупился Оль. — Когда Кинфер погиб, это получилось, знаешь... мы ж выросли вместе, с первого школьного дня. До сих пор... ну, это будто глядишь на пергамент, в котором дырка выжжена. Хоть и прошло четыре года.

Тахар молчал. Гласник остервенело уминал ложкой несчастные ягоды.

— Ежели Умма теперь выбрала тебя — ну, значит, оно того стоит. Я-то что, я только рад, что она голову подняла наконец после всего... вначале Кинфера не стало, а потом через год еще бабка ее померла... Плохо с ней было, с Уммой. А теперь она наконец улыбается и платья красивые носит, и раз так — значит, я слова против тебя не скажу. Улыбки и платья — это правильно, это хорошо. — Оль критически оглядел ягоды, бросил ложку в таз и пинком подвинул его к Тахару. — А вот что нехорошо — то, что ты ж, зараза, с ней не будешь! У вас же троих шатания по Мирам без края и конца, да неразлей-такая-дружба. Вот что плохо, прям дальше некуда как нехорошо!

Тахар задвинул таз под столик и взялся за ступку. Долго и старательно мельчил содержимое в чаше, и Оль уже подумал, что Тахар отмолчится, но тот все-таки заговорил:

— Мы всегда так жили, с двенадцати лет, с первого путешествия в Мир. Все эти годы мы были больше там, чем здесь. И всегда — больше друг с другом, чем с прочими. Мы это выбрали, решили так, понимаешь? Мы можем уходить в Миры на много дней, и не сказать, чтобы нам так уж хотелось проходить через портал обратно.

Ему не обязательно было что-то объяснять. Оль все понял еще в тот вздох, как узнал, что Тахар сумел использовать жизненную силу

умирающей Алеры. Такая связь могла возникнуть только в одном случае: когда люди друг другу — ближе некуда. Когда они — считай что один человек. Оль все понимал и просто сердился — из-за Уммы и собственной обиды — он привык считать самоучек недотепами, но теперь только и видел, что эти самые недотепы оказываются проворней, удачливей и попросту счастливей его, обученного гласного мага.

— Свихнутые вы какие-то, — бросил Оль. — Взрослые люди, а живете, как дети.

— Быть может, и свихнутые, — с непонятной усталостью согласился Тахар. — Только заметь, мы никому своего счастья не навязываем. Зато все вокруг стремятся побыстрее донести до нас свои ценные мнения.

Оль смутился, отвернулся, принялся раскладывать побеги бегунчика на деревянной досочке.

— Ну положим. Только ж разве может быть, чтоб людей ничего не держало в мире, где они всю жизнь прожили?

— Не может. — Тахар помолчал, подбирая слова. — Всех нас что-нибудь да держит. Только, знаешь, с каждым годом все меньше. С каждым годом все больше народу нас не одобряет и постоянно напоминает, что мы чокнутые. Ну, наверное, они правы, только у нас иначе не получается. И мы не понимаем, отчего должны хотеть, чтобы получалось иначе. Вот скажи, чего такого интересного мы лишаем себя, а? Ты можешь представить, чтоб Алера напялила платье, стала варить мужу кашу и на том успокоилась?

— Не могу, — согласился Оль. — Только, быть может, стоило бы? Жизнь — она не только про интерес, а еще и про полезность. А чего полезного делают твои друзья кроме того, что носятся по Мирам, как подлетки беспутные?

На вздох губы Тахара сжались в нитку, и гласник ощутил себя неблагодарной скотиной. Ничего они не делают полезного, ну да! А как насчет того, что эти трое таскаются за тобой хвостами? Быть может, только благодаря им тебе, балда тугодумная, ничего не свалилось на голову на пустынной улочке Мошука или не прикончило на тракте!

Понять бы, что ими двигало, когда они взяли Оля под свои крылья. Приязнь к нему? Мысль о его сродстве с Тахаром, который, сложись судьба иначе, тоже мог стать гласником в каком-нибудь городе? Забота Тахара об Умме, которая тревожилась за своего школьного друга? Но Оль видел, что никто из троих не тяготится взятой на себя ролью опекаatora и относится к ней серьезно — значит, это было их общее решение, а не уступка одному из друзей. Значит, все трое посчитали такой порядок вещей нужным и правильным.

Оль не понял, догадался ли Тахар о его мыслях,— вернее всего, да, уж больно хитрым был быстрый взгляд его темных глаз. Но вслух он сказал совсем другое:

— Вообще-то Элай мастерит неплохие луки. Только не продает дальше Эллора, в Ортае мало кто пользуется луками. Еще он самострелы умеет делать, но простенькие. Их не продает совсем, потому как с самострелом любой дурак — герой, а дураков Элай не любит.

— Ну положим, он не бесполезен, — охотно признал Оль, торопясь загладить свою нечаянную грубость. — А вот Алере не помешало бы это самое... каши варить.

Тут же гласник чуть было не ляпнул, что не возражал бы, чтоб Алера именно ему варила каши, и сам удивился своему нахальству.

— Аль еще полезнее Элая. — Тахар выпрямился и посмотрел на Оля сердито. — Она умеет Кристаллы сращивать, очень здорово с ними справляется. Ты быстро судить бросаешься, попробовал бы сначала разобраться, а?

Оль проглотил этот справедливый укор, но не смог не возмутиться по поводу камней:

— Как вы можете использовать Кристаллы теперь, а? Ведь уже известно, что это демоновы происки, что нельзя было тащить их из Миров...

— Так они уже притащены. Если Аль не будет их сращивать, если даже мы их выбросим в колодец — они что, перестанут работать?

— Не перестанут.

— Ну так чего ты хочешь?

Оль смутился. И правда — чего сделаешь, если вредоносная зараза уже здесь, хоть ты трогай ее, хоть не трогай — действие одно и то же. Но противно ведь!

— Эй, — осенило вдруг гласника, — так, быть может, собрать Кристаллы в кучу да затолкать обратно в Миры? Ну хоть сколько получится?

Тахар аж поперхнулся:

— Ты представляешь, сколько их натащили оттуда за сто лет? Даже если мы под корень вычистим от камней весь Мошук и Лирму — так это даже не мелкие брызги, это просто ничто! К тому же, даже если полностью убрать их из всего Идориса — уже ничего не поменяется.

— И все-таки, — упорствовал Оль, — все-таки вы могли бы взять сколько получится камней и унести их отсюда обратно в Миры.

— Может, для надежности сходить к тамошним горам и бросить

Кристаллы в жерло вулкана?

— Может быть, — осторожно согласился Оль. — Что такое жерло вулкана?

— Понятия не имею, — признался Тахар. — Дефара иногда так шутит.

Некоторое время маги молчали. Было слышно, как за стеной Кальен громко спорит с Эдфуром. Точно, с Эдфуром, его рыкающий говор ни с чем не спутать. Мавка все косилась на стену, за которой спорили, и сердито взрыкивала вслед за гномом.

— Да нет на твоём роду никакой порчи! — почти кричал Кальен. — Просто у гномов наклонность к старческому полоумию!

— Я те дам наклонность! — кипятился Эдфур. — Я те дам полоумие! Не было у дядьки никакой наклонности, пока я ты в дом не впустил! Чем тещу напоил, сволота? Она теперь мне весь дом перезаразит этой безмозглостью!

Ответа Кальена маги не услышали, но чуть погода хлопнула входная дверь, а Мавка, ещё немного поворчав, успокоенно опустила голову на лапы.

Олю отчего-то настырно лезла в голову мысль про Алеру в красивом платье и про кашу, которую она не будет варить. А если будет — то никак не ему, не Олю.

Странно, что до сих пор у нее с эльфом ничего не вышло. Странно, что они добровольно отказались от всего, что могло бы быть, ради... чего? Бесконечного безответственного детства?

— Я не могу сообразить, как вы живете, оперевшись в эти Миры, — признал Оль. — А как дом? Как родня?

— А где дом — там, где ты родился, или там, где тебе спокойно? — Тахар не ждал ответа. — Родня — ну да, пока мы были подлетками, пока мои родители не пропали, а дед Алеры в открытую не сошелся с теткой Элая — да, можно было сказать, что родня нас здесь держит. Теперь уже нет.

«Пропали?» — В светлых глазах Оля ясно отразилось непонимание. Как могут гласники пропасть и не найтись?

Тахар сердито постукал пестиком по краю ступки.

— Пропали. Десять лет назад. Затеяли какие-то исследования с перемещениями и... в общем, так их и не нашли. Они... теми еще испытателями были. Вот, доиспытывались.

— А Умма? — наконец прямо спросил Оль, и голос его прозвучал почти жалобно: и впрямь, где же место для Уммы среди всего этого?

Тахар с силой потер щеку, и на светлой коже осталось красное пятно.

— Я не знаю, что тебе сказать. А, бдыщевый ты хвост, я не знаю даже, что сказать себе!

Оль махнул рукой и вернулся к бегунчику, принялся сердито кромсать изрядно подвявшие стебли. Тахар высыпал из ступки золу, перетертую с цветами златочника, плеснул воды в глиняную миску.

Оль некоторое время молча следил за выверенными движениями его рук, за пальцами, выделяющими сложные пассы. Тахар негромко шептал неизвестное гласнику заклинание, в котором тот временами улавливал знакомые, но иначе звучащие слова.

Когда Тахар осторожно отделил щепоть нарезанных бегунчиковых стеблей, Оль все-таки не вытерпел:

— А может быть, все ж пришла пора повзрослеть, а? Вон и Элай с Алерой друг на друга глядят, как коты весенние. И ты с Уммой... Тебе не думалось, что настало время еще раз перерешить решенное, а?

Тахар старательно перемешал смесь, медленно отодвинул миску. Посидел, не поднимая глаз, потом решительно потянулся за склянкой.

— Знаешь, тут и казаться нечему, решать и правда надо. Порталы вон рыжие все стали, камни какие-то вокруг них нарастают, и прыгнуть в Миры с каждым днем все труднее. Дефара к троллям перебралась, — ты ж и не заметил? — бродит вокруг порталов. Говорит, они поют. Тут даже кошке ясно, что порталы в Ортае последние дни доживают, эти каменные наросты скоро их закроют. Так что... скорее всего, до того времени мы втроем вместе со своей неразлей-какой-дружкой уйдем туда навсегда.

* * *

Горожане, до сумерек работавшие на расчистке поля, возвращались в Мошук через южные ворота. Были они уставшими и злыми: а кому понравится провести целый день за грязной утомительной работой, когда над головой вместо неба висит серая мряка, а пальцы едва разгибаются от осеннего пробиручего холода?

Впереди ждала теснота общинной избы, миска горячей безвкусной каши и кусок ковриги, а завтра — все сначала.

Едучее чувство обиды разрасталось тем больше, чем дальше они шли по городским улицам. Как будто из узких подворотен, из-за часто стоящих домов кто-то нашептывал им правильные слова, от которых они пуще распаялись.

— Кто-то дома родного не помнит и едва ноги волочит на пустой каше,

а кто-то в ус не дует и на цельном птичнике гузном сидит, — негромко сказал вслух сутулый небритый эльф.

Три десятка горожан остановились как один. Почти все они были из «пропаданцев», и каждому теперь показалось, будто произнесший эти слова эльф прочел его собственные мысли.

Опершись на лопаты и грабли, усталые и грязные люди, эльфы, гномы стояли посреди улицы. Переглядывались — сначала насупленно, исподлобья, потом — проясняясь лицами, видя в чужих глазах участие и понимание.

Дохнул по улице западный ветер колючим серым рывком, шурнул мусором и нападавшими с придомовых кустов листьями — словно шепнул что-то требовательно и ободряюще.

Люди переглянулись снова, и теперь в глазах у них была не обида и не тоска, а хмельной и дурноватый задор.

Не сговариваясь, перехватив покрепче лопаты и грабли, три десятка человек направились к городскому птичнику.

* * *

При виде Ыча и Алеры, играющих в ладушки, опешил даже ко всему привычный Тахар.

— Вы чего?

— А чего? — не оборачиваясь, переспросила Алера. Ее маленькие ладони звонко хлопали о здоровенные трольи. Ыч гыгыкал и путался в движениях. — Чего мы ерундой занимаемся, когда вокруг все такие серьезные, что хоть свались и умри?

Отвлекшись, она сбилась сама, чем осчастливила тролля. Торжествуя взоржав, Ыч хлопнул девушку по плечу, наверняка поставив ей синяк, и поднялся с пола, отчего комната сразу сделалась тесной и маленькой.

— Добрючая, — доверительно сообщил он магам, — только вреднючая.

— Это да, — согласился Тахар. — Это она может.

Оль и Кальен развалились за столом, одинаково закряхтели, вытягивая ноги. Тот еще выдался вечер. Чего только стоит одна гномская делегация на пятнадцать голов, которую приволок к аптеке Эдфур! Гномы в один голос уверяли, что Кальен навел порчу на их род и что теперь слабоумие от Эдфуровой тещи расплзается по всему родовому поголовью. Глядя на них,

трудно было не согласиться. Отвязаться от гномов удалось с величайшим трудом. Оль даже подумывал создать пару фантомных стражников, чтобы сбить пыл с гномской братии, но не стал: в таком возбуждении с них стало бы и на стражников кинуться, и тогда положение стало бы совсем паскудным.

И что на этих гномов нашло? Было приличное, вежливое семейство, а тут... ну прям как будто их бешеные клопы искусили!

Из-за отдернутой занавески выплыл запах тушеного мяса, а следом показался сердитый Элай, перемазанный золой. Ткнул пальцем в Алеру.

— Видите, да? Даже тролль говорит, что с ней невозможно!

Мавка за спиной эльфа прокралась в кухню, и Оль проследил за ней укоризненным взглядом. Спереть она ничего не сопрет, конечно, но жалостливыми взглядами и вздохами выпросит у Элая половину общего ужина. Хотя у этого выпросишь, пожалуй.

Ыч строго погрозил эльфу пальцем:

— Превозмогающая!

Элай возмущенно взрыкнул и снова пропал за занавеской. Тролль выглядел очень довольным: все-таки ему удалось объяснить эльфу, что еду готовить — не женское дело. Алера беззвучно смеялась, спрятав лицо в ладонях.

— Дефару не видели? — без особой надежды спросил Кальен.

— Не, — Алера мотнула головой. — Но хотели бы. Мы проход через горы нашли, а на скале — полный рисунок, причем с ночницей. И знаешь, где нашли? В ближнем Мире, который подле речки.

Магам потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить новость. Потом заговорили все сразу.

— Полный рисунок? — У Кальена побледнели губы. — С ночницей? Что на нем?

— Проход через горы? — Оль навалился на стол грудью и горящими глазами уставился на Алеру, забыв, что после посиделок в Эллоре смущается встречаться с ней взглядом. — Проход из Миров в магоновый Азугай? Ну я ж говорил, что они появятся!

— Вы без меня ходили по Мирам? — Тахар произнес это негромко и без всякого выражения, но Алера словно только его одного и услышала, виновато развела руками и пробормотала: «Ну а что нам еще...»

Тахар понял и раздосадованно махнул рукой. В самом деле, а что им еще было делать? Сидеть вдвоем в пустом доме, поедая друг друга глазами, — или, напротив, неловко отводя взгляд, придумывая себе пустяшные занятия? Сам-то небось хорош: думал, только до полудня в лекарне

пробудет, а как затеялся с зельями — так и не заметил, как кончился день.

— Так что на рисунке? — тихим бесцветным голосом переспросил Кальен. Достал из кармана исчерканный клочок бумаги, а с полки — уголек, положил перед собою, готовясь рисовать. Пальцы у него подрагивали.

Алера уставилась в потолок, словно рисунок со скалы был повторен на бревнышках.

— Значит, везде люди и ночница. Потом так, — девушка принялась загибать пальцы, — подпертое поленом дерево с листьями, дальше приотворенная дверь и немного листьев на земле. Потом голое дерево, дверь распахнута, ночница стоит у двери. А последнее... ну, там возле дерева скалы, ночница в дверях, а люди...

Алера замолчала. Оль и Тахар с напряженным ожиданием смотрели на нее. Кальен быстрыми скупыми штрихами делал наброски на клочке бумаги, поверх каких-то старых заметок. Ыч вообще не слушал, зато очень внимательно разглядывал потолок, пытаясь понять, что там высмотрела Алера.

— Люди... ну, они все лежат.

— Мертвые? — уточнил Оль.

— Не знаю. Непонятно. Они просто лежат. А ночница в дверях.

Из кухни вышел вспотевший Элай, грохнул на стол котел с овощами и мясом. Знал бы, что придется самому возиться с едой — ни в жизнь бы не стал в того зайца стрелять!

— У нее амулет в руке, — добавил эльф так сердито, словно нарисованная ночница нанесла ему личную обиду, — остроносый амулет для перехода в Миры. Да не делайте вы такие скорбные рожи! Понятно же, что это просто образы: дерево с листьями — обычный зеленый портал, нелюдям в него хода нет, чем дальше он краснеет — тем ближе время, когда нелюдям ход будет.

Алера пожала плечами и стала расставлять на столе тарелки. Кальен щелчком запустил по столу бумагу. Девушка потянулась за листком, взгляделась в набросок, кивнула и оставила его лежать посреди стола.

— Ловко, — Оль неуверенно улыбнулся, — стало быть, когда вырастут те камни у порталов — нелюди смогут уйти в Азугай через Миры, во как! А чучела рогатая уже знает? То-то счастьяца будет!

— Мы ее еще не видели. — Алера влезла на лавку рядом с насупленным Тахаром, заглянула ему в лицо. Маг натянуто улыбнулся.

— А те люди, что нарисованы лежачими, — они-то чего означают?

Алера пожала плечами. Ей хотелось есть, а не разгадывать загадки.

Девушка забарабанила пальцами по столу, глядя на Ыча и Элая, которые никак не усаживались.

— С людьми все понятно. — Тахар медленно крутил на столе ложку. — Когда азугайские призорцы смогут пройти через порталы — людям ход закроется. Судя по всему, это будет скоро.

Эльф и тролль уселись наконец за стол: Элай — на лавку, Ыч, неодобрительно оглядев ее, — прямо на пол. С возмущением посмотрел на ложку: вот же какая крошечная, сразу видно, в этот дом никогда тролли на обед не заявлялись! Как ее в руке-то удержать, раскрошится в щепки небось!

— И еще амулет остроносый, — проворчала Алера. Кальен вздохнул, потянулся к лежащему на столе рисунку, старательно дорисовал. — Непонятно, важно или нет, что остроносый. А то у меня как раз такой, и Дефара это знает. Отберет же, зараза рогатая! И попробуй не отдать!

— Интересно, откуда магоновые маги про это узнали, — рассуждал Оль с набитым ртом, — и как проход в горах открыли. Или это не они открыли? Или это Миры и Азугай меняются вслед за нашим миром? Они ж могут быть как-то увязаны: тут что-нибудь меняется — и там следом становится иным?

Оль почему-то посмотрел на Кальена, мрачно сидящего перед полной тарелкой, и тот вяло дернул плечом:

— Да откуда мне знать-то?

— А может, тебе чучела рогатая чего говорила, — не смутился Оль. — Она ж еще чудаковатее, чем кажется, да и Азугай тоже.

— Ум? — промычала Алера, поднимая голову.

Размахивая рукой с зажатой в ней ложкой, Оль принялся растолковывать:

— Ну байки-то как говорят: что первый впусивший демонов портал был открыт в Гижуке, и с тех пор каждый десяток лет тот первый демон, Тэрья, перекидывается в паука, напускает туман на весь край и рыщет в округе. Какого орка найдет — у того пожирает память, забирает его в Азугай и перерождает в магона. Так же? А вот чучела наша говорит, что ее сюда вынесло с приходом демонов, и еще — что она магоновый призорец. Ну так получается, что магоны в Азугае были и прежде, всегда были, считай. Получается, они делаются из кого угодно, а не только из наших орков. Быть может, раньше их делали из других орков, которых забирали из иных миров?

Оль оглядел сидящих с таким видом, словно только что показал им замечательный магический трюк и очень гордился содеянным.

— И вот еще что интересное. Вот есть у нас чучела рогатая, и она говорит на общей речи. Она ее тут выучила или раньше знала? У нее и присказки наши: Божиня сохрани, бдыщев хвост... Тут понабралась или оттуда притащила? А ежели притащила — так в Азугае чего, тоже в Божиню верят? Ведь для этого магонам надо было Предания раскопать, но Предания нашлись туточки, в Идорисе!

Кальен выглядел растерянным, ничего не понявший Ыч на всякий случай притих. Тахар, Алера и Элай переглядывались, и выражения лиц у них были встревоженные, озабоченные, но ничуть не удивленные.

Потом Элай швырнул ложку в пустую тарелку и уверенно заявил:

— Чушь это. Байки про Тэрюю и прочее похожее барахло. Вон у элорцев тоже есть байка про Тэрюю, только там она — эльфийская праматерь, а никакая не паучистая демоница. Навыдумывают люди ерунды, а потом бегают с ней, как ошпаренные. Пытаются всунуть ее куда ни попадя и удивляются, чего это она не всовывается.

— Ага. — Оль стал заливаться краской. — Всю жизнь я только и слышал: дескать, сказочки все это: про демонов, про Тэрюю, про Кристаллы — а только теперь эти сказочки нам весь край изничтожают. А некоторые шибко умные эльфы по-прежнему сидят да мычат: неправда все это, ерунда, быть не может!

— Чтобы знать наверняка — нужно быть демоном, — отрезал Элай.

Оль помолчал.

— Так я ж не требую, чтоб мне наверняка сказали. Я рассказываю, чего мне в голову приходит. Вот еще, рисунки эти. Магоны ж для того рисунки рисуют, чтоб их чучелам рогатым пересказали. А сами магоны-то откудава знают, чего будет и чего рисовать? Ну понятно, что их научил кто-то там, в Азугае — а кто? Это ж сколько умности надобно иметь, чтоб такое прознать и предвидеть! И вообще — чего ихние маги не мешают магонам уходить в Миры? Ежели они столько всего понимают, то должны знать и то, что магоны в Мирах спячивают. Или про Миры им ничего неведомо, а про ортайские порталы ведомо? Ну и маги!

— Да не маги это, а Знающие! — воскликнула Алера. — Маги только торчат в своих башнях и снаряжают магонов исследовать Миры, а Знающие...

— Аль! — взвыли Тахар и Элай. — Заткнись!

Ыч, до сих пор только недоуменно переводивший взгляд с одного говорящего на другого, хряпнул кулаком по столу:

— Не хамящая!

От удара одна из досок стола просела, а в тарелке Кальена

подпрыгнула ложка, плеснув подливкой. Несколько капель попали на лежащий посреди стола рисунок.

Оль смотрел на раздосадованные лица троих друзей, и все странности складывались в понятную и точную картину в его голове.

Тахар говорил, что троица почти решила уйти через порталы до того, как они закроются, — но ведь любому понятно, что нельзя прожить всю жизнь в Мире, на ошметке земли, где ничего нет. Подобие дома можно построить — а дальше? Где брать то, что не создать самим, но без чего жизнь станет такой жалкой и скудной, а происходящее нынче в Ортае покажется доброй сказочкой? Нет, на подобное эта троица решиться не могла — они, быть может, и чокнутые, но не тупые.

Они не собирались болтаться в междумирье.

И еще Дефара. Она бессильно билась о невозможность пройти в Миры-междумирья через портал — но ни словом не обмолвилась про то, как собирается попадать из междумирья в Азугай. Ночница знала, как.

Был какой-то способ. Верно, сложный, мало кому доступный и еще меньше кому известный. Но был. А проходы, что нынче появились в скалах, получились удобным, но не обязательным довеском — они главным образом позволили самим магонам убраться из Миров. И, раз с обратной стороны не набежало еще больше магонов — проход работал только в одном направлении. Но это был не единственный способ добраться до Азугая, потому что по всему выходило, что...

— Вы уже были там.

* * *

Западный ветер, по-осеннему сырой и колючий, встрепал светлые волосы стражника, бросил в лицо несколько тонких прядок.

— Нечего тут толпиться. — Он хотел сказать это уверенным тоном, но получилось жалко, почти просительно.

Горожане переминались с ноги на ногу, переглядывались — не то чтобы смущенно или испуганно — скорее ожидая, кто первым начнет... Начнет что?

Из караульни к стражнику вышли еще четверо, почуяв неладное. Но в толпе на это только заухмылялись: ну и пусть теперь стражников пятеро, а нас — два десятка, и мечи у нас немногим хуже.

— Хочим видеть вязней, — решительно протрубил кузнец из северного квартала, сделал шаг вперед.

Кузнец был орком, огромным как бык. Говоря, он чуть наклонял вперед круглую голову с кудрявыми смоляными волосами, словно упреждая: не перечь — бодаться буду!

— Вязней? — Старший из стражников, усатый кряжистый мужик, тоже сделал полшага вперед. — Вы для этого собранчество тут устроили?

«Собранчество» загудело, нерешительно и смущенно.

Ветер рванулся, заметался между людей, смахивая пылинки на волосы, выхолаживая кожу, выплескивая обрывки звуков, как песню на древнем непонятном языке. Люди заворчали уверенней, а за ними и стражник, на что-то рассердившись, смахнул ветряной шепот с усов рукавом и гаркнул:

— Кто хочет узреть вязней — выходи по одному! Определим в соседние каморки! Ну? Чего повставали?

«Собранчество» загомонило, так же враз, невесть отчего, рассердившись. Слышно было, как звякнул металл.

Издали донесся истошный женский вопль и заполошенное кудахтанье.

Колючий западный ветер дохнул стражнику в лицо и унесся дальше по улицам Мошука.

* * *

Алера смотрела на Элая. Элай делал вид, что ничего не слышал. Тахар сосредоточенно облизывал ложку. Ыч чесал пузо. Кальен смотрел на троих друзей с любопытством, но без удивления, и Оль сообразил, что Кальен тоже это знал. Конечно же, знал, ведь он давно с Дефарой, наверняка она делилась с ним своими мыслями, которые...

Все они знали. Только он, как потешный персонаж из байки, даже не представлял, что находится прямо у него под носом. Гласник почувствовал себя настолько глупо, что хоть садись подле тролля и тоже принимайся пузо чесать — и то не будешь выглядеть так смешно, как теперь.

Тахар отодвинул тарелку, и глухой звук, с которым она проехала по столу, показался очень громким. Оль вздрогнул.

— Мы думали, там мои родители. — Тахар говорил медленно, словно обдумывая каждое слово по отдельности и желая сказать как можно меньше слов. — Дефара как-то спьяну ляпнула, что я «одно лицо с магом, который приходит все время».

— Все время? — переспросил Оль и тут же прикусил язык — вдруг Тахар не захочет продолжать, замкнется снова?

— Да. Мы тоже не поняли. Но я очень похож на отца, и еще он любил рисовать Карты вроде магоновых. Ведь как-то так вышло, что у нас с ними одна и та же магия, одни и те же заклинания, и то, что придумывают они, действует и у нас... Словом, мы решили, что нам нужно попасть в Азугай.

— И как вы исхитрились перелезть через горы?

— Как... Дефара подсказала.

Заметив, как Тахар мимовольно двинул пальцами, словно в руках его был пестик для перетирания трав, Оль подумал, что способ связан с каким-нибудь зельем. Быть может, ночница знала состав, дающий эффект парения, только не предметам, как заклинание, а живым существам. Сам Оль даже в горячке не взялся бы представить, что туда могло входить, но в травологии он не был силен. Подкинуть Умме загадку, что ли?

— И чего там, в Азугае? — спросил он для порядка, хотя по лицам троицы было ясно, что ни в какие подробности они вдаваться не будут.

— Магоны, — сухо сказал Тахар. — И вообще там... можно жить. Туда иногда приходят из Идориса. Не мы одни такие умные.

«И не вы одни встретили тамошнего призорца», — добавил про себя Оль.

— И теперь вы хотите уйти туда снова. Там лучше, чем здесь?

— Там всегда лето, — отрезала Алера, и тон ее давал понять: лета вполне достаточно, чтобы остаться навсегда где угодно.

— Там никто не думает, что остальные должны жить так, как хочется ему, — проворчал Тахар, и Олю снова стало неловко за свою резкость в лекарне.

— А магонки отрезают себе язык, когда уходят к мужу, — добавил Элай, и было непонятно, шутит он или нет. — Только представь себе целый край, в котором не слышно бабьего визга.

Оль растерянно переводил взгляд с одного лица на другое и не мог решить, как относиться к услышанному: как к шутке или как к удивительному открытию. И еще ему хотелось заорать: а как же я, что буду делать я, если вы уйдете? Отчего-то больше всего Оля потрясло не то, что кто-то может пройти в магонов край и не то, что сидящие перед ним люди всерьез желают уйти туда навсегда, а то, что его собираются бросить на произвол судьбы.

Как это так? Полмесяца таскались за ним хвостом, заставили привыкнуть к надежному плечу рядом, а теперь просто помашут ручками, пройдут через порталы — а ты крутись как знаешь? Это ж все равно что утопающего дотащить до половины реки, а потом разжать руки и броситься нырять за красивыми ракушками!

Впервые в жизни Оль, обученный маг, гласник немаленького города, сам всерьез нуждался в защите. И всерьез поверил, что получил ее. Потому теперь он ощущал себя обманутым дважды: в первый раз — когда молчаливо признал неспособность постоять за себя, а второй раз — когда понял, что вот-вот лишится обретенного чувства хоть какой-то безопасности.

Конечно, останется еще Ыч, очень серьезно воспринимавший свое «помогающая». И Кальен, который нынче шатается на грани в точности так же, как Оль. И, конечно, можно просто уехать в Эллор, потому что здесь гласный маг уже мало на что пригоден. Настолько не пригоден, что никто в Мошук не осудит и не загрустит, а многие так и вовсе вздохнут с облегчением.

Ну почему, почему он не отправился в Недру, зачем остался в городе со своими наивными глупостями? Нельзя спасти тех, кто не хочет быть спасенным. Особенно когда самому вот-вот придется спастись от них же.

Уехать в Эллор — обрести безопасность и расписаться в своей несостоятельности, даже не как гласника, а просто как мага, жизненная задача которого — помогать людям.

Остаться в Мошук — расписаться в собственном скудоумии и почти наверняка погибнуть, когда очередной гном решит, что это из-за твоего косога взгляда у него на задку выскочил чирей.

А ведь совсем недавно Алера говорила: «Бросай этот гиблый Мошук». Только вот забыла добавить что-нибудь вроде «Потому что скоро ты останешься один».

А он сказал, что не бросит. И скорее согласится быть намотанным на ветки, но не сойти со своего маговского пути.

Ну надо ж было предсказательскому дару пропасть! Как будто мало того, что вокруг сплошное безумие, так еще и бултыхайся в нем безо всякой подсказки!

Теперь Оль уже не был так уверен, что хочет положить свою жизнь за идею. Особенно — за такую идею, которая хорошо звучала в предсказуемом мире, а в нынешнем выглядела так глупо и жалко. Разве неправ был Тахар, когда говорил, что ради правильных вещей требуется жить, а не гордо умирать?

Вот и сидишь ты тут, гласный маг, защитник и опекатор людей — что ты будешь делать со своей магией, назначением и упрямством, когда люди пойдут друг против друга и против тебя? Торочить о своем маговском назначении? О благе для всех?

Как бы не так. Ты будешь защищать себя. И тех, кто будет на твоей

стороне.

Потому что вы, маги, защитники и опекаторы — в точности такие, как люди, а люди — в точности такие же, как звери, которые сбиваются в стаи во время опасности, и стая тем злее, чем страшнее беда. Так что ты, гласный маг, привыкший считать себя стоящим чуточку над людьми — ты точно так же должен выбрать себе стаю и рывкать с ней в один голос.

И тут Оль наконец понял, что движет тремя друзьями, которые не желают рывкать в чужой стае и распутывать сложные узлы. Они еще могут спрыгнуть с этого обоза и уйти туда, где будет спокойно. Где не придется продираться через все, что предстоит гибнущему краю, пересматривать свои привязанности и привычки, придумывать себе новые идеи и выбирать сторону, чтобы выжить.

Разве они неправы в своем желании уйти? Разве можно осудить их за желание жить? Просто жить дальше, ничего не меняя в себе и не теряя тех, кого немислимо было бы потерять?

Картины будущего на этих двух дорогах — остаться или уйти — встали перед глазами Оля с отчаянной ясностью. И он понял, что сам с радостью рванул бы с тремя друзьями в магонов Азугай.

Это неожиданное, детское стремление сбежать, разрубив одним махом неподдающийся жуткий узел, заполнило его сознание полностью, даже с горкой, не оставив и крохи места какой-либо иной мысли. И от того, что он не сможет пройти через портал, гласнику стало вдруг до того обидно, что он даже рассердился — всерьез, до сжатых кулаков и покрасневших щек.

Наваждение длилось всего несколько вдохов. Потом стало оседать, как пена на молоке, оставляя лишь недоумение — разве такая малость могла занять так много места? Появились другие мысли: о городе, что трясется в конвульсиях, о матери, которая ждет в Эллоре, об Умме, для которой он оставался едва ли не последней связью с большим миром... О тех, кто отправился в Недру и кто будет весьма разочарован, если по возвращении застанет на месте Мошука выгоревшую равнину. Об Эйле с ее мягкой кошачьей грацией — Эйле, которая приносила в его жизнь толику той самой магии, которую нельзя наколдовать, будь ты хоть лучшим магом в мире и Мирах. Вспомнив об Эйле, Оль вдруг понял, что почти не виделся с ней после возвращения из Эллора, а подумав про это, немедленно соскучился.

Он глубоко вдохнул, заставил себя разжать кулаки и сказал:

— Вы верно решили. Тут бы вам трудно пришлось. Люди-то нынче злые, вскидчивые, а вы... Не такие, как надо, чтоб сойти за обыкновенных. Ты, Тахар, еще прижился бы, а эти двое... Алеру за ее длинный язык здесь

забьют лопатой раньше или позже. Да и Элая за его гримасы.

Эльф презрительно двинул челюстью и прищурил зеленые глаза. Алера, против ожидания, ничего не сказала, но прищурилась в точности так же, и удивительным образом по выражению ее лица Оль понял каждое слово, которое она не произнесла.

В сенях глухо хлопнуло, и все обернулись к двери. Мавка лишь лениво дернула ухом, а потом, прислушавшись, вскочила, наклонила голову и тихонько зарычала.

* * *

Крики, которые неслись от птичьего двора, и звон мечей от городской вязницы не переполошили людей, как это случилось бы в любой другой день.

Сегодня в Мошуке хозяйничал западный ветер. Он с возбужденным воем носился по улицам, бросал в лица горожан запахи крови и гари — порывисто, полными горстями, с восторгом.

И людям передавался его запал. И то, что еще вчера испугало бы их и встревожило, сегодня вызывало ощущение свободы и вседозволенности.

Пришел день, когда стало можно все. Это понимал каждый, кого успевал мазнуть по щеке взбудораженный западный ветер.

И каждый торопился использовать эту свободу по своему усмотрению, пока вдруг снова не стало нельзя.

Но ветер, с хохотом носясь по городу, ободряюще визжал, что отныне никогда больше не будет никакого «нельзя».

* * *

В комнату ввалилась Дефара, ногой захлопнула дверь, запуталась в длинном плаще и ворчливо выругалась. Сбросила капюшон, оглядела сидящих заспанными покрасневшими глазами, вяло махнула рукой и пошла к столу — как-то боком, припадая на одну ногу.

От нее пахло лесом и дымом. Волосы были спутанными, одежда — мятой, лицо — опухшим и землисто-серым.

— Ты сдурела — днем по городу шататься? — нелюбезно спросил Кальен, хотя знал, что ночница лишь отмахнется. Она всегда отмахивается, когда ей нечего ответить.

— Им не до меня, — буркнула Дефара, плюхнулась на лавку. Посмотрела на Тахара. Перевела взгляд на Алеру, потом — на Элая. — Порталы хрустят.

— Хрустят, — повторил Тахар. — Раньше, значит, пели, а теперь хрустят.

— Очень громко. Жалостливо так. Не могу спать, — пожаловалась ночница.

Потом ее блуждающий взгляд остановился на тарелке Кальена, из которой маг так и не съел ни ложки. Он молча подвинул тарелку через стол. Понаблюдал, как жадно Дефара заглатывает еду — словно ее не кормили уже несколько дней.

А может быть, так и было? Кальен попытался вспомнить, когда в последний раз видел ночницу. Два дня назад, три? Он не помнил. Лекарня занимала почти все его время, а мысли об отсутствующей ночнице, досада на нее и глухая тоска стали привычными, как усталость после долгой работы, и Кальен даже не заострял внимания на них.

— Тебя точно никто не видел? — спросил он, хотя было ясно, что не может существо в плаще с капюшоном пройти среди дня через взъерошенный город и не привлечь к себе внимания.

— Видели, — прочавкала Дефара. — Какие-то гномы. Но их уже отвлекли какие-то эльфы. Отстань. Сказала же, им не до меня.

— Почему это? — встревожился Оль. Поглядел на Мавку, которая перебралась поближе к хозяину, но косилась на дверь. — Ты чего там устроила? У тебя совесть есть? Хочешь, чтобы мне хату спалили?

— Сегодня сторит много хат, — невозмутимо ответила ночница и с сожалением отодвинула опустевшую тарелку. — Все как пошالели. Вам тут не слышно, у вас окошки во дворик... А это что?

Почти улегшись на стол, ночница потянулась за обрывком бумаги, на котором Кальен со слов Алеры набросал рисунки.

— А это что? — эхом повторил Оль, вставая. Тяжелая лавка поехала по полу с гулким звуком.

Плащ Дефары был порван на спине, под правой лопаткой, и густо измазан темным. На лавку, где сидела ночница, натекла лужица крови — густо-красной, почти черной.

Оль, будто не веря, провел рукой по кровавому пятну, растер липкую жидкость пальцами. Кальен выругался, тоже вскочил, быстро обошел стол, подтащил Дефару поближе к окну, рванул ее плащ. Ночница не возражала, не помогала ему и не сопротивлялась — рассматривала рисунок, шевеля губами.

— Чего ты всполошился? Она ж такие раны за ночь заращивает, не чихая. — Элай тоже поднялся, подошел к другому окну, стал там что-то высматривать, хотя во дворике было пусто и тихо. — А вот кого она притащила за собой?

— Она сказала, что никого, — напомнил Кальен и принялся колдовать над раной. Выглядела она нехорошо, внутри пузырилось, и теперь он слышал негромкие хрипы в груди Дефары. Элай-то, конечно, прав, за ночь на месте удара топориком останется только зудящий шрам — но сейчас-то ей неуютно, хоть и не признается, зараза рогатая!

Маг шептал заклинания, Дефара рассматривала рисунок, а остальные, включая даже Ыча, толпились перед ней и допытывались: что происходит в городе?

Когда ночница наконец опустила лист бумаги, Кальен как раз закончил колдовать. Все остальные враз замолчали, ожидая, что Дефара наконец объяснится.

Она смотрела на Алеру пустыми глазами и держала в опущенной руке рисунок. Рисунок, где была нарисована уходящая через портал ночница с остроносым амулетом.

— Мне нужен твой амулет.

— А моя одежда и лошадка тебе не нужны? — тихо спросила Алера и отступила на полшага, поближе к Тахару. Тот положил руки ей на плечи.

Ыч почесал подбородок и посмотрел на Оля — стукнуть нахалку-ночницу промеж рог или не влезать? Оля посмотрел на Кальена и покачал головой. Тот тронул Дефару за руку, привлекая ее внимание.

— Не дури. Порталы еще не закрылись камнями. Ты не пройдешь.

— Это мы еще посмотрим. И амулет я хочу получить сей вздох, — настойчиво повторила Дефара. — Пока эти трое сами не ушли через портал. А они уйдут не сегодня-завтра, где я тогда амулет буду искать?

— А я как пройду портал без амулета? — возмутилась Алера. — В своих мечтах?

Элай подошел, тоже встал за ее спиной рядом с Тахаром. Дефара дернула губой, обнажая мелкие зубы. Сердитые взгляды неприятно стягивали ее кожу, да еще и рана на спине жутко кололась. У Кальена, держащего ее за руку, подрагивали пальцы, и от этого волнение мага передавалось ночнице еще сильнее, чем если бы он просто стоял позади.

— Это мне не все равно, а ты можешь пройти с любым амулетом. Божиня милосердная, да у любого подлетка забери! Зайди в вербяной поселок по дороге и забери!

При этих словах вздрогнули все, кроме Ыча.

— Вербяной поселок... — повторил Оль медленно, будто прокатывая эти слова во рту и пробуя их на вкус. Помолчал и добавил удивленно: — Я как-то забыл, что он есть вообще.

— Мы тоже забыли, — переглянувшись с друзьями, тихо сказал Тахар.

— И я. — Кальен отпустил руку Дефары, потер лоб. — Даже не смотрел в ту сторону уже... сколько дней?

— И мы не смотрели, — лицо Тахара вытянулось, — даже когда через северные ворота ездили — в ту сторону не глядели. Как будто... как будто там не было ничего никогда, как будто незачем.

— Забывающая? — удивленно переспросил Ыч. — Из разума выживающая?

Ночница нетерпеливо переступила с ноги на ногу. Она не сводила глаз с Алеры.

— Мне нужен твой амулет. Плевать, что вы там забыли или вспомнили. Дай мне амулет.

Алера словно и не слышала, переводила испуганный взгляд с Элая на Тахара и обратно. Оль и Кальен растерянно смотрели друг на друга. Мавка нервно поглядывала на дверь и пригибала голову. Ыч маялся и мечтал все-таки врезать Дефаре промеж рог, но чародей одобрения не давал, а самоуправничать на чужой территории Ыч не мог, потому что был приличным троллем, а не дикарем каким-нибудь.

— Они все оттуда, да? — спросил наконец Кальен у Оля и уточнил, хотя тот и так сразу понял, о ком речь: — Потеряшки эти, которые дома своего не помнят. Они жили в вербяном поселке?

Гласник кивнул.

— Как это может быть? — Алера прижала ледяные пальцы к щекам. — Кто мог насрать забвение на целый город... зачем?

Все молчали.

— И почему именно поселок? — спросил Тахар. — Кому он понадобился, для чего? Что там такого, в вербяном поселке?

— Дети, — чужим голосом сказал Кальен, — ведь все потеряшки — взрослые, ни одного ребенка. Подлетки остались там, и они не искали своих родных, они там затеяли... Что они затеяли? — Маг помотал головой. — Не получается. Они не могли сделать это сами. Что еще есть в вербяном поселке?

— Вербянник.

Все обернулись к Элаю.

— Вербянник, — повторил он. — Я говорил, что он детей окучивает. Говорил?

— Охрип? — Оль замотал головой. — Да он же просто призорец. Он в поселке живет уже сколько... Года три? Да не мог он!

Под хмурыми взглядами гласник смешался. Ясно было, что происходящее в поселке, чем бы оно ни было, не могло пройти без ведома Охрипа, и раз тот не прибежал жаловаться — значит, все хорошо знал и не возражал.

— Да он попросту не мог заставить город забыть про поселок! Он не умеет такого, он же вербьяник, а не забываник! Ну пусть он завязан еще с каким-то тварем... точно как-то завязан... что-то там еще есть. Что-то, чего взрослые не должны были увидеть. Или кто-то. Кто? А они живые ли — Охрип и дети, а?

— Нужно найти Хона, — перебил Кальен. — Сей вздох.

При этих словах оцепенение спало, все, словно очнувшись, засуетились, заспешили, гурьбой посыпались к двери, не обращая внимания на возмущенные окрики Дефары.

— Помогаящая, — радовался БЧ, вперевалку поспевающий за Олем, — морды набивающая, лица отрывающая, славно помогающая!

* * *

На улице, где стоял дом Оля, всегда было тихо, даже в дни самых пьяных народных гуляний. Было тихо и в этот день, когда город захлестывал западный ветер. Но с соседних улиц доносились крики, лязг и грохот, сразу с нескольких сторон видны были столбы черного дыма. Разлохмаченными лентами они вились над низенькими срубами, над голыми вишневыми деревьями, поднимались в серое осеннее небо и растворялись в нем, как души умерших растворяются в посмертной благодати под Божиным порогом.

— Ну бдыщевый ты хвост, — оценил Элай.

У Оля тоскливо заныло под ребрами, а потом словно большая холодная ладонь сжала что-то в животе, скрутила, заставляя стиснуть зубы до хруста. Гласник с трудом вдохнул, поперхнулся и закашлялся, и его тут же скрутило еще сильнее, до того, что пришлось согнуться.

— Ты что? — Алера схватила его за плечо. — Тебе плохо?

Оль замотал головой, закрыл рот рукавом.

— Предвестие, — буркнул Кальен. — На случай, если кто-то неунывающий еще не понял, что вокруг нас — одна большая бдыщевая...

— Так давайте вернемся в дом! — Алера потянула Оля обратно во

двор. Гласник уперся, еще яростней замотал головой.

— Аль, не дури. — Тахар закончил выплетать заклинания, и теперь по правой его руке бегали рыжие сполохи, а пальцы левой подергивала сизая дымка. — Его дом сегодня вниманием не обойдут. Давай, забирай самое нужное — и ходу отсюда!

Оль выпрямился наконец, отер с глаз проступившие от кашля слезы, а другой рукой, сам не заметив этого, перехватил ладонь Алеры. К его ногам прижималась Мавка и дрожала так, что тонкая шерстка на кончиках ушей развевалась, как под ветром.

Крики и звон стали отчетливей.

— Некогда. Террия нужно найти.

— Наместника? Ты спятил? — холодно спросил Элай. — Нам нужно уходить, самим, сей вздох!

— Да уходите вы куда хотите, — потеряла терпение Дефара, — амулет мне отдайте наконец!

— Разбежалась. — Алера сжала покрепче руку Оля, а вторую положила на рукоять клинка. — Нам, может, через портал драпать придется, где я по дороге другой амулет найду?

— Дефара, отстань от нее, — бросил Кальен.

— Не отстану. Может, она последние вздохи доживает — где я потом буду ее тело искать, чтоб снять амулет?

— Да заткнитесь вы все! — рявкнул Оль и решительно зашагал по улице, не заметив даже, что все еще тянет за собой Алеру.

Но та и не возражала, последовала за ним, только бросив сердито:

— На кой тебе наместник *теперь-то*?

Оль не ответил. Да она, хоть и досадовала — сама понимала: гласник должен именно наместника спасать в первую голову. Наверняка есть даже важные предписания на такой случай. Ведь что бы ни происходило в городе и с городом — когда-нибудь это закончится, и тогда потребуется человек, который решит, что будет после. А если такого человека не окажется — можно считать, что и город пропал.

— Мы так не договаривались, — недовольно проворчал Элай, догоняя их.

— Мы никак не договаривались, — буркнул Тахар, поравнявшись с эльфом.

— Но у меня даже меча с собой нет!

Бч молча шел сзади, ступая, как всегда, совершенно бесшумно.

— Эй! — заорала Дефара.

Алера, чуть замедлив шаг, раздраженно дернула с шеи кожаный

шнурок с остроносый серый камешком. Хотела, не глядя, бросить его за спину, но передумала и обернулась.

Ночница подошла.

Крики и звон стали еще ближе — наверняка беспорядки переместились уже на соседнюю улицу.

— Откуда вы все знали? — мрачно спросила Алера. — Вы, азугайские призорцы. Про демонов, про Кристаллы, про драконов и как до них добраться. Про порталы, про орков-магонов и первого демона. Откуда? И при чем тут... — Она запнулась, посмотрела на Тахара. Одними губами добавила: «Шель и.....его родители».

Дефара нетерпеливо поморщилась:

— Как говорят элорцы: точный вопрос — большая часть ответа. По твоим вопросам ясно, что до ответа ты и сама додумалась. Дай мне этот бдыщев амулет!

Губы Алеры дрогнули, она на вздох сжала пальцы крепче, и остроносый камешек клюнул ее ладонь. Одиннадцать лет она не снимала этот камешек с шеи. Могут ли взрослые люди убежать от надоевшей каждодневности — просто взять и уйти? Они трое — могли. Очень даже легко.

Быть может, завтра у нее будет уже другой амулет, в самом деле отнятый, или купленный, или выменянный у какого-нибудь подростка. Но это будет уже не серый остроносый камешек, который в двенадцать лет повесил ей на шею дедушка.

А может быть, и никакое «завтра» уже не наступит.

Алера заставила себя разжать пальцы, последним прощальным движением провела по камешку и бросила амулет Дефаре. А потом развернулась и решительно направилась к концу улицы, туда, где слышались вопли и звон.

— Пойдемте. Найдем этого никчемного наместника.

Дефара и Кальен остались одни посреди серой пыльной улицы. Маг криво улыбался, глядя на ночницу, а она, внезапно смутившись, как девочка, ковыряла слежавшуюся землю носком сапожка.

— Я бы хотела взять тебя с собой. Правда.

Кальен смотрел на нее ласково и внимательно. Запоминал. И улыбался. Потом поддернул пальцами ее подбородок.

— Нет. Не хотела бы.

Крепко обнял ночницу, вдохнул пряный запах ее волос, быстро клюнул в щеку и размашисто пошагал в конец улицы, догонять остальных.

Какое-то время по обезумевшему городу удавалось продвигаться незамеченными: горожане были слишком заняты сведением собственных счетов, чтобы смотреть по сторонам, даже тролль не привлек их внимания. Только один раз Кальен шугнул двоих эльфов, тащивших в подворотню верещающую девочку-гномку, да еще пришлось задержаться в торговом квартале, помогая ювелиру и его помощнику пробраться через пожарище — лавки полыхали через одну.

Мавку Оль нес на руках, всю группу окружали навешенные магами прозрачные щиты. Они больше успокаивали, чем могли защитить в случае настоящей опасности, но на пару ударов клинками или копьями их должно было хватить.

В ратуше наместника не оказалось. Здание стояло немного на отшибе, теперь оно было совершенно целым и почти пустым, только жались по углам перепуганные счетоводы, да призорец-ратушник носился по двум этажам с причитаниями. Кое-как удалось от него добиться, что Террибар недавно убежал к птичнику. Кто-то из глав гильдий сообщил, что там беспорядки, и наместник испугался за жену: Нэйла много времени проводила, ухаживая за курами и гусками.

— И Эйла ей помогала, — побелевшими губами пробормотал Оль.

До птичника было четыре квартала, и в начале последнего их поймал западный ветер.

Хлестнул по разгоряченным щекам, обдул лица запахом крови, горелого дерева и ужаса, закружил вокруг, бросая в глаза пыль и спутывая волосы.

Оль видел, как эльф, с руганью отплевываясь, перетягивает длинные пряди кожаным лоскутом. Алера одним движением скручивает волосы в узел. Черные глаза ее бегают, силясь высмотреть тени в переулках, а пыль меж тем поднимается такая, что Оль даже не может разглядеть крупные веснушки на ее щеках. Ыч сердито фыркает, прикрывает глаза ладонью.

А потом досада на этот шальной пыльный ветер выплескивается в совсем другую злость. В яростное раздражение на людей и орков, что с гогомом носятся по улицам, швыряя камни в окна. На эльфов и гномов, которые жарят кое-как оципанную птицу прямо на вертелах у домов. На взъерошенных горожан, перемазанных кровью и копотью по самые глаза.

Там и сям дерутся — группами, по одному и по двое, на мечех и палками, некоторые размахивают граблями и вилами. Горит пристройка,

где хранилось зерно для птиц, двери ее открыты, на несколько шагов вокруг густо рассыпан овес и кукуруза.

Через вопли и гогот прорывается вой.

Только угол ограды птичника виден из-за горячей пристройки. По дороге то и дело попадаются люди, и каждый из них бесит, бесит, бесит! Нельзя просто пройти мимо — нужно толкнуть, задеть каждого, даже не глядя на него, почти не замечая сердитых окриков и ответных тычков. И когда только успели развеяться щиты?

— Террий!

Наместник сидит за перегородкой, внутри птичника, прямо на земле, возле какой-то лужи и грязных мешков с торчащими из них палками. Сидит и воет, раскачиваясь взад-вперед.

Алера шипит, как от внезапной боли, Кальен ругается в голос. Остальные молчат. От горячего соленого запаха сжимается в животе.

На щеках Террибара — глубокие царапины, лицо и одежда перепачканы бурыми и черными полосами.

Лужа перед ним — это кровь, мешки с палками — это два женских тела. Они истыканы вилами до бесформенной массы, и трудно понять, где заканчиваются части тел и где начинаются комья взрытой земли. Лица растоптаны, изуродованы, длинные волосы — пакля из грязи и крови.

Узнать истерзанные женские тела можно только по кистям рук с длинными пальцами. На окровавленных запястьях — глубокие тонкие борозды от сорванных серебряных браслетов. Террибар держит в своих ладонях эти мертвые хрупкие руки, качается взад-вперед и воет.

— Эйла.

Оль вцепляется в ограду, выпуская Мавку. Та легко, как кошка, приземляется на короткие лапы, несколько вздохов глядит на наместника, потом поднимает голову и заходится пронзительным, почти человеческим плачем.

Оль сжимает ограду крепче, не чуя, как занозит ладони и в кровь царапает пальцы. Ему кажется, что деревяшки крошатся в руках. Он хочет сей вздох оказаться в начале квартала, где жарят на вертелах плохо оципанную птицу. Оказаться там и одним взмахом превратить тела стряпунов в такое же месиво, как то, что осталось от двух эльфиек.

Ветер ледяными пальцами проводит по щекам гласника. Оль не знает заклинания, которое могло бы прокатиться по улице, разбрасывая перед собою людей, ломая их кости и сминая тела. И оттого, что он не знает такого заклинания, его злость превращается в дикую, слепую ярость.

— Вот вы где, колдуны паскудные! — орет кто-то сзади, и Оль, даже

не взглянув на кричащего, с разворота бросает в него веер голубых клинков.

Подвешенное на руку заклинание, замешанное на злости, оказывается таким мощным, что вспарывает человека пилой, прямо под горлом. Он несколько вздохов стоит, ошалело глядя на гласника и силясь глотнуть, и его шея толчками исторгает сгустки бурой крови. Топорик с глухим лязгом падает наземь, вслед за ним оседает тело.

Оль смотрит на убитого человека без всякого испуга и удивления, и сожалеет лишь о том, что не может сделать то же самое с каждым, кто был здесь, на птичнике. Что его магической силы на такое не хватит. Ветер ободряюще треплет короткие светлые волосы Оля.

— Ты что творишь, сволота!

Со всей улицы к птичнику бегут люди с топорами, вилами, палками.

Бч восторженно ревет и выхватывает дубину, но горожане, подбадриваемые возбужденным воем ветра, больше не боятся тролля.

Гласник один за другим скидывает башмаки и зарывается пальцами ног в холодную землю, спешно напITYвается ее мощью. Земля, только что умытая кровью, так же спешно отдает эту скользкую, тошнотворную энергию, и Оль принимает ее, едва не захлебываясь. В животе у него все связывается в тугой узел от жуткого запаха с птичника и от предвестия, панически толкающего под ребра.

Мавка с воинственным лаем кидается вперед, проносится мимо Оля белым лохматым прочерком. Прыгает на гнома, что бежит первым, впивается маленькими острыми зубами в его ляжку.

— Ах ты ж тварь! — ревет гном, хватает собаку за хвост и с размаха бьет оземь. Визг боли обрывает башмак, с хрустом наступивший на маленькую белую голову с потешными острыми ушками.

— Мавка!

Прежде чем Оль успеваает что-то сделать, Тахар швыряет в гнома подвешенное на руку заклинание. Гном подлетает так высоко, что его крик становится почти неслышным, а потом, набирая скорость, с пронзительным воплем несется вниз, с хрустом-чавканьем ломается оземь и замирает бесформенным кулем рядом с мертвой собакой.

Оль даже не представляет себе, что это за заклинание, и его уважение к самоучкам немедленно вырастает до небес — так же высоко, как подлетел гном. Оль не замечает, что по его щекам текут слезы, только удивляется, отчего так плохо видит людей.

А их очень много. И все они так же злы, как гласный маг. Ветер подгоняет людей бежать к птичнику — быстрее, быстрее! Нашептывает

что-то ободряющее в уши, нетерпеливо взмывает выше, бросается к тем шестерым, что стоят у ограды с заклинаниями, мечами, дубинами наготове. Им тоже бросает в лицо злой и шалый задор, и подталкивает в спины, и снова взлетает повыше, чтобы посмотреть, что же он, ветер, натворил.

Широко машет тролля дубина, ломая древки копий, вил и грабель, потом с той же легкостью проламывает пару черепов. Тускло блещут мечи в руках Алеры и Элая, утихомиривают тех, кто умудряется поднырнуть под взмахами дубины и подобраться слишком близко. Девушка и эльф, держа в руках одинаковые клинки, двигаются слаженно и легко, как один человек. Глядя на их отточенные движения, Оль вспоминает, как ловко колдуют в паре Бивилка и Шадек.

— Подстилки чародейские! — орет кто-то из толпы.

И откуда набралось столько народа? Как будто полгорода сбежалось, чтобы разорвать на куски своего гласника.

Оль швыряет голубые клинки горстями, не глядя. Они уже не такие мощные, как первые, но раны оставляют глубокие, и под ногами наступающих становится скользко от крови.

Сзади глухо стонет Террибар, словно не замечая, что происходит в пяти шагах от него, за оградой птичника.

Кальен только и успевает, что выставлять щиты. Они лопаются один за другим, с тихим звоном, но пока не дают толпе подобраться вплотную, взять в полукольцо прижатых к ограде людей и тролля.

Калитка на другой стороне ограды, к ней не пробраться. К тому же Оль понимает, что стоит лишь сделать шаг назад — толпа бесповоротно осмелеет и обезумеет, разорвет всех шестерых голыми руками. Пока их еще держит на расстоянии длиннорукий тролль с огромной дубиной и заклинания.

Это ненадолго.

— Огнем жечь!

Тахар бросает Сети, потом швыряет вверх еще пару человек, и Оль все думает, что у самоучки вот-вот закончатся силы, но потом вспоминает про Кристаллы. Наверняка у Тахара есть камень, дарующий силы магу воздуха.

Из-за спин людей вылетают горящие ветки и палки, и Оль тут же отбивает их выпуклыми упругими щитами. Магистр оборонной магии Дорал мог бы гордиться своим учеником.

Жаль, что некому будет ему рассказать, как долго продержался гласник Мошука перед толпой прежде, чем она его смела.

Его и тех, кто был с ним.

Толпа людей, которых он собирался спасти. Одного за другим.

От этой мысли Оль ярится еще сильнее, пытается глубже зарыться ногами в холодную землю. Она забивается между пальцев щекотными комьями, силится отдать магу последние крохи энергии.

Взрыкивает Ыч, хватается за плечо, пробитое болтом из самострела. Второй болт втыкается в бок, между ребер, и тролль, охая, роняет дубину.

Сверху сыплются новые горящие палки, одна проскальзывает между щитами, как живая, и опалает гласнику спину. Оль, не разобравшись, шарахается и прижимает собою палку к ограде, обжигаясь еще сильнее.

— Вытопчем гадов! С куриным дерьмом смешаем!

Западный ветер, пьяный от звуков и запахов убивающего себя города, сильно дует на упавшую ветку, распалая огонь, с воем кружится по улице, подзуживает людей, и все более исступленными и бессмысленными становятся их крики.

Ыч ревет от возмущения и боли, когда еще два болта один за другим пробивают его живот.

Оль, не придумав ничего лучше, вкладывает последние силы в небольшого фантомного дракона, и тот идет на горожан, пыхая дымом изо рта. Одуревшие люди уже не понимают, где правда, а где иллюзия. Кто-то бежит от дракона, кто-то опускает меч в растерянности, кто-то прячется за спины впереди стоящих. Толпа медленно пятится.

Ветер швыряет в лица запахи. Кровь. Мокрая земля. Горелое птичье мясо.

Кальен колдует над раной Ыча, пальцы мага окутывает маслянисто-желтое сияние, он что-то бормочет про быстрое кровевосстановление у троллей. Ыч чувствует, как скользко становится под ногами, как трудно и тошно — внутри. Он прижимает к животу ладони, и пальцам делается горячо и мокро.

Ыч видит, что толпа обходит дракона и снова движется к птичнику. Хватаются за руки Алера и Элай, делают полшага назад, а Тахар обхватывает ладонями их плечи, обнимая сразу обоих. И сквозь вопли людей Ыч ясно слышит низкий вой расколотого щурового рога, которым воинов призывают к Вечному Костру.

Ыч поднимает лицо к низкому серому небу и во всю глотку кричит, ругаясь на щуровы выходки: если он сейчас уйдет, то некому будет защитить чародея и его друзей от безумной толпы.

К тому же Ыч не думал, что услышать щуров зов ему придется так скоро.

Глава 8

В недрах Недры

Ты был близок, но далек.

*Присказка недричан, живущих подле
Драконовой Чаши*

— Ты не дойдешь.

Старуха обронила эти слова, как горох из дырявого мешка, мазнула по Бивилке взглядом узких глаз и пошла мимо столика дальше.

В таверне было так шумно и чадно, что магичка поначалу решила, будто ей послышался этот голос, сухой, как трескучий гороховый стручок. Привиделся взгляд темных глаз из-под припухших век. Причудилась эта старуха, низенькая, лохматая, похожая на страдающего трясучкой багника в меховых одеждах.

Но ее слова застряли в воздухе сухой многоголосой трещоткой: «Ты не дойдешь, не дойдешь, не дойдеш-шь...»

Бивилка поморщилась и оглянулась, но старуха уже скрылась где-то между столиков в самом темном углу, среди таких же низкорослых жилистых людей с узкими глазами. Свечные отблески выхватывали из темноты грязные смоляные волосы над меховыми накидками и пестро расшитые одежды, почти скрытые под украшениями из деревяшек, камешков, перьев, клыков.

В Недре все были невысокими, худыми и узкоглазыми. Казалось, местные жители смотрят на приезжих с подозрительно-издевательским прищуром и замышляют какие-нибудь свои, недричанские пакости. Даже орки тут были узкоглазыми и мелкими — ростом с человека. Эльфов и гномов путники не видели ни разу за все дни путешествия по северному краю. После первой встречи с местным орком Шадек заявил, что недричанские гномы просто выродились до размера крыс, поэтому их трудно разглядеть.

— Что ты все время дергаешься, поганка?

Шадек сидел, поставив ногу на соседнюю лавку, и тихонько перебирал струны бузуки. С первых дней в Недре ему не давали покоя обрывки тягучей мелодии, которые он никак не мог собрать во что-то осмысленное:

звуки вязли между пальцами и путались в мыслях — никак не получалось ни музыки, ни слов, но отдельные их кусочки все вертелись в голове и никак не отставали. Шадек сердился на бузуку, у него щемило сердце оттого, что вдали от эльфийского края они с ней потеряли связь с памятью Кинфера. По словам Имэль, старшей эльфийки, именно эта связь побуждала Шадека сочинять музыку и песни.

— Та бабка что-то знает. — Бивилка нахмурилась, и на ее лбу прорезалась пара морщинок. — Откуда она знает, что мы куда-то идем?

— Какая еще бабка? — рассеянно спросил Шадек, не поднимая глаз, и нараспев протянул: — Откуда бабке знать, что мы куда-то идем?

Бивилка еще несколько вздохов смотрела на него, ожидая чего-то, но он так и не повернул головы, и магичка неохотно вернулась к своей тарелке с кашей.

Хвала Божине, которой в Недре не поклонялись, — здесь хотя бы говорили на общей речи. И мертвяги-собаки никого не смущали. Гасталла, отмывший животных и справивший им кожаные накидки, уверял, что местные принимают их за ездовых псов — диковинных, но живых. Ведь в краю, где нет магов и магии, никто не мыслит о встрече с перерожденными мертвецами.

Дорал же стоял на том, что собак просто не замечают: слишком заняты, плясь на путешественников, которые едут в повозке.

К чужакам в Недре явно не было привычки, и где бы маги ни появились — они притягивали к себе все взгляды. Их рассматривали с любопытством, внимательно и без стеснения, как удивительного зверя из далекого края. Всякий раз, заговаривая с местными, Дорал боролся с недостойным магистра стремлением скорчить рожу или выпучить глаза и заухать, как сова.

Они потеряли счет дням. Ехали долго и часто меняли направление. Мерзли — в Недре уже наступила настоящая зима, с неба сыпался снежок, и кожаная накидка на повозке не спасала. Молчком опасались, что ходят кругами, но наверняка сказать было невозможно: ни солнца, ни звезд нельзя было разглядеть за низким кудлатым небом, а все остальное вокруг было словно по одной форме отлито.

Они путались в одинаковых на вид взгорьях, равнинах, узких речушках и бесконечных сосновых лесах. Натыкались на селения, которые с виду тоже были одинаковыми: каменная ограда, пара десятков деревянных домов на каменной подложке, лавка, таверна. В тавернах одинаковые темноволосые и узкоглазые люди предлагали путникам одинаковую еду: кашу с мясом и жирной подливой, темный хлеб с

неведомыми семенами, пласты сала и вяленины, взвар из сухих ягод и трав, суп из рыбы, в котором плавали кое-как нарубленные тушки вместе с головами.

Бивилка вела их спокойно и уверенно, а потом вдруг сбивалась и металась, как потерявшая след собака, указывала то в одну сторону, то в другую, впадала в задумчивость, просила передышки, а потом все начиналось по новой.

Старшие маги тревожились. Осторожно, чтобы не обижать Бивилку, они пытались узнать у местных, как побыстрее добраться до Драконовой Чаши, но недричане воспринимали вопросы как глупую шутку. Между собой Дорал и Гасталла порешили, что отсюда просто слишком далеко до драконового обиталища, потому местные жители ничего не знают. Как можно не знать, где находится место, издревле кишевшее драконами, маги старались не думать.

Бивилка становилась тревожнее и мрачнее с каждым днем. И только Шадек сохранял остатки беспечности, хотя и он временами становился задумчиво-рассеян, и почти перестал подначивать Бивилку. Со скуки он создавал фантомы, и получались они такими сложными, изящными, достоверными, что даже старшие маги косились на них с легкой завистью.

— Такой сильный, способный маг, — ворчал Гасталла, — а мается не пойми какой ерундой. Отчего сильному способному магу ерундой маяться, а?

Шадек не отвечал, только по-кошачьи щурил светлые глаза. А Дорал усмехался.

Заканчивались деньги и припасы. Гижукские монеты тут принимали по весу и довольно охотно, а в деревнях временами подворачивалась работа для магов. Тогда платили местными деньгами или продуктами. Случалось это нечасто: недричане разглядывали пришлых с любопытством, но заговаривать не торопились, предложения помочь встречали настороженно и удивленно. Путники склонялись к мысли, что в Недре не только своих магов нет, но даже заезжие не встречаются.

Пригождались в основном умения Гасталлы — в свое время он не просто разъезжал по Ортаю под видом лекаря, но и на деле неплохо разбирался в хворях. Как пояснял некромант, «нельзя успешно заниматься смертью тел, пока не узнаешь все возможное об их жизни».

— Эт ты, штоль, лекарь?

Вопрос словно сам по себе вплелся в невеселые мысли магов. Гасталла прищурил болотно-зеленые глаза, внимательно оглядел подошедшего к столу орка в расстегнутой меховой куртке.

— Эт я лекарь, — произнес, почти не разжимая губ, — лекарь, штоль, я.

Орк переступал с ноги на ногу, сильно раскачиваясь, будто меховые сапоги жгли ему ноги.

— Свин мой хвораит. Доходит. Беда. Поглянь, а?

Гасталла брезгливо поджал губы, и Дорал подумал, что некромант предложит орку дожидаться «беды», а потом превратить драгоценного свина в мертвягу и наслаждаться его обществом еще многие лета — шутка вполне в духе Гасталлы. Видя, как щурится некромант, Дорал собрался было пнуть его под столом — но тот, к счастью, и сам сообразил, что достоинство маговское — это одно, а голод, холод и полная таверна чужаков — совсем другое.

Кивнул. Приложил пальцы правой руки к левому плечу, приветствуя нанимателя по устоявшемуся обычаю, о котором в Недре знать не знали. Еще раз скривил тонкие губы, чтобы орк вдруг не подумал, что маг берется за работу с радостью, и медленно поднялся.

Его спутники тоже встали — с едой было давно покончено, так и так пора уходить. Они просто немного оттягивали время, когда снова придется выйти в этот сизый сонный день и отправиться дальше. Бдыщевая мать пойми, куда именно «дальше».

Поднявшись на ноги, Дорал снова удивился, какие же мелкие местные орки. Этот оказался ниже магистра ростом, и ни в лице его, ни в стати не было ничего, что роднило бы его с ортайскими, гижукскими, алонийскими сородичами — огромными, могучими, румяными.

— Воздам, — орк назойливой мухой вился перед магами, мешая идти и едва не тыкаясь в грудь Гасталлы, — чем схочешь. Монетами, едой. Спаси свина, спаси! Породный свин, один в округе!

Четыре мага и орк в расстегнутой куртке вышли из таверны.

У самого порога Бивилка обернулась и встретилась взглядом с темными старушечьими глазами. Они глядели внимательно и грустно из-под узких, будто припухших век.

* * *

Свин был размером с теленка, весь в жирных складочках, а из-за густого жесткого меха казался еще массивней. Из пасти торчали большие желтые клыки, расчеркивали темную шерсть и делали выражение морды похожим на мучительную полуулыбку. Свин лежал на боку, снулый и

вялый, в груди его хрипело, коричневые сбитые копытца подрагивали.

Поглядеть на работу лекаря и попереживать за драгоценного свина сбежалось все орочье семейство. Поскольку они не орали, не причитали и громких звуков не издавали, Гасталла разгонять их не стал, зато раскомандовался с размахом: принести больше плашек с жиром, нагреть чистой воды в котле, приготовить ненужные мешки...

Шадек и Дорал следили за действием с интересом, а Бивилка тихонько вышла из хлева. Ей было жалко страдающего свина и стыдно перед ним за то, что вокруг собралось столько любопытных зевак — словно животное было частью базарного представления.

Магичка прошла по двору в сопровождении большого лохматого пса, похожего на тех, что волокли их повозку. Посмотрела через загородку на жирных уток с подрезанными крыльями, которые жались друг к другу и поджимали перепончатые лапы, но в курятник упрямо не шли. Послушала бляенье овец из соседнего двора. Присела на лавочку под поленницей недалеко от калитки, сунула руки в рукава, зарылась подбородком в воротник и закрыла глаза.

— Ты не дойдешь.

Бивилка вскинулась и обернулась на шелестящий въедливый голос. Старуха сидела подле нее на лавочке и глядела в одну точку перед собой. Казалось, что узкие глаза прищуриваются, вглядываясь во что-то, неразличимое для других.

Бивилка не знала, когда старуха появилась во дворе. Магичка была уверена, что прикрыла глаза всего на полвздоха — но, может быть, незаметно задремала? Она ждала, но женщина больше ничего не говорила. Потирала большие пальцы сложенных лодочкой рук. Ее волосы были склоты в пучок двумя длинными деревянными палочками, и ветерок трогал выбившиеся из него седые прядки. Капюшон расшитой куртки — на спине, и оттянутые костяными серьгами уши чуть покраснели от холода.

— Вы кто? — спросила Бивилка.

Старуха двинула головой — едва заметно, только костяные серьги качнулись.

— Откуда вы взялись?

Снова молчание и отсутствующий взгляд в одну точку. Магичка выпрямилась на лавке, полуобернувшись к старухе, и лоб ее прорезали две тонкие морщинки.

— Почему я не дойду?

— Потому что ты ищешь дорогу глазами. Они видят много лишнего. К самому главному приходят иначе.

Морщинки на лбу магички стали глубже. Старуха говорила загадками, и Бивилка хотела объяснить, возразить: ведь образы, направляющие искателей, всегда были именно зримыми. Но магичка подозревала, что ответом на ее возражения снова будет отсутствующий взгляд, и к тому же что-то в словах старухи зацепило ее.

Поэтому Бивилка ничего не сказала, а снова нахохлилась, поуютнее устраиваясь в своей теплой куртке, прикрыла глаза и задумалась.

Первое, чему учат искателей, — переиначивать энергию поискового заклęcia в зримый образ. Течение этой энергии могло представляться в разных видах: указующая стрелка, протянувшаяся нить, летящая стрела, идущая впереди тень, рой мошканы или ярких пылинок. Однажды Бивилка встретила искателя, у которого все образы были завязаны на тропинки из цветной листвы, которые стелились под ногами или в воздухе.

Со Старшим Змеем вышло трудно. Дефара сама его не видела — в ее памяти хранился только образ, переданный когда-то другим драконом. Хотя и не без труда, но Бивилка сумела его считать, однако плохо представляла себе, как именно выглядит этот Змей. В голове поселилось не само существо, а ощущение — Змей был могуч, мудр, сер и грозен. А путь к нему указывали белые суетные мошки, которые то и дело терялись среди снега, что тонким слоем укрывал землю и срывался с небес.

Старуха хочет сказать, что если Бивилка перестанет высматривать белую мошканы — она сможет найти Змея как-то иначе? Как?

— Гон-Га! Гон-Га!

Бивилка открыла глаза. Низенькую дощатую калитку с той стороны трясла незнакомая женщина. Лицо ее страдальчески кривилось, и глубокие складки делали женщину похожей на большой гриб-волнушник. Растрепанные волосы с густой проседью падали на куртку из светлого меха, наброшенную на плечи поверх темного платья из грубой ткани. На Бивилку она не смотрела, хотя не могла не видеть девушку.

Магичка покосилась на лавку рядом с собой. Старухи не было.

Женщина, глядя на дом и задыхаясь от волнения, продолжала кричать:

— Гон-Га!

Бивилка не знала такого слова.

Из хлева выглянула жена хозяина.

— Чего орешь?

— Мор-Ра сбежала-а! — выкрикнула женщина и заплакала. Обветренные губы скривились, слезы потекли из глаз и тут же затерялись в глубоких складках на лице, вцепившиеся в калитку пальцы побелели.

— Лишенько, — шепотом охнула орчиха, запахнулась плотнее в

пушистый платок, накинутый поверх домашнего платья, и заспешила к калитке, шаркая ногами в слишком больших для нее башмаках.

Бивилка, по самый нос уткнувшись в воротник куртки, переводила взгляд с орчихи на гостью и думала, что не хочет слышать никаких подробностей. Хочет немедля встать и уйти. Куда угодно — хоть к таверне, подле которой ждет их телега, хоть в хлев, где мучается-доходит ценный свин. Только бы подалее.

Но магичка не смогла встать и пройти мимо встревоженных женщин, хотя те на нее и не смотрели. Осталась сидеть и глядеть исподлобья.

Орчиха отворила калитку, ввела гостью во двор, придерживая за плечи, а та заходилась плачем:

— С утра сбежала-а! Батька ви-идел! Видел и молча-ал... в лес, в лес ушла, в чем была ушла-а, в домашнем, домашнем... Пропадет! Пропадет, околет... там же во-олки-и...

— Ну погоди, погоди, — бормотала орчиха, — Гон-Га сей вздох выйдет, со свином закончит и выйдет, собаку возьмет, пойдет искать. Может, отыщет, отыщет непременно!

— Так ведь с утра-а...

Бивилка вжалась в лавочку и крепко зажмурилась, как будто этим можно было заглушить отчаянную сбивчивую речь. Или как будто женщины знали, что на лавочке перед ними съежился один из лучших магов-искателей Ортая.

Встать. Подойти к рыдающей женщине, взять ее за руки. Очень спокойным и убедительным голосом попросить представить... дочку? Да, наверное, дочку. Считать образ — яркую картинку с колкими краешками, какими обычно бывают образы потерявшихся детей в головах их родителей. Выплести поисковое заклятие и пойти по нему, как по нитке, — когда Бивилка искала детей и подростков, заклинание обычно представлялось клочьями цветной пряжи. Пойти и найти эту девочку, которая наверняка уже сто раз передумала сбежать из дома в своем домашнем платье. А может быть, найти не девочку, а то, что осталось от нее после волчьих зубов или сердитого лесного холода, в который нельзя убегать в одном домашнем платье.

В любом случае — найти.

Бивилка осталась сидеть, зажмурив глаза и зарывшись подбородком в воротник куртки.

Она не могла считать образ потерявшейся девочки, потому что тогда из ее головы ушел бы образ Старшего Змея. Она не могла спасти одну девочку, потому что ей нужно было спасти весь мир.

— Гон-Га! Гон-Га!

Было слышно, как хозяин выходит из хлева, как женщины сбивчиво рассказывают ему, что случилось. Потом хлопали двери хлева и дома, слышались шаги и голос Гасталлы, звенела цепь и шуршали кожаные ремешки, и потом хозяин ругался на собаку, которая никак не хотела стоять смирно, пока Гон-Га закреплял ремень на шейной цепи. Потом женщина убежала за какой-нибудь вещью потерявшейся девочки.

Пока она бегала, слышно было, как переговариваются Дорал, Гасталла и орк. Звенели монеты, что-то шуршало и сухо пересыпалось, потом вкусно запахло подкопченным мясом, и Бивилка поморщилась, вспомнив сожженную деревню в Гижукe.

Шаги приблизились к лавочке, и Бивилка узнала уверенную размашистую поступь Шадека. Открыла глаза и поднялась, глядя в укрытую снегом землю. Она чувствовала на себе вопросительные взгляды магов и понимала, что они готовы остановить ее порыв. Не дать ей что-то объяснить хозяевам, предложить помощь, дожидаться соседки, убежавшей искать одежку сбежавшего ребенка.

Бивилка, стиснув зубы, смотрела в землю и молчала. Она и сама знала, что не может спасти девочку или даже десяток девочек, потому что спасает целый мир.

Потом вернулась соседка с какой-то тряпицей, за ней подтянулись люди из других дворов, и все, позабыв про магов, принялись бурно обсуждать предстоящие поиски.

Четыре мага, включая одного из лучших искателей Ортая, вышли со двора, не прощаясь и не поднимая глаз.

* * *

Чтобы не будить Бивилку, Шадек перебрался в переднюю часть телеги, где был откинут полог. Там сидел Дорал, сосредоточенно вглядывался в ночной лес и думал о чем-то своем.

Некоторое время маги молчали, только протяжно-сбивчиво напевала бузука. Мотив все никак не давался Шадеку, ускользал, оставляя грустные протяжные обрывки. И никак не придумывались слова, только мелькали в голове образы: цветастые колючие обломки, шелест листьев под ногами, мрачные закатные небеса.

— Ну и кто прав, магистр? — спросил Шадек, отчаявшись выцарапать из бузуки неподатливую мелодию. — Мы или те, кто остался в Ортае?

— Я не знаю, — тут же ответил Дорал. — Не может быть единого ответа, у всех нас есть по кусочку правды. Каждый выбирает по себе. Цель, дорогу, способы...

Шадек сердито дернул струну, и бузука злобно взвизгнула.

— Конечно, каждый выбирает по себе. Только мы, маги, не можем просто решить, что нам по нраву, и успокоиться на этом. Мы, выбирая свое, решаем за других тоже. Вот это паскудное в нашей маговской жизни, именно этого не хотят самоучки. И вот мы решили: будем бросать одиночек ради спасения многих. А как это решение соотносится с нашим долгом, а, магистр? Мы раз за разом будем бросать одного человека ради спасения всех, и в оконцовке и просто людей не останется? А для кого тогда будет наша большая цель?

— А что получится, если мы станем спасать каждого, пока гибнет целый мир?

Шадек пожал плечами и уставился в небо. Сквозь низкие клокастые тучи проглядывала луна, и за этими рваными тучами она казалась похожей на череп.

— Сколько времени мы в дороге? — в конце концов спросил он. — Я сбился со счета. Месяц, дольше? Скольких людей мы спасли за это время — ни одного? А скольких спасли те, кто остался в Ортае? Вот теперь давайте, расскажите мне еще раз про мой долг. И объясните наконец, когда я в такие долги успел залезть. Скажите: кто из магов по-настоящему приносит пользу, а кто — лишь болтается по трактам, ломает дрова и оправдывает свою беспомощность какими-то высшими замыслами?

Теперь надолго замолчал Дорал.

— Никто не даст тебе ответа. Мы сможем узнать его только после того, как все закончится. Тогда тоже у каждого будет своя правда, но появятся и другие меры, которыми будет отмеряно каждому из нас по делам.

— То-то и оно, что мы пока никаких дел не совершили. — Шадек хлопнул себя по колену. — Только премся вперед, ни на кого не глядя, и убеждаем себя... что там, впереди, сбудется наконец такое, ради чего стоило долго-долго ничего не совершать. Знаете, что, магистр? Я уже всерьез жалею, что не остался в Ортае. Пусть я не в восторге от всех этих слюней про маговский долг — но как же паскудно ощущать себя таким... беспомощным и бесполезным!

Утром, пока Дорал и Гасталла решали, стоит ли переставлять телегу на полозья или пока можно обойтись колесами, Шадек улучил время поговорить с Бивилкой. Ему не понравилось, как настойчиво она вчера указывала направление. И он подозревал, что страха в ее глазах не замечает больше никто.

Только Шадек достаточно давно и хорошо знал эту поганку. Только он понимал, что она боится, но скорее перегрызет себе горло, чем признается в этом. Слишком привыкла в Мошуке быть всехней опорой, не может теперь просто взять и сказать, что зашла в тупик.

И еще Шадеку не понравилась ее вчерашняя молчаливая отстраненность. Он и ожидал чего-то подобного, ожидал, что Бивилка расстроится из-за той девочки, но потом ему стало казаться, что дело не в девочке. Слишком уж быстро Бивилка уснула вчера.

— Ты уверена, что нужно ехать на запад?

Вопрос дурацкий, Шадек прекрасно знал, что Бивилка ни в чем не уверена. Магичка не ответила, только рожицу скорчила.

Шадек уселся рядом с ней подле затухающего костра.

— Гон-Га говорит, беспокойно там. Призорцы дичают.

Бивилка почесала нос. Шадек вытянул ноги и почти мечтательно добавил:

— Так дичают, что прям из тел выпадают. Какие посильнее — воплощаются в начальные сущности, а кто послабее — обрастает не пойми чем и злобствует. Здорово, да?

— Чего тут здорового-то? — хмуро спросила Бивилка и прислушалась к себе: может быть, на запад все-таки не надо?

— Во-первых — я никогда не видел призорцев с таким прибабахом. Во-вторых — досюда еще сушь не добралась, и в этом нам повезло. Что с тобой происходит, поганка?

Он спросил это так спокойно и без всякого перехода, что Бивилка от растерянности сразу же ответила как есть:

— Я вроде разобралась, как искать драконов, и я, кажется, вижу старуху, которой нет.

Шадек бросил в костер несколько веток и уставился в огонь. Бивилка знала, что он ничего больше не спросит, если она сама не расскажет. И рассказала.

Про белую мошкарку, которая пропадает из виду. Про старуху, которая берется не пойми откуда и пропадает не понять куда, а кроме того советует искать драконов не глазами. И еще про то, что вчера Бивилка пробовала определить дорогу, не высматривая поисковое заклятие, а пытаясь понять,

откуда исходит то серое и мудрое, из чего состоит образ Старшего Змея. И ей показалось, что двигаться нужно на запад.

— И еще, знаешь, чем больше я окунаюсь в это ощущение, тем мне страшнее становится. Я будто проваливаюсь под край знакомого мира и там понимаю, где сидит Змей, но еще там меня окружает то, чего обычно нет. Какие-то шепотки, ощущение чужих взглядов, и еще звуки волной — протяжная песня, только я слов не могу разобрать. Во всем этом странно и жутко, там нет направлений и времени будто тоже нет... Я не могу объяснить, как это. А потом открываешь глаза — и всего этого как не было, вокруг привычный мир, только в нем я понятия не имею, где сидит этот Змей... Ты не понимаешь меня, конечно. Ты не ощущал всего этого.

— Конечно, — покладисто согласился Шадек. — Где уж мне.

Они помолчали, глядя, как старшие маги проверяют завязки кожаного полога на телеге. Собаки, которых никогда не выпрягали из повозки, стояли смирно. Шума и хлопот от них всю дорогу было не больше, чем от пеньков, и Шадек представил, как облегчились бы поездки обозов в Идорисе, если бы люди не имели предубеждения к мертвягам-животным.

Подумав о сотнях обозов, запряженных перерожденными лошадьми и собаками, которые развозят еду и припасы по ортайским селениям, Шадек едва не рассмеялся вслух.

— Но ты мне веришь? — с надеждой спросила Бивилка. — Веришь, что я видела эту старуху? Что слышу эту мелодию, ощущаю эти истечения и чувствую драконью сущность, если закрою глаза, и все это страшно, и все — никак не объяснить?

— Конечно, верю, — рассеянно ответил Шадек и взъерошил волосы магички, извиняясь за свои посторонние мысли, — я никогда не сомневался, что ты рано или поздно свихнешься со своим искательским уклоном. Но, — он поднял палец, — еще я всегда говорил, что друзей бросать нельзя, даже если у них напрочь чердак унесло. Так что можешь на меня рассчитывать, поганка. Куда б тебя ни забросила эта твоя свихнутость.

* * *

Недричанские призорцы стали проявлять себя во второй день пути. По заснеженным равнинам сновали лохматые бурые силуэты размером с крысу, но двуногие. Они бросались под повозку, путались под брюхами собак, норовили цапнуть их за лапы и сбить с шага, но в конце концов отставали, разочарованные.

— Полевики, — с удовольствием отметил Гасталла, — обычных животных шугнули бы. Кто-то еще недоволен, что у нас животные не обычные?

Никто не отозвался.

Потом стали появляться и другие призорцы, слившиеся с природными сущностями, — слова Гон-Ги, которому никто не поверил, подтвердились. И старшие маги переглядывались тревожно и хмуро, потому что Гон-Гу спросили еще кое о чем, но ответ его не пересказали Бивилке.

— Драконова Чаша? — буркнул он тогда. — Да вы рехнутые. Нет никакой Чаши. Байки. Не видел ее никто.

Правда, направление «баек» орк указывал то же, что выбрала Бивилка — северо-западное. И соглашался, что где-то спящие драконы есть. Как не быть — это ж Недра!

Переставленная на полозья телега бойко неслась по плотному снежному покрывалу, а следом за ней неслись яркие голубые потоки воздуха и плотные синие вихри снежинок. Под снегом, у самой земли тоже что-то происходило, как будто бригада бессонных кротов неустанно поспешала за повозкой.

Шадек терзал бузуку, все стараясь уловить обрывки грустной мелодии, которую почти слышал, но никак не мог разобрать. Он раздражался и отчаивался, сердито дергал бузуку за струны, как будто она была в чем-то виновата, — но не бросал попыток.

Бивилка уверенно указывала дорогу, а в остальном была тише мыши, почти все время проводила, привалившись к тележному борту и прикрыв глаза. Мало ела, мало двигалась, плохо засыпала и вылезала из-под одеяла, стоило только небу посветлеть. Старшие маги не решались пускаться в расспросы — боялись нарушить сосредоточенность Бивилки, хотя в этой сосредоточенности она все больше походила на чокнутую. Но если мир предстояло спасти ценой одного свихнувшегося искателя... Доралу было, конечно, больно за любимую ученицу — но от нее зависели судьбы еще сотни его любимых учеников и всего Идориса, по которому эти ученики были рассеяны.

А Шадек ни о чем таком не думал, просто досадовал на молчание и вялость Бивилки, на отстраненное выражение ее лица и горячечный блеск глаз.

Призорцы неустанно следовали за телегой, за день отставали, за ночь нагоняли, возились за границей магических щитов и выжидали чего-то.

На снежной равнине ни разу не встретилось живой души. О том, что местность обитаема, говорили лишь тонкие струйки дыма, несколько раз

подмеченные вдалеке.

— Восхитительно, — бормотал Гасталла на вечернем привале, — просто волшебно. Столько места, столько простора — и ни одного орущего человечка. Просто ни единого. Вот куда стоит перебраться, когда все это завершится, а?

— Так ведь холодно, — возразил Шадек и тут же стал наигрывать:

В старой хате живет зима.
По утрам к ней приходит пес.
Белоснежный, как облака.
Неуклюжий, как грохот гроз.
На колени морду кладет,
Подставляет кудлатый бок.
И зима новый день прядет,
К волоску кладя волосок.
В палисаднике сохнет ковыль.
Шебуршится за печкой сверчок.
Раздувает снежную пыль
По ладоням горных дорог.
Улыбается тетка-зима.
Улыбается белый пес.
У него стынет небо в глазах
И потешно кривится нос.
На закате зевает зима,
Выпускает кудель из рук.
Белоснежные облака
Ускользают в печную трубу.
По ночам в старой хате — тьма.
Черный горбик среди берез.
А в округе бродит гроза
И ворчит, как большой пес.

Мелодия рождалась под пальцами сама собою, как бывало прежде, и сами собою вплетались в нее слова. Только с тем размеренным тягучим мотивом получался полнейший тупик, и все так же образы не облекались в слова, вертелись на краю понимания: красное небо, клейкая вода, сухой шелест, а что-то важное ускользало.

— Где ж тут холодно? — Гасталла махнул рукой. — Немногим

холодней, чем в твоём Ортае нынче. Было бы холодно — ты б так не растренькался. Не-ет, места тут чудесные, свежие, просторные! Жить можно. Рыбы в реках сколько — видал вчера? Я лишь раз Хлопанцем по воде вмазал, так ее столько всплыло, что хоть ведром черпай. Раз колданул — три дня сытый ходишь! Да сухостоя на костер сколько, да ягод всяких! Вот еще ловушки на зверье приспособлюсь делать, перейму твою хитрость — и все, можете без меня возвращаться в свой Ортай. Нужен он мне больно, тот ваш Ортай или та моя Меравия. Чего я там не видел — людишек, что орут без продыху?

— А как же твоя некромантская лаборатория? — для порядка спросил Дорал. Слова Гасталлы он всерьез не принял.

— А, — тот махнул рукой, и отблеск костра подсветил красным его ладонь, — чего я, мертвяков себе не подниму для опытов? У меня вот даже реликвия осталась, хоть и разряженная.

— А как же некромантский факультет в новой Школе? — уже настороженно уточнил магистр. — Я ведь всерьез предлагаю. Хорошую Школу хочу, особенную. Таковую, чтоб растить умных и счастливых магов. А для счастья что нужно? Чтобы каждый имел то, чего ему хочется, и чтобы никто никому не мешал.

Гасталла неопределенно дернул плечом. Будет ли новая Школа — это еще бабка надвое сказала, а благословенный безлюдный край — вот он, за кольцом магического щита.

— И ведь магов тут нет, — добавил Гасталла, — значит, нет и законов, которые запрещают где попало поднимать мертвяг. А что теперь будет с законами в Ортае и кто будет сочинять те законы — это еще поди знай.

Дорал и Гасталла оживленно заспорили: возможно или нет, чтобы государь вернулся в Ортай? Возможно проводить некромантские опыты в Недре? Бивилка, все это время просидевшая подле костра молчаливой тенью, поднялась и тихонько отошла. Шадек решил, что она отправилась спать в телегу, но проследил за ней взглядом и увидел, что Бивилка прошла мимо повозки к границе магического щита.

Шадек прислонил бузуку к поваленному дереву, на котором сидел, и тоже поднялся. Увлеченные спором маги не обратили на это внимания.

Магические щиты на привалах ставил Дорал. Его уклоном была оборонная магия, и щиты он колдовал непростые, серьезные. Не обычную полупрозрачную чашечку, рассчитанную на один-два удара, а плотный тугий пузырь, за пределами которого все делалось похожим на туманную дымку. Этот пузырь был способен выдержать натиск бешеного тролля и упреждал о попытках расковырять его извне.

Бивилка остановилась в двух шагах от старухи. Та спокойно стояла внутри магического щита, сквозь который никак не могла пройти, будучи незамеченной Доралом. Сегодня старуха выглядела иначе: она стала плотнее и немного выше ростом, кожа ее в слабых отсветах костра казалась серой, а уши — заметно крупнее.

Если бы Бивилка когда-нибудь видела обитателей Миров или Азугая, то поняла бы, что старуха выглядит как магонка.

— Так ты существуешь или нет? — устало спросила магичка.

— Я мыслю, — невпопад ответила старуха.

Бивилка смотрела на нее и не находила в себе сил удивляться или испытывать что-нибудь еще. С тех пор как она пыталась искать драконов по-новому, в голове ее поселился безумный хоровод ощущений, образов, запахов. Теперь она не могла сказать с уверенностью, что происходит на самом деле, а что — ее собственные домыслы или обрывки чужих эмоций, каким-то образом пробравшиеся в голову.

Такое прежде было лишь один раз — когда ей пришлось искать спятившего некроманта с реликвией, творящей иллюзии. После того случая Бивилка очень долго на дух не выносила некромантов. Пока один из них не выдернул ее из водоворота жутких картин и запахов в сожженной гижукской деревеньке, и не нашел нужные слова, и не согрел ее руки в своих больших ладонях.

С того дня в Гижукке Бивилка уже не понимала, как она относится к некромантам.

— И о чем ты мыслишь?

— Ты слишком много смотришь. Это не закончится хорошо. Синее начало не доведет до добра.

Почувствовав спиной чей-то взгляд, Бивилка обернулась. Шадек стоял в двух-трех шагах и смотрел на нее с выжидательным интересом.

— Помнишь, — магичка вспыхнула, замялась, — я говорила про... про...

— Старуху? — не понижая голоса, спросил Шадек. — Ты что, снова ее видела?

Магичка обернулась. Старухи не было.

— Но я же только что... Она снова говорила про зрение и еще что-то про синее начало. Что такое синее начало? Какое-нибудь место? Заклинание? Загадка?

— Да успокойся ты. — Шадек сунул руки в карманы куртки. — Чего ты взъерошенная такая? Как тебя унять, поганку? Давай бабочек наколдую, а? Будешь смотреть на них и радоваться вместо того, чтобы по сторонам

зыркать выпученными глазами. Или златочник, хочешь? Целую клумбу! Он даже петь тебе будет, честное слово! Романсы эльфийские. Как там...

*Мудрец был прав — прошло и это.
Обычный, в сущности, сюжет.
Тысячелетьями ответа на вечные вопросы нет,
Но верю, хоть на части рви:
Одна отрада нам — в любви!*

— Не надо романсы, — вздохнула Бивилка, с силой потерла щеки и собралась было шагать обратно к костру, но в последний вздох, что-то почуяв, обернулась. — А это что?

От границы магического щита вдаль уходили четкие следы обутых ног. Отчего-то они были наполнены водой, и отчего-то их хорошо было видно на белом снегу.

— Я же говорю, она была тут!

Бивилка, не задумываясь, вышла наружу и быстро пошла вдоль мокрой цепочки следов. Почти тут же ее нагнал Шадек, тоже удивленный и заинтересованный — следы он видел, в отличие от каких-то там говорящих старух.

За их спинами, в лагере под магическим щитом, сползла наземь прислоненная к поваленному стволу бузука. На глухой немзыкальный звон обернулись увлеченные спором старшие маги.

— А куда делись эти дуралеи? — удивился Гасталла.

* * *

В полусотне шагов от лагеря равнина неожиданно закончилась, дорожка из следов спустилась в ложбинку. Их хорошо было видно в снежную ясную ночь. Бивилка, на ровном месте споткнувшись обо что-то под снегом, покатила в эту ложбинку кубарем, с писком и в вихре пушистых снежинок.

Шадек сбегал следом и остановился в недоумении.

Бивилка сидела на снегу с удивленным и блаженным выражением лица, а вокруг магички плясали снежинки. Как будто поднимаемые ветром, хотя никакого ветра не было, они вихрились и густели, и из разрозненных снежных мазков вырисовывались фигуры. Вот птичье крыло, лосиные рога,

приземистое дерево — они проявлялись на вздох и тут же распадались, составляя другие картины, и все плотнее обступали магичку. Морда барсука, огромная шишка, чей-то пушистый хвост, гроздь ягод... Бивилка зачарованно следила за ослепительным хороводом.

Шадек хотел подойти к ней — и не смог: трудолюбивые снежинки успели замести его ноги по щиколотку.

— Эй, поганка! — Маг попробовал вытащить ногу, но снег оказался вязким и тяжелым, как мокрый песок. — Поганка, приди в себя!

Бивилка сидела и улыбалась, глядя, как все плотнее обступают ее снежные фигуры.

— Твою призорскую мать, — с чувством сказал Шадек и бросил себе под ноги огненную Сеть.

Снег тихо взвизгнул, и маг рывком освободил одну ногу, зато вторую облепило так, что от наваливавшейся тяжести даже больно стало. Шадек уже почти не видел Бивилку, так плотно обступили ее снежные фигуры — лишь когда они меняли очертания, можно было рассмотреть по-детски восторженное, зачарованное лицо магички.

Снова выругавшись, Шадек бросил Сеть в эти фигуры. Она не долетела, упала на снег и с укоризненным шипением истаяла. Веер голубых клинков рассек белый хоровод на пару вздохов, потом он собрался снова. Молнийка снежинкам не понравилась уже всерьез — размеренная пляска сбилась, фигуры рассыпались и не собрались снова, теперь вокруг магички вертелись бесформенные плотные вихри.

Шадек бросил себе под ноги еще одну Сеть, освободил вторую ногу и рванулся к этому снежному безобразию, воинственно вопя, — и тут на затылок ему упало что-то лохматое и тяжелое. Маг оступился, выругался, попытался нащупать это тяжелое — и не смог, а оно вцепилось ему в виски острыми когтями, истошно визжа, дергаясь, срывая кожу. Перед глазами вспыхнуло, голову ожгло, и почти сразу стало мокро и горячо щекам, а потом — шее.

Шадек мотал головой, пытаясь сбросить с себя когтистую дрянь, хватал то воздух у своего затылка, то собственные волосы, а когти впивались все сильнее, в ушах шумело, издевательски вились в танце снежные вихри.

— Да что ж это такое!

Мимо обалдевшего мага пронесся огромный налитанный молниями шар, врезался в белый хоровод перед Бивилкой. Молниики растеклись по вихрям, высветили каждую снежинку. Запахло паленой шерстью.

— На полвздоха нельзя одних оставить!

Дохнуло горячим воздухом, и лохматая тяжесть на затылке исчезла.

В ушах шумело. Щеки, шею, лоб и брови покрывала быстро высыхающая на морозе кровь, в голове было холодно и звонко. Шадек вяло подумал, что разорванная кожа на висках должна свисать лохмами, и, судя по выражению лица Гасталлы, примерно так оно и было.

Мимо размашисто прошагал Дорал, рывком поднял на ноги Бивилку и впервые в жизни отвесил ей подзатыльник.

* * *

Единственное, чем мог похвастать Шадек после этой стычки, — в лагерь он вернулся на своих ногах. Хотя его страшно шатало, голова была словно чужая, а Гасталла пророчил ему всякие беды от ран и ругательски ругался на чем свет стоит.

— Вода, — заявил Шадек, отдышавшись.

Он полулежал у костра, не в силах открыть глаза, а Гасталла, тихо ворча, колдовал над его ранами. Некромант даже вытащил деревянную флягу с крепким вымороженным вином, купленную в какой-то деревеньке. Заявил, что Шадек должен сделать несколько глотков, а потом щедро полил тем же вином раны, отчего повеселевший и не ожидавший подобного вероломства Шадек взвыл.

Бивилка тоже не открывала глаз. Не могла себя заставить посмотреть на остальных. Ей было мучительно стыдно и еще — страшно. Страшно увидеть Шадека и те раны, от которых было в крови все его лицо и ворот куртки. И, наверное, его укоризненный взгляд. И презрительные гримасы старших магов.

— Синее начало — это вода, — пояснил Шадек. Говорить было больно. — Призорцы тебя приманили на твою стихию.

— Призорцы ее приманили, потому что она — дуреха, — отрезал Гасталла.

Бивилка сидела у костра и желала никогда не открывать глаза. Хотя сама она на месте некроманта выразилась бы куда обиднее.

Магичка слышала, как Гасталла бормочет неизвестные ей заклинания, как льется вода из баклаги и как дыхание Шадека становится отрывистым и хриплым. Наверное, болело очень-очень сильно.

Бивилке было стыдно и обидно за собственную дурость. И как-то особенно холодно. Мерз нос, щеки, коленки и руки, и отчего-то казалось, что воздух пахнет грозой.

И еще она вдруг поняла, как сильно тревожится все это время о тех, кто остался в Ортае. О верном Оле и неугомонном Террибаре, о трудяге Нэйле и даже о бессовестной Умме, которой теперь и дела не стало до старых друзей. И о Мошуке, что лежал между диким Пизлыком и эльфийским Эллором, как большой лохматый пес. И о деревеньках вокруг города, в которых Бивилка знала в лицо едва ли не каждого жителя.

Как они там? Не случилось ли с ними дурного, пока она, Бивилка, мечется по Гижуку и Недре, словно бесполезный клочок шерсти на ветру? Стоило магичке подумать об этом, как свежий запах грозы исчез, вместо него появилась душная вонь горелых перьев и мокрого дерева.

Магичка слышала, как Дорал и Гасталла чаруют Защипы — заклинание из базового лекарского курса, одно из самых простых и действенных, но в то же время сложное, требующее огромной сосредоточенности. Бивилка не хотела открывать глаз и видеть, почему магам понадобилось чаровать Защипы вдвоем и так долго.

Потом у магички в голове что-то переменялось, и вонь горелых перьев сменилась другими запахами: грязи и зелени, а затем появился образ пара. Пар медленно и торжественно поднимался над озером, испещренным отмелями. Рукам стало тепло и сухо, явственно представилась гибкая живая ветка в ладони — прохладная, бугристая, с жесткими короткими листьями.

— Нам нужно добраться до края теплой воды, — сказала Бивилка и тут же удивилась тому, что сказала.

— Ну, приехали! — возмутился Гасталла. Голос его звучал приглушенно: некромант смотрел в другую сторону. — Это куда, назад на юг да за Меравийское море? Так это тыщ пять переходов в другую сторону!

— Я не знаю, — жалобно призналась Бивилка, так и не открывая глаз. Помолчала и неуверенно указала на север. — Край теплой воды там. От него прямая тропа до логова Старшего Змея.

* * *

До испещренных отмелями горячих озер добрались через два дня. Мужчины с одинаковым выражением лиц смотрели на эти озера и молчали, и даже переглядываться у них желания не было.

Там и сям встречались люди, которые купались в озерах или сидели на берегах — снега не было шагов на тридцать от воды, и даже какая-то мелкая травка торчала из сероватой земли. Телегу провожали

любопытными взглядами, но своего отношения к путникам никак не проявляли: не махали им руками, не окликали, не улыбались и не хмурились. Просто смотрели, с любопытством и как будто с недоверием.

И люди тут были другие — такие же низкорослые и узкоглазые, как в южной Недре, но крепкие, плотные, с короткими сильными ногами и мощными плечами. У всех волосы небрежно острижены чуть ниже ушей. Все диковинно одеты — короткие накидки из шкур, высокие лохматые сапоги, штаны из мягкой кожи. Сидящие поближе к воде снимали накидки и сапоги, оставаясь в штанах и рубашках, а то и просто в штанах. А люди, которые бултыхались в озерах, были, кажется, и вовсе голыми.

За озерами показались низкие длинные домики из камня и глины, стоящие кучно, но на достаточном удалении друг от друга. Между ними густо росли крошечные вишневые деревья, кусты брусники и жимолости. Среди кустов бродили маленькие черные козочки и полосатые кошки. Повсюду валялись грабли, тяпки, вилы — верно, где-то неподалеку были устроены поля или огородики. Невидимые за деревьями, надрывно блеяли овцы.

Откуда-то появилась целая группа ребятишек. Низкорослые, крепенькие, похожие на ежат дети с воплями бежали впереди повозки, истошно вопя что-то вроде «Бабуша, бабуша!».

Переглянувшись с Доралом, Гасталла направил повозку следом за детьми, и вскоре восторженно вопящая ватага привела их к низкому домику. Хотя он ничем не отличался от прочего жилья и хотя в этом селении не было никаких оград, становилось как-то понятно, что этот дом — особый и обособный.

Ровно в тот вздох, как телега остановилась, а детишки как по команде стихли, открылась низенькая дверь и в нее, пригнувшись, прошла старуха. Остановилась на пороге и уставилась на телегу, жуя губами.

Из-за дома пушистым облаком вытянулся большой белый пес, подошел к старухе, сел подле ее ног и открыл пасть, словно улыбаясь. Дорал и Гасталла покосились на Шадека. Тот только руками развел. В пути некромант как мог ускорял заживление его ран, и теперь на висках у Шадека ярко розовели глубокие шрамы, придающие ему непреклонный и немного трагический вид.

— Ты. — Старуха подняла сухую руку, почти потерявшуюся в складках расшитой одежды. Кривой палец с широким плоским ногтем указал на Гасталлу. — Это ты — маг, умеющий искать?

Когда старуха говорила, на шее у нее поджималась и снова повисала складка кожи. Голос был глухой и тягучий, словно словам не хотелось

звучать. Голова старухи чуть подрагивала, и вместе с нею дрожали костяные серьги в крупных, как у магона, ушах.

— Это она. — Некромант ткнул пальцем в Бивилку.

Узкие темные глаза уставились на магичку с удивлением. А та смотрела на старуху потрясенно, и на языке у нее вертелась уйма вопросов, но вслух Бивилка не могла произнести ни одного — по поведению старухи было ясно, что та видит магичку впервые. И едва ли сможет объяснить, почему сама Бивилка уже говорила с нею не единожды в тех местах, куда старуха, верно, никогда в жизни не забредала.

— Я — Рогуша, — в конце концов сказала она и звонко хлопнула в ладони, — накормить с дороги. Не тревожить. Сама буду говорить.

Только тут маги поняли, что за телегой плотным полукольцом в несколько рядов стоят другие люди. Пришли даже те, которые плескались в озерах — волосы у них были мокрыми, накидки запахнуты кое-как, перекошены штаны, которые второпях надевали на не успевшее обсохнуть тело.

Все пялились на магов с любопытством и почтением, а на мертвяг-собак не обратил внимания никто, кроме белого пса. Да и тот лишь презрительно потянул носом и отвернулся.

Гостей провели в соседний дом, усадили прямо на пол, на плетеные коврики вокруг деревянной доски, изображавшей стол. Пол был теплым — верно, дома грелись от того же подземного источника, что и озера.

Печи не видно. Пахнет теплом, чужим жильем и едой. На доске-столе пляшет огонек в плошке с жиром, хотя из окна падает достаточно света.

Две женщины выдали гостям огромные деревянные миски с кашей и странным мясом, темным и мягким. На одном блюде сложили стопкой плоские лепешки, на другом — мелких длинных рыбок, целиком зажаренных до хруста. Поставили на деревянную доску фляги с холодным квасом и горячим ягодным отваром.

Расставив снедь, хозяйки тихонько вышли из хаты, а голодные маги набросились на еду. То ли стряпня Дорала им приелась за долгое время пути, то ли готовили тут как-то по-особому, но даже жесткие лепешки были удивительно вкусными. И даже Бивилка, такая отстраненно-пришибленная всю дорогу, тоже оживилась, разрумянилась и только что не урчала, поедая свою кашу.

Старуха, назвавшаяся Рогушей, словно подглядывала за гостями в печную трубу: появилась ровно в тот вздох, когда они отодвинули пустые миски и разлили по кружкам квас и отвар. Ловко уселась на пол, скрестив ноги, оперлась тонкими руками на колени, еще раз оглядела гостей и

заявила:

— Слушайте меня очень быстро.

— Просто удивительно, — тут же влез Шадек, — сколько в последнее время появилось теток, которые желают мной помыкать! Сначала ночница, потом эта поганка...

— Дай сказать! — повысила голос Рогуша и добавила тише: — Времени нет. Сушь подбирается. Люди напуганы. Устои перестают быть. Где вас носило, вы должны были прийти еще летом? — Не давая магам ответить, старуха махнула рукой, будто отгоняя муху. — Времени нет. Демонов Хвост обернул кольцом Природу-Матерь, смешивает ее с Разладом, и четыре Всадника готовы прокатиться по земле, втапывая в пыль саму память о Старшем Змее. Времени нет совсем.

Старуха замолкла и принялась рыться в мешочках, висевших при поясе. Из одного вытащила деревянную резную коробочку, оттуда высыпала на ладонь горсть коричневых стружек. Из другого мешочка, расшитого ракушками и бусинами, выудила кукурузный початок, непонятно откуда взявшийся в северном крае. Початок был выдолблен изнутри и покрыт слоем сажи. Рогуша принялась заталкивать туда коричневые стружки.

— Ага, эти тоже верят в драконов-спасителей. — Шадек зубасто улыбнулся и отбросил на спину длинные волосы. В мерцании огонька из плоски казалось, что это не шрамы рассекают его виски, а впившиеся в голову демоновы когти. — Ну так если вы знаете, что происходит, и знаете, где живут драконы, и верите, что их нужно разбудить, — так какого лешего вы сами их не растолкали, а?

— А и правда, — Гасталла хлопнул себя по колену, — и правда: какого лешего не растолкали?

Рогуша подсунула початок под пляшущий над плоской огонек, тихонько подула внутрь и принялась посасывать его с другой стороны, пуская ртом дым. Шадек посмотрел на Дорала, словно спрашивая: вы видите это, магистр? «Чудная бабуля, — молчаливо согласился с ним Дорал, — быть может, безумная. Или вообразившая себя драконовой дочерью. Но ведь другие жители слушают ее. Неужели мы приехали к целому поселению умалишенных? Вот так приехали!»

— Мы не знаем, — в конце концов сказала Рогуша, прикрыла глаза и стало видно, что ресницы у нее короткие и растут пучками. — У нас есть только древние легенды. И древние приметы. Вслед за этими легендами мы говорим слова, не понимая их подлинного смысла. Не понимая, какие дела на самом деле стоят за приметами. Мы не можем найти драконов. Не

можем их разбудить. На это способен только маг, а в Недре маги не рождаются. Потому драконы когда-то выбрали этот край своим обиталищем. Тут больше покоя. Потому драконы поставили нас своими привратниками.

— Драконы под Стражем, — Шадек принялся загибать пальцы, — Страж в Чаше, ключи от Чаши у привратника, привратник в Недре. Кочан капусты, а не драконова нора. Но зато понятно, почему те призорцы на нас так набросились. Если тут магов нет вообще, так мы для них были разлюбезным лакомством, которое своими ногами запрыгнуло в миску.

— Дефара не говорила, что разбудить дракона может только маг, — словно не слыша Шадека, протянул Дорал. — Интересно, она знала об этом? Почему не-маг не сумеет?

— Магу нужно пройти испытание. И принести жертву, — ответила Рогуша. Она посасывала свой початок, смотрела в пол и мелко кивала.

— Ну что еще? — возмутился Шадек. — Какое испытание? Мало мы всего наиспытывали, пока сюда добрались? Что еще нужно — лабиринт пройти с цеметавром?

Старуха долго молчала, пуская ртом дым. То ли вспоминала нужные слова, то ли собиралась с мыслями.

— Тот, кто высматривает дорогу к Драконовой Чаше, не увидит ее. Он будет удаляться все дальше и дальше на север, видеть скользкие травяные склоны гор и мокрые осыпи. Он будет сбиваться с ног, лазая по мокрым скалам и прячась от частых камнепадов. А затем горы покроются коркой льда, налетят холодные ветра и снежные бури, потоки воздуха будут толкаться в спину, понуждая идти все быстрее. Туманы спрячут дорогу, недолгие страшные грозы посыплют град на глупую голову. Если такой человек не затеряется во мраке навеки, если он не будет погребен под лавиной, то придет в настоящую белую пустошь, где снег сыплется как песок, а воздух жжет грудь. Там птицы-побегайцы живут под сугробами, там деревья разбрасывают корни по верхней земле... но там нет драконов. Нет, там нет драконов. Они здесь, неподалеку. В прежние времена было видно, как они летают. И мы растили скот для них. Они рядом. А где рядом — нынче увидит лишь маг, что умеет искать и станет искать не глазами. Всякий прочий будет близок, но далек.

Рогуша перевела дух, и когда заговорила вновь, то голос ее стал тихим, но каждое слово было напитано такой убежденностью, словно за старуху кричали сотни голосов.

— Человеческое зрение не даст найти драконов. Маг, что умеет искать, должен лишиться зрения. Только тогда он сможет найти путь в Драконову

Чашу. Только там можно принести жертву, которая пробудит драконов.

Маги растерянно молчали.

— Ты вправе не согласиться, — продолжала Рогуша, обращаясь уже к одной Бивилке. — Никто не волен заставить тебя. Откажись от Драконовой Чаши. Продолжай смотреть вокруг. Узри, как гибнет мир, который ты отказалась спасти.

— Хватит с меня этого безумия. — Шадек поднялся. — Пойди туда не знаю куда и принеси там жертву за право принести жертву. Поверь на слово какой-то чокнутой бабке и дай ей выцарапать твои глаза. Край разумом скорбных. Поехали домой. Заберем Оля и отправимся в Эллор, ну или за море. За морем житье не худо, хватит на наш век!

Гасталла поморщился.

— Не верещи. Что ты делать-то будешь? Всякий раз, как я думаю, что этот мир не столь уже плох, — кто-то рядом со мной начинает орать. Зачем орать?

Рогуша постучала початком об «стол», вытряхивая пепел прямо на пол. Закрыла глаза и чуть закинула голову, будто прислушиваясь к чему-то или вспоминая.

— Нельзя обрести важное, не потеряв важного. Никто не становится иным, оставаясь прежним. Если идти по этой дороге — так до конца. — Старуха с кряхтеньем поднялась на ноги и сказала Бивилке: — Решишь — иди в мою хату. Не решишь — уезжай. И не трудись прощаться.

И вышла на улицу, где ее ждал большой, похожий на облако пес.

* * *

У дома понемногу собираются люди, глядят с надеждой на низенькие двери. Обеспокоенно прислушиваются к крикам в доме.

— Это она — инструмент? Вы ее для этого учили? Для этого растили?

— Мы все — инструменты, Шадек. Ты можешь придумать что-то выше этого для мага?

— Так новая Школа вам для этого нужна?

Стоящие подле дома люди переглядываются встревоженно и перешептываются.

— Как ты не понимаешь, Шадек? Я могу совершить что-то великое. Что такое пара глаз в сравнении с целым миром? Вот ты бы что выбрал?

— Разумеется, пару глаз. А ты во всех отношениях спятила. Эй, вы слышите? Надо забирать эту поганку и уезжать отсюда! Есть же какой-то

другой путь! Если он есть вообще!

— Сказали ж тебе: нет пути. Нет времени. Сказали тебе, что нет пути и времени? Прекрати орать.

— Да мало ли, что там сказали! Вы впервые видите эту бабуку! Может, она сумасшедшая!

— Я ей верю! — Голос магички звенит, и ей вторят звоном струны бузуки. — Я ее уже видела, она приходила ко мне!

— В жутких снах?

Потом голоса становятся тише, и люди у дома больше не могут их разобрать. Некоторые глядят на небо, но не находят там ответа. А потом люди вдруг понимают, что нужно идти к хате Рогуши. И они идут, молча и медленно. Четыре мага нагоняют их у двери.

У девушки взволнованное и испуганное лицо, словно у невесты перед первым ложем. Два старших мага тревожно переглядываются и упрямо поджимают губы. У молодого мага сердитые и размашистые движения, он пинает дверь в хату так, словно хочет снести ее с петель, но та отворяется издевательски-мягко.

Рогуша, мелко кивая, поднимается с пола, и вслед за ней поднимается большой белый пес.

— Времени нет совсем, — только и говорит старуха.

Белоснежный пес трется о ноги Бивилки, словно кот. По лицу магички пробегает тень улыбки, она гладит большую лобастую голову и на вздох заглядывает в песчи глаза цвета стылого неба. А потом смотрит только на Шадека.

Он в бессильной ярости сжимает зубы и кулаки, в глазах у него блестят злые слезы.

— А если нет никаких драконов? А если все это — зря?

Его длинные волосы откинута со лба, и глубокие шрамы на висках кажутся частью диковинного венка.

Бивилка глядит неотрывно. Как будто запоминает. Как будто может забыть.

Рогуша поднимает ладони и говорит несколько фраз на языке, которого никто не знает. Слова звучат гулко — наверное, это какие-то очень мудрые древние слова, они отдаются холодом в спине и покалыванием в пальцах.

— Магия тени?

Бивилке кажется, что в комнату напустили дыма, и это из-за дыма лицо Шадека расплывается и затуманивается. А потом она понимает, что это все из-за слов. Из-за этих гулких слов, которые Рогуша повторяет бессмысленно и старательно. Это от них все плывет перед глазами, и

хочется сморгнуть эту дымку, но она только густеет и становится темнее. Бивилка уже не видит лица Шадека, а голос Рогуши звучит все громче и глубже, и ничего вокруг не остается, кроме темноты и мощных гулких слов на незнакомом языке.

Магичка вскидывает ладони, пытаясь защититься от этих неумолимых слов и черного полога, который смыкается перед глазами, и ей становится отчаянно-страшно, словно тем же пологом накрывает ее упрямую решимость. Она хочет крикнуть «Хватит, не надо!», но из пересохшего горла вырывается только жалобный вздох.

В Недре не рождаются маги. В Недре есть только одна магия. Вечная. Исконная. Непостижимая.

— Магия тени.

...Телега катится по заснеженному лесу. Бивилка сидит за спиной Гасталлы и указывает дорогу. У нее размашисто-неловкие движения человека, не понимающего, где он находится. Когда кто-то говорит, магичка поворачивает голову на звук, и у остальных мурашки бегут по коже от ничего не выражающего взгляда ее ореховых глаз.

— Ты правда не веришь в меня? — спрашивает она Шадека.

Голос ее дрожит, и Шадеку чуть ли не впервые за двенадцать лет не хочется говорить ей колкости.

— Я не верю в историю про драконов и демонов. А в тебя я верю. Всегда. Какую бы дурь ты ни делала.

Бивилка тихо улыбается, и сидящий чуть позади Дорал смотрит на нее с тревогой и жалостью. Ему все кажется, что она вот-вот упадет, завалится на бок, как ребенок, что еще не научился уверенно сидеть. И Дорал подается вперед всякий раз, когда магичка поворачивает голову или взмахивает рукой.

Гасталла молча правит собаками, и спина у него одеревенело-прямая.

Шадек прикрывает глаза и сидит так долго-долго. Ему не хочется смотреть на заснеженный лес. Его уже тошнит от недричанского снега.

— Наверное, за каждым человеком, который делает что-то важное, должен стоять кто-то, кто очень сильно верит в него. Считайте это моим вкладом в попытку спасти мир.

Шадек протягивает руку, чтобы взъерошить волосы Бивилки, но не дотягивается — она дальше, а открывать глаза и пересаживаться отчего-то нет сил. Вместо этого Шадек дотрагивается до струн бузуки и вдруг понимает, что тягучая мелодия и неясные образы, которые преследовали его с первых дней в Недре, сложились наконец в музыку.

Шадек перебирает струны и тихо напевает, пробуя слова на вкус, не

веря, что они принадлежат ему.

Одинокая повозка — черный прочерк в пушистой белой равнине. И каждое низкорослое деревце, укрытое снежной шапкой, похоже на большого белого пса. Но Шадек не видит этого. Он не смотрит по сторонам, и для него в этот вздох нет вокруг ничего, кроме грустного пения струн и холодного воздуха, который уже привычно стягивает шрамы на висках.

*Годы срываются наземь и хрупко шуршат, как иссохшие листья,
В памяти ломкие образы близких — и страшно далеких во
времени.*

*Дымкий стальной горизонт мягко стелет, но выглядит слизким,
Небо сыплется черно-багряным — не снег, не туман, не
затмение.*

*Сонная вечность уходит сквозь пальцы текучей песочной
породой,*

*Стонет земля в ритме конского пота, до самых кротовин
раздета.*

*Сломанный мир загребает ладонями мутную теплую воду,
Бьется в тягучих волнах вкуса стали, густого вишневого цвета.*

*Нужно идти — но кончается время и мрак на дорогах опасен,
Веером смешаны стороны света в хрустящее колкое крошево.
Нужно дойти — чтобы небо и море назад в синеву перекрасить,
Чтобы в свой срок без стыда повстречаться глазами с тенями
из прошлого.*

Глава 9

Магия тени

Что может быть выше и благородней, чем отдать самое важное из всего, что имеешь, ради счастья прочих? Ради друзей своих, а пуще того — ради недругов?

Предания, исходный текст

Алера пробралась в Мошук к полуночи. Так было безопасней — жители сидели по домам, а кроме того — ей не хотелось видеть, во что превратились улицы после того безумного дня. Хватало запахов, которые не перебивал, а только подчеркивал свежесвыпавший снег: гниль, гарь, нечистоты, и над всем этим — дух прокисшей стали. Алера знала, что сталь не может прокиснуть, но ненависть пахла именно так.

В свете звезд и луны город выглядел совсем не как днем. Алера тихой тенью пробиралась по улицам, и все они казались похожими на одну: ту, которая подле птичника.

Алере казалось, что она снова слышит надрывный вой рога, а следом — ответный рев Ыча, и видит, как в конце улицы появляются его соплеменники. Увидела, как перекашивает их рты негодующими воплями, как машут лапы с огромными дубинами, прокладывая дорогу через заслон одуревших горожан, как гневно скалятся тролли, увидев истекающего кровью сородича, а он снова что-то кричит им и сильно прижимает руки к ранам на животе, и Кальен силится разжать его пальцы. Подоспевший первым тролль пинает не успевшего увернуться эльфа с вилами в руках, и тот с влажно-хрустящим звуком врезается в угол ближайшего дома. Горожане с воплями бегут врассыпную, но мало кому удастся уйти: улица узкая, троллей много, и руки у них длинные. Какое упоительное зрелище — недвижимые окровавленные тела существ, которые только что почти убили тебя! Обрывается вой наместника, переходит в удивленные восклицания и нервный смех с икотой. Ычевы соплеменники сгребают всех их в охапку и выносят из обезумевшего города. Западный ветер вьется вокруг и шепчет им в уши, но тролли не понимают этого горячего шепота, отмахиваются от него, расчищая путь к воротам. По дороге

выхватывают из бурлящего месива городского травника, стражника-орка, какую-то эльфийку с младенцем, гнома Эдфура...

Кто бы мог подумать, что Дефара в тот день была способна думать о чем-либо помимо долгожданного ухода в Азугай. Нашла время добраться до лагеря троллей, хотя он был совсем не по дороге, и отправить их на выручку Ычу.

Знать бы, о ком думала тогда ночница на самом деле. О Кальене, рядом с которым провела несколько лет? Об Алере, с дедом которой ее связывало нечто, о чем никто из них не хотел говорить? О Тахаре, которого когда-то учила обращаться с редкими травами?..

Наместников ключ с ужасно громким щелканьем повернулся в замке обособного входа. В узком коридоре было совершенно темно, и Алере подумалось, что в этом мраке можно спутать низ и верх. Потом ладонь нащупала шершавую стену, и девушка двинулась вдоль нее.

— Эй, призорец! Как там тебя... Ратушник! Ты здесь?

Собственный голос показался испуганным. Алера не любила темноту, плохо знакомые места и города, в которых творится не пойми что, а без клинков вдобавок ощущала себя голой.

Дверь в наместников кабинет была открыта, сквозь щели в ставнях падали лунные лучи и от них комната казалась зловещей. Алера остановилась на пороге.

— Э-эй! Ратушник!

На фоне одного из ставней возник лохматый силуэт размером с крысу, и Алера чуть не отпрянула.

— Кто тут?

* * *

В тот день, когда по Мошуку гулял западный ветер, эльфов переполошил Аррин, племянник Уммы. Мальчишка с самого утра был взъерошенным, метался, сыпал невнятными предупреждениями и всерьез перепугал элорцев. К вечеру начал кричать что-то про ветер и кровь, поволок Имэль и мужчин к окраине, своими воплями чуть не привлек народ из дровосековой зимовки.

Процессия из тридцати троллей, волокущих на себе окровавленного сородича, и двух десятков горожан еще больше напугала и рассердила элорцев. Быть может, они и не приняли бы людей, если бы среди них не было тех, кто уже получил право приходить в Элор. И если бы от визгов

Аррина у эльфов в головах не помутилось за целый день. Даже Ыча они разрешили оставить до излечения — остальным троллям такой чести не оказали, да они и не настаивали и вскоре ушли обратно в Пизлык.

Прибывших из Мошука поселили на отшибе, в приречных домишках недалеко от закраины Эллора. Летом молодые эльфы использовали их для вылазок с ночевками, а зимой домики стояли бесхозными. И Элая с друзьями туда же определили: мол, ваши сородичи — вы и помогайте за ними следить, чтоб ничего не вытворили.

Усилили эльфийские сторожевые дозоры у закраины. Очень не понравилось эллорцам, что Террибар принялся шастать в дровосекову зимовку, где жили переезжие. Как бы не додумался, мотаясь туда-обратно, что гора на подходе к Эллору — иллюзия, и что не нужны никакие дозорные, чтобы «провести» гостя через магическую преграду.

Заканчивался третий день их пребывания в Эллоре. Террибар сидел у вечернего костра, бездумно дергал с ветки сухие ольховые листья и по одному бросал их в огонь.

— Ну вот что делать-то, а? — спрашивал наместник так, словно у Оля мог быть ответ. — Мошук, считай, пропал. А что творится за его пределами? Хоть что-то осталось еще в мире нормального, кроме Эллора? Ты видел, что делается в дровосековой зимовке? Стоит сараюшка, по ней сквозняк гуляет, а в сараюшке слепенькая бабушка с котенком. Представляешь? Когда из деревни бежали, она забрала с собой одного котенка. И ходит с ним на руках, за стены держится, худенькая, маленькая, как воробушек. Ну вот что делать с ними, что делать, а?

Оль почесал затылок. Он знал, что Террибар теперь только и ходит по дровосековой зимовке. В первую ночь в Эллоре и весь следующий день он почти не шевелился, говорить не хотел, все про Нэйлу вспоминал. Только молчал.

Гласник и так и эдак к нему с разговорами, а наместник все молчит, в одну точку смотрит, глаза красные, сухие, веки опухшие, губы бледные до белизны.

А потом появилась эта невыносимая тройца. Алера только взгляд бросила на Террибара — и как давай ругаться, Оль и слова-то не все узнал! А Ыч слушал и в ладоши хлопал, и разгыгыкался так, что на повязке красные пятна проступили, Кальен потом орал на него и пичкал горькими травяными отварами.

А эта тройца без никакого уважения подхватила наместника под локотки, да и утащила из Эллора в дровосекову зимовку, где обосновались переезжие. Ни слова ему не говоря, притащили туда и бросили у большой

поленницы, да и ушли к закраине, и лошадь с собой увели, чтоб наместник никуда не сбежал.

Террибар от такого обращения, конечно, взъерепенился. Пошел ходить по поселку, по домам и сараюшкам, и язвительно представлялся людям: «Доброго дня! Я — наместник того, что осталось от Мошука!» Люди молчали, глаза отводили, отвечать не решались, робели перед наместником, да и очень уж встрепаным был Террибар. А потом один мужик на него зыркнул и говорит: «Ну, здоров. А я — глава того, что осталось от моей семьи». И сидит один-одинешенек в пристройке, и в глазах у него — такая лютая больная ярость, что наместник аж присмирел, в них заглянувши. А потом снова пошел по зимовке и стал глядеть уже осмысленно, и говорить с людьми так, чтоб их услышать, а не себя. И такого нагяделся и наслушался, что собственные печали поблекли, притихли, и больше не заполняли собой весь мир — тихо встали в один ряд с печальями и горестями других людей. Хотя едва ли кто-нибудь из них потерял столько, сколько Террибар: любимую жену, которая к тому же на сносях была, и целый город в придачу.

— Что делать, Оль, а? Как их бросить? В зимовке полсотни человек живут в голоде и холоде, еле-еле ноги таскают на эльфовой помощи. А в двадцати переходах — мой город, захваченный какими-то непотребцами. Ну как я могу возвращаться в Эллор каждый день, а? В тепло, в сытость, в спокойствие? За его пределами столько боли, горя, неправильности и столько людей, которым некуда вернуться, чтобы отдышаться!

Элай, обгрызавший куриное крылышко у костра неподалеку, выплюнул хрящик и невозмутимо посоветовал:

— А ты их всех в Мошук забери. И город тоже забери обратно.

Наместник скривился, а Оль аж вспыхнул. Он много чего отдал бы, чтоб отобрать Мошук у свихнувшихся людей и очумевшего призорца — если бы только это было возможно! Оль бы полжизни дал, чтобы добраться до тех, кто был у птичника и увернулся от троллей.

На второй день, с рассветом, стражник-орк и Эдфур выпросили у эльфов коней и двинулись к городу на разведку. На закате приехали обратно, еще больше смурные и перепуганные: на подъезде к Мошуку их встретил знакомый лихой ветер, радостно встрепал волосы, зашептал горячечно и неразборчиво, отчего захотелось немедля схватиться за меч и кинуться в город — мстить за вчерашнее. Орк и гном кое-как отцепились от ветряного шепота, повернув коней обратно, но оба были уверены: случись им приехать к Мошуку не к середине дня, а попозже — ветер бы взял свое.

Ну и как возвращать этот город, если там хозяйничает эдакое

непотребство, которое даже подѣхать не дает — тут же мозги сворачивает? Как можно «забрать обратно» такой город?

А эльф говорит так невозмутимо, словно речь идет о легком деле — достаточно одного лишь желания и решения!

— Ты вообще чего тут делаешь? — напустился Оля на Элая. — Вы трое должны были в портал попрыгать еще три дня назад! Чего вы тут шарахаетесь и воду баламутите, а? Сами ж говорили, что уйдете в Азугай!

— Да? И ты поверил?

Гласник поперхнулся и уставился на эльфа. Как это так? Не уйдут? Но Тахар так спокойно и убедительно пояснял, отчего им троим все трудней оставаться в Ортае. И Алера так упорно не хотела отдавать Дефаре амулет. И Оля сам слышал, как настаивал на уходе друзей дед Алеры, крепкий и мощный старик, что помнил еще войну с Гижуком. Так и говорил: дрянные времена грядут, хлеще той войны придется, и нечего вам тут делать, сгинете ни за медяк, уходите куда собирались! А этого старика глупостями всякими не запугать, он полжизни наемничал, всех лирмских мальчишек обучал биться на мечах и внучку вырастил такую боевую, что куда дальше!

К Элаю подбежал потешный полосатый зверек размером с белку, поднялся на длинные задние лапы, потянул воздух черным приплюснутым носом. Эльф бросил ему косточку и огорошил Оля:

— Кверху брюхом поплыла эта затея. Не можем мы уйти.

Только упрямо выпяченный подбородок Элая и сердитый прищур ярко-зеленых глаз убедили гласника, что он не ослышался.

— Порталы закрылись?

— Закрылись. А мы не смогли, — широким резким махом эльф указал на лес и приречные домики, — не смогли вас бросить. Никак.

Элай отвернулся. А Олю стало так легко и хорошо — аж захотелось обнять вредного эльфа. И в глазах защипало. И появилось неодолимое желание говорить колкости — чтобы уравнять чувства, распирившие грудь.

— Значит, и у вас с Алерой теперь чего-нибудь срастется, да? — спросил он, отгоняя дурацкую мысль о красивом платье и каше.

— Ой, да иди ты к демону! — Элай резко поднялся, развернулся на пятках, расшвыряв вокруг прелые листья, и зашагал к дому. А Оля смотрел ему вслед и улыбался.

* * *

Жители ортайских городов давно отвыкли оглядываться на призорцев,

уже с полвека не почитая их за хранителей и опекаторов. Да и осталось тех призорцев в городах немного: жалкие горстки хатников и банников, давно потерявших силы от людского неверия, но упорно не желающих сниматься с веками насиженных мест и уходить в Даэли. Хозяева по большей части и знать не знали, что в их старых домах еще обитают какие-то хатники.

Но пока оставались деревни и поселки, в которых помнили обычаи и чтили призорцев, а в ответ получали от них советы и помощь. В одном из таких поселков всю жизнь прожили Тахар, Алера и Элай.

В Мошукe они знали о двух призорцах: Охрипе-предателе и ратушнике.

Увидев Алеру, ратушник переполошился, заметался по подоконнику и запричитал:

— Што ты хочешь, што надо тебе, до меня добратша решила, мало тебе города, што ты ижништожила...

Девушка слегка опешила, но постепенно успокоила ратушника: договариваться с призорцами Алере было не впервой, и получалось это у нее много лучше, чем общение с людьми.

Помалу ратушник унялся и перестал заламывать руки. До конца успокоился, приняв угощение — вязку сушеных лисичек, любимое лакомство домашних призорцев. Грибы он тут же спрятал на шкафу, бормоча про запасы на зиму и куда-то запропавших пауков. Затешил свечу на столе и уселся рядом с нею, свесив тонкие руки между коленями. Велел звать себя Бульбом.

Алера наконец толком рассмотрела его и поняла, что призорец — бывший хатник. Гладкая серая шерстка на лице и теле, кожаная обувка, совершенно человеческое лицо — только глаза собачьи, круглые.

Бульб вздохнул и принялся рассказывать. Да такое, что Алера бы непременно упала, если б уже не сидела.

Горожане, оставшиеся без пригляда, с удовольствием и удалью принялись за старое, вспомнили прошлые обиды и резали друг друга с небывалым задором. Вечерами, когда на город опускалось безветрие, они утихали и разбрeдались по домам, деревянно переставляя ноги. С утра были сонными и виновато-пришибленными, а к полудню ветер набирал новой силы, и все начиналось снова.

Старшина стражи Хон погиб еще в тот первый день, защищая вязницу, и его истыканное копьями тело долго с гоготом таскали по улицам. Никто не нес службы и не работал, стражники частью разбежались, а частью присоединились к общей забаве. Склады с едой разломали и разграбили, и только благодаря снегу до сих пор не спалили весь Мошук — по мелочи

горело каждый день.

Самые отъявленные смутьяны и те, кого они освободили из тюрьмы, теперь окопались в вербяном поселке. Подтянулись к ним и другие: переезжие, местные жители — всего человек около сотни. Они, похоже, нашли общий язык с Охрипом и лихованником — во всяком случае, те их не трогали. Убить этих людей, как тех первых, веривших им подлетков, спятившие призорцы не могли, а лишать их памяти и выставлять из поселка отчего-то не торопились. Быть может потому, что присутствие этих людей еще вернее удерживало других горожан подальше от поселка. Те тоже в город пока не совались, разве что за едой. Бульб очень боялся, что новым жителям поселка придет в голову сделать набег на ратушу и забрать печать из кабинета наместника. Пока, хвала Божине, не пришло.

Горожане, видимо, чуяли, откуда исходит зло, и кучковались подальше от северо-западной части города. Уже целые кварталы огораживались друг от друга, но помогало это до первого послеполуденного ветра — кучковаться в такое время было так же опасно, как во время мора.

В конце каждого дня, наполненного кровавым безумием, на улицах оставалось множество мертвых тел, и каждую ночь они исчезали. Куда — знали только верные городу призорцы. Бессильные, давно лишённые своих способностей в людском неверии, они сохранили смекалку и прыть, и сумели разузнать то, что было скрыто от глаз остальных.

И тела поселковых подлетков, и тела погибших горожан оказывались в вербяном поселке — мертвые, оплетенные какими-то невиданными корнями и лозами, они лежали там аккуратными рядами, не тронутые тленом, но сморщенные, иссохшие, и давали силы чему-то неведомому и липкому. Мошукские призорцы боялись этого липкого, не подбирались близко — лишь говорили, что от него в голове гудит и ноги холодеют. Бульб считал, что когда мертвых тел наберется достаточно — власть лихового поветрия выйдет за пределы Мошука, начнет поедать окрестные деревни.

Алера слушала ратушника, досадливо морщась и сердито похрустывая пальцами.

— Ну а кто устроил это поветрие? Почему вообще все началось?

Бульб всплеснул маленькими ладошками:

— Так ты же притащила лихованника в вербяной пошелок, а от него у Охрипа шердак и шорвало! Уж не жнаю, был швихнутый Охрип прежде или нет, а лихованник его довывихнул как ешть!

— Я притащила лихо?!

— А кто, я? Ты ж его у троллей жабрала, в город приволокла, в

пошелке определила...

Алера закрыла глаза, потерла виски. Будто наяву вновь услышала собственный крик: «Это наших детей жрать нельзя!»», увидела раздосадованные лица троллей, почувствовала жесткий ворот мальчишеской рубашки у себя в ладони. В вербяной поселок его определил, положим, наместник, но...

— Но я же не нарочно, — прозвучало это совершенно с детской обидой, и Бульб развел руками. — А ты почему раньше никому не рассказал?!

— Да не жнал я! — возмутился призорец. — Никто не жнал! Мы ж бешшильные тут, давно уж не в праве швоем. То пожже, когда вше штряшлошь, мы принялишь вышматривать да выглядывать. Прожнали вот, што птишек ш пишьями они перехватывали да прикапывали под вербами...

Алера снова схватилась за голову. Оль так переживал, что другие гласники не дают ответов на его воззвания, а оказывается... оказывается, что голубей с письмами было много: и для наместника, и для мага, и для старшины стражи, но всех птиц загубили вербяник и этот мальчишка. Лихованник, как называл его Бульб.

Сам лихованник, как выходило с его слов — то ли одичалый и перерожденный демонами призорец, то ли какое-то нарочно выведенное ими существо. Демонов помощник и соратник, который приходит в людное, но «бесхозное» место, где нет власти домашних призорцев, и начинает там «творить лихо», чтоб извести побольше людей. Бульб много слышал баек про лихованников, но были они очень старыми, и ратушник не мог сказать, что в них правда, а что переврано.

Ручался лишь за то, что лихованник «не имеет влашти» над человеком, который привел его на новое место.

— Значит, вот почему меня не накрыло той злобой? — Алера хлопнула ладонью по столу. — Меня и Ыча. Мы думали, оно не действует на троллей и женщин, хотя эльфа та, что мы из города вытащили, тоже чумная была...

Ратушник кивнул и добавил торжественно:

— На троллей такое не дейштует, потому как можгов у них нет. А ишшо лихованник не имеет влашти над волей твоей, потому как обяжан тебе швоим новым наделом. Зато ты имешь влашту над лихованником. Имешь влашту и решимошту принешти шебя в жертву волей швоею, штоб лишить лихованника влашти над мештом поруганным!

Алера заморгала.

— Мне нужно пойти и убиться об сдуревшего призорца, чтобы он

ушел из поселка?

Ратушник снова кивнул и назидательно добавил:

— Ить токо так имешь ишкупить эту вину великую: волею швоею принявши шмерть жа другов швоих и жа недругов.

И уставился на девушку с умиленным восторгом. Она кивнула и решительно заявила:

— Скорей этот город рухнет тебе на коленки, чем я сделаю подобную глупость. Что еще мы можем придумать, чтобы выгнать его? Воля волей, а отвести глаза он мне может, я-то тоже забыла тогда про вербяной поселок!

Бульб часто-часто заморгал:

— А как же шмерть принять жа другов и недругов?

— Другам моя смерть ни к чему, а недруги обойдутся. Тем более что ты сам не поручишься, сколько правды в байках про лихованников. Может, он пристукнет меня да не уйдет. Что мы можем сделать такое, чтоб наверняка? Думай, дядька-ратушник, думай. Или хатник? Как тебя правильно называть-то теперь?

— Пушть ратушник, — отмахнулся Бульб, и тут же его губы разъехались в улыбке, встопорщив густую короткую шерстку на щеках. — Был пошледним хатником на Хлебной улище, а штану первым ратушником Идориша, во как!

Алера пожала плечами, а Бульб пожевал губами и неуверенно сказал:

— А ить это большая важношь — влашт над мештом. Ешли б токо нам ее вернуть...

* * *

Только мертвые собаки могли с такими равнодушными мордами тащить повозку в горящий лес.

Только слепой искатель мог завести туда остальных.

Но три мага не были ни слепыми, ни мертвыми.

— Что ты творишь, поганка, мы же сгорим ко бдыщевой матери!

Шадек орал как умалишенный и тряс Бивилку за плечи, а впереди горел лес. В предрассветной серости виден был поселок, на который пожар шел острым клином, будто кто-то нарочно направил его на жильё. От многодневной жары воздух пылил и колыхался, земля была сухой и горячей. А ветер гнал огонь так быстро, что...

Многодневная жара? Шадек помотал головой. Какая еще жара в Недре зимой?

Бивилка накрыла его пальцы сухой прохладной ладошкой.

— Тут ничего не горит.

Шадек вгляделся в огонь, который растекался вокруг поселка как живой, вслушался в его звериный рев, вдохнул запах дыма и горящего дерева. Ветер был горячим и душным. На лбу выступил пот.

Холодные пальцы Бивилки крепче сжали его руку.

— Это иллюзия. Как у эллорской закраины.

Шадек ошалело кивнул. Как только Бивилка сказала это, он вспомнил, что уже видел этот пожар и этот поселок, и даже помогал его тушить. Успешно или нет — это как посмотреть.

— А я сразу понял, — деревянным голосом сказал Гасталла. Он сидел на вожжах и бестрепетной рукой направлял собак туда, куда указывала Бивилка. — Сразу понял, что это иллюзия. Потому как откуда взяться школьной башне среди леса?

— Школьной башне? — Шадек окончательно перестал понимать, что происходит.

Телега ехала и ехала, пожар выглядел все таким же настоящим, но не становился ни ближе, ни дальше. Бивилка привалилась к боку Шадека и перехватила его руку поудобней, стиснула пальцы до боли.

— Это слоистая иллюзия.

Слоистые иллюзии она терпеть не могла еще с той давней истории с некромантом. И хотя теперь в голове Бивилки целыми днями плясал безумный ворох непонятных образов, звуков, ощущений — она была даже рада своей слепоте. Она не хотела снова видеть слоистые иллюзии.

Она понимала, что еще через день, десять дней или год такой жизни будет счастлива наблюдать целые слоисто-иллюзорные хороводы — только бы что-то видеть. Но теперь мысли Бивилки занимала иная цель, и предаваться печали было некогда.

— Направо. Плавно.

Через некоторое время Шадек сердито сказал:

— Но там же река. Что, это тоже иллюзия?

Бивилка промолчала. Шадек с прищуром глядел на реку. Не очень широкая, до середины можно камень добросить, но вода глубокая, темная. На берегу — песок и трава. Торчат метелки манницы, шумят камыши. По пояс в воде кто-то стоит. Шадек присматривается и видит старика с длинными седыми волосами. Он толстый, рыхлый, из головы его торчит рог, а на висках серебрится в солнечном свете чешуя, жирные руки сложены на груди. Ветер несет к берегу рябь и тинную вонь.

Шадек отвернулся.

— Какой смысл в иллюзиях, которые можно узнать? Раз узнаешь — уже понимаешь, что это иллюзия.

Бивилка снова не ответила. Она сидела сгорбившись, смотрела вперед невидящими глазами, и лицо ее ничего не выражало. Прислушивалась к себе, задумалась, задремала, искала следы Стража в том мире ощущений и образов, что был недостижим для прочих магов? Шадек вздохнул и накинул ей на плечи одеяло.

— А разве ты видишь что-то такое, к чему тебе хочется вернуться? — вместо Бивилки ответил сидящий позади Дорал. Голос у него был сдавленный. — Не знаю, кто как, а я сей вздох наблюдаю свое самое мерзкое воспоминание о воде. Даже если ты понимаешь, что это — только морок, тебе все равно хочется развернуться в другую сторону. Самое главное в иллюзиях что? Рождать ложные побуждения. Они хорошо с этим справляются. Прекрасные иллюзии. Не хочу знать, как они это делают.

— Магия, мать ее, тени, бдыщевый хвост, — выплюнул Гасталла и потрянул вожжами.

— Налево, — сказала Бивилка. Ни выражение ее лица, ни поза не изменились, голос звучал безжизненно и глухо.

Водная гладь пропала из виду, снова сменившись заснеженным лесом, а тот вскоре поредел, превратившись в каменистую равнину. Ее окутывали рваные клочья зеленого тумана. Отчего-то было понятно, что туман должен быть гуще, плотнее — но тогда в нем нельзя было рассмотреть огромного зеленого паука, который трепал кого-то в полусотне шагов от повозки.

— Ну это совсем уже за краем, — возмутился Гасталла, — это ж зеленый туман с паучиной, который делает орков магонами. Гижукская байка!

— Теперь мы все видим одно и то же? — заволновался Шадек. — И никто не видел этого раньше. Это что, это как? Магистр?

Дорал, подавшись вперед, разглядывал огромного паучину с замороженным омерзением. Паучье тело — крупнее человеческого, травяного цвета, желтоватое на боках. Его покрывает короткий жесткий мех вроде медвежьего. Паук стоит боком, но магистр уверен, что он видит телегу. В передних лапах его болтается чье-то тело. Слышен чавк жвал, рвущих живую плоть.

— Это что, правда Зеленый Паук? Который демон?

— Тэрья? — тихо переспросила Бивилка, и лицо ее на вздох стало осмысленным, тонкие морщинки прорезали лоб.

Дорал сердито замотал головой. Он понятия не имел, как объяснить то, что видел сей вздох. Единственным объяснением был обыкновенный

морок, но магистр отказывался это принимать. Слишком уж настоящее чувство опасности исходило от паука. А тело, которое он кромсал, было похоже на...

Что тут вообще можно сказать с уверенностью, бдыщевая мать забодай?!

— Ну серьезно, — взмолился Шадек, — я хочу понять, что это значит!

— Серьезно, — фыркнул, полуобернувшись, Гасталла, — этот парень сказал слово «серьезно». Этот сильный маг, который занимается сплошным раздолбайством. Сильный маг, который горы может свернуть, а вместо свернутых гор топчется в тени других, лишь бы не брать на себя ответственность — он знает слово «серьезно»! Воистину, пришел день великих открытий!

— Ты не понял ни-че-го, — процедил Шадек и сердито уставился на зеленого паука.

Как и пожар, тот не приближался и не отдалялся, до него все время было шагов пятьдесят. Трубчатые ноги цвета меди топтались по окровавленным камням. Тряпочной куклой болталось тело в передних лапах. Шадек не хотел смотреть на это тело — и не посмотреть не мог. В тумане можно было различить только широкие плечи, полотняную рубашку и длинные светлые волосы. Но Шадек понял, что если бы можно было подъехать ближе к пауку — они бы увидели, что из-под волос выглядывают острые эльфийские уши, и в левом качается серебряная сережка-петелька.

Шадек в голос выругался, вскочил, едва не уронив Бивилку, и ушел под полог. Сел на чью-то котомку, обхватил руками голову, впился ногтями в свежие шрамы и крепко зажмурился. Во рту стало сухо и горько, в ушах стоял звон и чавканье паучьих жвал, рвущих окровавленное тело.

Из четырех школьных друзей никто не вспоминал Кинфера вслух так редко, как Шадек. Но никто не скучал по эльфу так сильно. До сих пор. Может быть, только Умма.

— И правда, зря ты так, — тихо укорил Дорал Гасталлу. — Ты его держишь за бессердечного раздолбая только потому, что он все время шутит. Но многое невозможно пережить, если не шутить

Некромант неопределенно повел плечами и не ответил.

— Налево, — пустым голосом сказала Бивилка. — Дальше пешком.

Телегу оставили у последнего ряда сосен, за которыми начинался крутой подъем. Слой снега на нем был очень тонким, а к вершине пропадал совсем. Под ним виднелся каменистый пригорок, серый, как древесный пепел. Бивилку вели за руки Шадек и Дорал — больше для своего спокойствия: шла она уверенно, будто видела дорогу, только движения ее

оставались скованными.

Когда маги взобрались на вершину — ахнули. Все, кроме Бивилки. Она стояла, закрыв глаза и задрав подбородок, прислушивалась к чему-то. Потом уверенно пошла туда, куда были прикованы взгляды остальных: к мудрому, серому и грозному, которое вело ее сюда как по нитке, и которое оказалось наконец совсем близко.

Пригорок, на который вскарабкались маги, был верхней, малой частью каменной чаши — такой огромной, что в нее можно было спрятать самый большой город. А может быть, целое море. Оставалось лишь гадать об истинных ее размерах, потому что дальнюю часть чаши укрывал туман — пушистый, молочный, похожий на облака, но ясно было, что размеры ее невероятны. Сверху можно было разглядеть часть устроенных в скалах проходов — сколько ярусов, восемь? Десять? Как глубоко ведут эти норы, сколько пещер скрывается в каменной толще? Сколько же драконов спит в этих горах?!

Почуввав чужаков, туман шелохнулся. Быстро пополз к краю чаши, накрывая ее легким плотным одеялом. Несколько клочков потянулись кверху и осели у ног статуи, которая стояла наверху.

Небольшой дракон, чуть крупнее грифона, искусно вырезанный из серой каменной глыбы. Четырехлапый, он сидел в позе пса-охранника, свернув колечками длинный змеиный хвост. Полуразвернутые крылья, хищный волчий оскал, круглые, как у призорца, глаза. Каждая чешуйка выглядела как настоящая, и казалось, что статуя вот-вот вздохнет. Силуэт дракона красиво подсвечивало красно-рыжее закатное солнце. Под полуприкрытыми веками виднелись крупные камни цвета холодной воды. Бирюза.

Три мага переглянулись обескураженно. Что делать дальше и где искать Стража — не понял никто. Не стучать же по этой прекрасной статуе и не спускаться в молочный туман, закрывающий чашу? Тем более что и спуска никакого не видно...

Бивилка сделала несколько шагов — медленно, потому что у нее дрожали ноги от волнения. Подошла к статуе и задрала голову. Не открывая глаз, смотрела на серое, мудрое и грозное. А потом почувствовала, что мудрое и грозное тоже видит ее.

Вздвогнув, статуя открыла глаза и уставилась на магов.

Совет собрали на рассвете в дровосековой зимовке, захватив с собой всех жителей Мошука из эллорской закраины.

Элай и Тахар все еще злились на Алеру за эту дурацкую выходку: отправиться в город на ночь глядя и ничего не сказать никому! Кальен и вовсе с ней не разговаривал: надо ж было додуматься потащить с собой Ыча, с которого еще и повязок-то не сняли! Заживало на нем, конечно, как на тролле, но все-таки!

Зато Террибар, Оль и стражник-орк были взбудораженно-оживленными.

— Вот это — северная и западная окраины Мошука. — Наместник рисовал веточкой прямо на тонком слое снега. Вокруг него сгрудились люди, эльфы, гномы, орки и один тролль с повязкой на животе. — Вот тут, в поселке, окопалось лихо. Эллорцы знают, как лишить его силы. Но для этого нужно время, придется отвлечь самого лихованника и убрать из поселка людей, которые туда заселились после всех безобразий. Люди эти... нехорошие. Бывшие вязни, смутьяны, душегубцы и бездельники. Словом, они...

— Все равно не нужны, — подсказала Алера. — И их все равно нужно убить.

Террибар посмотрел на нее сердито и стал рисовать дальше:

— Это Пизлык. Через него мы можем незаметно подобраться почти к самому городу. Тех, кто сидит в поселке, нужно выманить бережно, чтобы не беспокоить людей в Мошуке. Но делать это нужно после полудня, когда все будут... под воздействием этого лиха.

— Из-за которого потеряют осторожность и выманятся из поселка, — нетерпеливо закончила за него Алера.

— Уши оторву, — негромко сказал ей стражник-орк.

Алера обернулась к нему и так же тихо спросила:

— А у тебя есть на примете кто-то такой же некрупный, как я, на кого лихованник не действует?

Орк подвигал челюстью взад-вперед. Алера отвернулась и продолжала громче:

— Но тот лихованский ветер — он подействует и на вас. Поэтому будет бой. Насмерть, без всяких изворотов и хитростей. Кто готов биться за город — шаг вперед. Кто не готов — будет плакать в зимовке, потому что из Эллора теперь выпрут всех. Правильно, наместник?

Террибар досадливо махнул на Алеру веткой.

Все мужчины и подлетки, способные обращаться с оружием, торопливо шагнули вперед. Жители Мошука почти все были в повязках,

кровоподтеках, синяках, некоторые припадали на ногу или держались за бок. Но выступили вперед без колебаний. Женщины и старики встревоженно переглядывались. Рисунок на земле понемногу затягивало поземкой.

— Хорошая новость и в том, что эльфы дали нам подмогу из десяти лучников, — добавил Террибар. В отличие от Алеры, он был очень благодарен элморцам за помощь. Алера же понимала, что Имэль бы пальцем не шевельнула, если бы в бой не собирался ввязаться ее драгоценный Элай.

А драгоценный Элай бы и бровью не повел, если бы Алера не вызвалась справиться с лихованником. А полезла бы в поселок Алера, если бы не чувствовала своей вины перед городом? Или если бы это мог сделать кто-то другой? Не отправлять же туда троллей, в самом деле...

Будь перед поселком удачное место для стрельбы — только десятерых элморцев бы хватило, чтобы справиться с сотней засевших в поселке людей, когда те выбегут за ограду. На деле лучники успеют сделать по два-три выстрела. И кто знает, не ошиблись ли домашние призорцы: может быть, смутьянов в поселке не сто, а двести. Или триста. И самострелы у них, помнится, есть. Обо всем этом Имэль рассказывать не стали, но элморцам велели взять с собой еще и мечи.

Пересчитав по головам мужчин и подлетков, Террибар пробормотал:

— Вместе с нами и элморцами выходит тридцать семь. Негусто, да, Оль?

— Тридцать пять, — не терпящим возражений тоном поправил стражник-орк, — без никаких «вместе с вами». И не перечьте! — повысил он голос. — Если вас убьют — что с Мошуком станет, а? Кто его в разум вернет — я, что ли? Или эти три дуралея? Тридцать пять!

— Тридцать пять, — буркнул гласник. — Тридцать пять раненых полуголодных человек, чтобы отбить целый город. Да-а, такой ерунды даже в байках моего дедули никто не вытворял!

Люди смотрели на него хмуρο и упрямо.

— Так племя помогающая! — разнеслось над головами. — Могучим и добрючим надо помогающая, чтоб они выживающая!

— Но это еще не все! — повысила голос Алера, перекрикивая враз повеселевших, загомонивших людей. — Мало отбить город — нужно снова его не потерять! Поэтому самое важное наступит после!

Люди понемногу умолкли. Растолкав плечами других мужчин, вперед вышел Эдфур, сложил руки на груди и уставился на Алеру исподлобья. Грязная повязка на лохматой голове придавала гному свирепый и

непреклонный вид.

— Лихованник получил власть над городом, потому что у Мошука больше не было хранителей, — чуть дрожащим голосом продолжала Алера. Взгляд ее перебежал с одного незнакомого лица в толпе на другое. — И теперь многие должны жертвовать своей жизнью, чтобы прогнать это лихо, но даже если мы сумеем это сделать, на место одного лихованника придут другие. Вы видели, что они делают с вами и вашим домом. Не хотите, чтобы такое повторилось? — Люди в толпе озабоченно переглядывались. Эдфур неопределенно хекнул. — Тогда возвращайте своих призорцев. Это их места теперь занимают всякие лихованники. Бульб, вылезай.

Из откинутого на спину капюшона Алеры выбрался на свет ратушник. Он щурил глаза от яркого света, смущенно улыбался и мертвой хваткой держался за волосы Алеры. Ветерок трепал серую шерсть на его лице.

— Это что еще за страх Божинин? — просипел какой-то гном.

— Страх Божинин — у тебя в штанах, — не полезда за словом в карман Алера, — а это — призорец, хранитель места. Вы про них уже и забыли, да? А их много живет в ваших старых домах, в банях, в хлевах, только все они давно бессильные. Они теряют силу, если мы в них не верим. А когда теряют силу призорцы — приходят лихованники, и мы начинаем резать друг другу глотки.

Девушка сгребла ратушника поперек мохнатого тела и протянула перед собой, бережно держа ладони ковшиком.

— Вот ваше настоящее спасение от пришлой нечисти. И не только спасение, а и много чего хорошего для ваших домов, детей и городов. Если вы снова научитесь в них верить.

— Верить, значит, — повторил Эдфур и оглянулся на стоящих позади людей. Люди таращились на хатника.

— Верить и почитать, — добила гнома Алера.

Эдфур снова хекнул. Бульб прочистил горло, стиснул маленькие ладошки и виновато повторил:

— Ить много наш таких, бешшильных. А были б в шиле — никакой лихованник не приштал бы к вашим домам. — Ратушник оглянулся на Алеру, увидел ее ободряющий кивок и заискивающе добавил: — Мы-то ваш теперь обороним от лиха. Вы токо верьте в наш! Не можем мы без вашей веры!

Из толпы колобочком выкатилась маленькая девочка. Круглая и смешная, в светлой шубке, она поковыляла к Алере, протягивая руки:

— Это хатник, хатник, я знаю! Можно взять его себе?

Алера поспешно пересадила Бульба на плечо.

— Нельзя. Но в городе таких еще много. А если этот мир случайно выживет, то из Даэли вернется еще больше призорцев.

— А можно будет поверить в них всем скопом, а не знакомиться с каждым по отдельности? — жалобно спросил Эдфур.

* * *

— Мы пришли просить тебя о помощи, — сдавленно проговорила Бивилка. — Мы можем говорить с тобой?

— Конечно. — Дракон произнес это, не открывая рта. Глубокий негромкий голос и растекался в воздухе, заставляя его подрагивать, и возникал прямо в головах магов. — Ко Стражу обращаются маги, любимые дети Божинины. Чтобы добраться сюда, они превозмогли расстояние, время и собственный страх. Чтобы увидеть Стража, они поставили маговское назначение выше самих себя. Разве может Страж, творение Божинино, не отозваться на зов любимых детей ее, доказавших, что следуют маговским путем по заветам создательницы?

Шадек неуверенно улыбнулся и покосился на Дорала. Магистр смотрел на дракона ошалело, тоже не уверенный, что тот не издевается. Но каменная морда Стража была торжественно-унылой, а бирюзовые глаза смотрели на Бивилку совершенно серьезно.

— Какой наказ принесли Стражу дети Божинины?

Шадек хрюкнул. Наказ? Не просьбу?

А что они могут «наказать» Стражу? Вскопать грядки за домом Рогуши и высадить там репу?

— Мы хотим, чтобы ты разбудил драконов. Без них наш мир беззащитен перед демонами, они пришли сюда, они истощают Идорис...

Страж издевательски хмыкнул, прищурил глаза цвета бирюзы, и в них отразился лунный свет.

— Разбудить драконов. Спасти мир. Вечно одно и то же. Вы думаете, это вернет вашу прежнюю жизнь? — Страж мягко переступил лапами, развернул колечки хвоста. — Но прежнего мира больше нет. Он останется только в вашей памяти. Неправда, что самая темная ночь — перед рассветом, нет, — самые темные ночи не заканчиваются никогда. Они продолжают жить в людях. В ваших глазах и складках возле губ. В ваших шрамах и могилах, на которые вы ходите.

Бивилка только выше задрала подбородок. Губы у нее были серыми,

как тело Стража.

— Ведь все могло быть проще. — Драконова голова склонилась к лицу Бивилки и зависла, покачиваясь. Ноздри Стража раздувались. — Почему было не прийти десять, пятьдесят, сто лет назад? Почему люди не верят в беду, пока она не придет на порог? А теперь? Что останется от орочьего края? Нет, я не знаю, никто не скажет. Власть демонов уйдет, но кто возьмется сравнить ее с другими демонами? С теми, что будут терзать орочьи души, когда они поймут, что натворили? О-о, никто не возьмется угадать. А что будет с краем дриад, когда им захотят отомстить за то, что привечали демонов? О, я не знаю, останется ли дриадский край на ваших картах.

Слова в головах магов появлялись медленно — Страж издевательски растягивал слова. Его ноздри бесшумно раздувались, улавливая дух сомнений, витавший над Бивилкой. Каменная чешуя серебрилась в свете звезд.

— А тот край, что лежит за Даэли? Там всегда было беспокойно. Только там во все времена знали, что такое война, ненависть, безнадежность. О нет-нет-нет, я даже не хочу думать, что происходит с этим краем теперь. — Дракон по-кошачьи пригнул голову, и его бирюзовые глаза уставились в незрячие глаза магички. — Даже два родных ваших края, которые пострадали пока меньше всех, — и те превратились в жалкое подобие себя. Они не станут прежними. Явились демоны и выпустили демонов из ваших душ — это серьезней любого неурожая. Это даже хуже, чем пять лет без урожая. Проще дать этому миру погибнуть, чем исправить его. Ты уверена, что хочешь исправлять? Ты уверена, что хочешь смотреть, каким станет этот мир из-за того, что ты пришла позже, чем стоило?

— Я не буду смотреть, — глухо ответила Бивилка. — Я лишилась зрения, чтобы найти тебя.

Дракон издал звук, похожий на фырканье, и из ноздрей его вылетело облачко пыли.

— Это все, что ты можешь сказать? Тебя не тревожит, что будет дальше?

— Мы как-нибудь справимся. Я знаю, что шрамы со временем становятся не такими уж заметными.

— Пустые слова в ответ на ясные вопросы. Никогда вы не меняетесь. — Кошачья грация сменилась змеиной, и даже прищур глаз неуловимо изменился. — Так почему же ты колеблешься? Я чую твои сомнения.

Бивилка сглотнула.

— Я знаю, что демонов выбросит в какой-то другой мир. Мы

обрушиваем на него смертельную угрозу. И мы не имеем права...

Жадный оскал Стража сменился разочарованно вытянутой мордой, глаза потускнели — как будто дрожь прошла по водной глади.

— Нет никаких других миров. Только этот.

— Что? — хором удивились мужчины. Бивилка недоуменно нахмурилась, ожидая продолжения, но дракон по непонятной причине потерял интерес к разговору.

Он чинно сел, словно большой дрессированный пес, переступил передними лапами, оставив на камнях черные борозды. Отблеск зари подсветил его крылья розовым. Медленно, торжественно и четко Страж проговорил:

— Я готов принять наказную силу. Кто из вас предоставит ее?

* * *

— Полсотни новых преданных горожан. По нынешним временам неплохо, да? — Пригревшись между друзьями, Алера задумчиво рыла снег носком башмака. — Если они выживут, конечно.

Тахар отстранился, озабоченно вгляделся в ее лицо. Лицо было совершенно спокойным, только сонным. Минувшей ночью в пизлыкском лесу все спали плохо. Кроме разве что троллей.

— Ты ведь не собираешься убиться об этого лихованника, правда?

— Правда. Имэль сказала, это не поможет.

— Ты что, спрашивала ее? Всерьез?!

— Не всерьез. Просто чтобы знать. Не хочется мне, чтобы вы влезали в эту драку. Я помню, какими чумными вы были в тот день... И убивать людей — плохо. Мне не нравится, когда нужно убивать так много людей.

Некоторое время они молчали, наблюдая за суетой вокруг. Трое друзей так и держались наособицу, другие не задевали их и не обращались к ним без особой нужды. Словно и не замечали. Как всегда. Только Кальен и Оль держались неподалеку.

— Ты не будешь убивать людей.

— Вы будете.

Элай рассеянно щелкнул Алеру по носу.

— Брось. Даже Имэль одобрила их отстрел. Мы бы и тебя с собой взяли, но ты стреляешь как девчонка.

— Имэль одобрила? Она так и сказала? — не поверила Алера. Удивительно было уже то, что Имэль помогла им, да еще обошлась при

этом без своих занудных рассуждений. Но одобрить — да ни в жизнь!

— Нет, сказала она мудренее. Что-то вроде: «Прежде это был дружелюбный и хлебосольный народ, а то, что с этими людьми сделали сегодня, — это хуже, чем если бы их уничтожили: тогда убили бы их тело. А демоны уничтожают их души».

— Да-а, — протянул Тахар, — видела б Имэль, как этот дружелюбный народ в Мошуке резал друг другу глотки до прихода Террибара! Помните — когда, шесть лет назад? — как мы еле ноги унесли с той хлебосольной площади? Эх, Имэль. В ее-то годы такая вера в людей!

Алера помолчала, наблюдая, как другие весело и дружно собирают палатки, сворачивают в тюки одеяла, как перекидываются шутками и ободряюще хлопают друг друга по плечам.

— Может быть, когда это закончится, люди и правда станут лучше.

Тахар мотнул головой.

— Люди никогда не станут лучше, Аль. Люди — это мы.

Алера поерзала, поудобнее устраиваясь между друзьями.

— Глупо получилось. Если бы я не забрала у троллей этого мальчишку. Нет, еще раньше — если бы наместник не отправил нас следить за подлетками... Или еще раньше — если бы мы не пошли к нему рассказать о порталах, если бы мы вообще не вляпались в этот город! Если б мы ушли в Азугай раньше, чем случился весь этот ужас в Мошуке, — а мы бы ушли, если б не Оль... Вот на кой хвост мы не ушли? Что мы теперь будем делать?!

Эльф помрачнел. Тахар мотнул подбородком в сторону города:

— Кто бы их спасал тогда?

Алера вздохнула:

— Я запуталась. Все связано, ничего не выдернуть. С чего началось все то, что нынче делается с миром?

— С того, что драконы слишком много жрут, — уверенно ответил Элай. — Если б они жрали меньше, им бы не нужно было впадать в спячку.

— Если бы магоны не знали магии, — словно не слыша его, продолжала Алера, — то их маги не устраивали бы походы в Миры-междумирья. А если бы магоны туда не попадали и не тащили с собой Кристаллы, то мы не забирали их сюда и демоны не сумели бы так просто расселиться в Идорисе... — голос ее становился все тише. — А у нас ведь много чего одинаково с Азугаем. Магия. Общая речь. Они даже верят в Божиню по-своему. Ведь кто-то должен был все это им принести, и не теперь, а давно, еще до того, как здесь все началось. И мы же знаем: Шель любил рисовать маговские Карты... такие же, как теперь тащат через Миры

из Азугая.

— И ты решила, что это мои родители принесли в Азугай магию, общую речь и веру в Божиню, — Тахар сказал это совершенно обычным тоном, и Алере немедленно захотелось лягнуть его, — появившись там сто лет назад. Или еще раньше. Мы ведь сколько лет назад это обговорили и оставили в покое! Мои родители не могли появиться в Азугае так давно!

— Дефара сказала, ты похож на мага, который приходит все время, — уперлась Алера, — и Дефара знала про демонов. Как демоны попали сюда, что им помогает, и при чем тут драконы, и как их найти, и что будет, если разбудить. Азугайские призорцы еще сто лет назад пытались все это донести до нас. Они уже тогда знали, что случилось, как и почему, и что будет дальше, и что надо сделать. А наши призорцы знают древние байки про лихованников — откуда бы они взялись, если лихованники появились только теперь?

Тахар обхватил ее за плечи и уставился в серое зимнее небо. Вылезло бы солнце, что ли.

— И еще, — торжествующим шепотом закончила Алера, — Дефара ни разу не говорила, что произойдет, если драконы не проснутся. Все, что сейчас происходит, уже много раз бывало! Но никогда не случалось так, чтоб драконов не разбудили и чтобы наш мир погиб!

— Знаешь, — после долгого молчания вкрадчиво сказал Тахар, — Элай прав: ты еще более свихнутая, чем кажешься.

Эльф расхохотался. Алера сбросила руку Тахара со своих плеч, и маг тоже рассмеялся, дернул ее за ухо, взъерошил волосы.

— Ну что? — Мимо прошагал Эдфур, помахивая огромным топором. — Время к полудню! Хватит уже торчать тут, как вилы в говне, двигаться надо!

На поляне и так жизнь кипела вовсю, ходили туда-сюда люди и эльфы, сновали гномы, что-то спешно доедали, собирали, дергали Террибара и Оля. Бульб сидел на плече у наместника, болтал ногами и приговаривал: «Не помрем, не помрем ведь!» Элорцы невозмутимо беседовали с лошадками. С интересом наблюдали за суетой несколько троллей, остальные шатались по лесу неподалеку, высматривая что-то, ведомое им одним.

Алера взяла друзей за руки, стиснула пальцы.

— Будьте там осторожны, ладно?

— Ладно, — покладисто согласился Тахар. — Мы и близко подходить-то не будем, если ты там не провозишься полдня.

— А зачем выпросили у меня клинки?!

— Для пущей сохранности. А так я щиты буду ставить, Сетями покидаюсь немного...

— А я буду поражать их своей меткостью. И красотой.

Алера рассмеялась, прижалась к боку эльфа на вздох, и он обнял ее за плечи.

Тахар проследил за их взглядами и строго велел:

— Даже не вздумайте.

Алера потупилась. Элай закатил глаза:

— Ну чего еще?

— Не вздумайте целоваться до того, как все закончится. А то у нее в голове будет твориться Божиня пойми что, и тогда она что-нибудь обязательно сделает не так. Да и ты тоже.

Впервые на памяти Тахара Алера покраснела так, что стали не видны веснушки на ее щеках. Эльф поморщился.

— Тахар!

— Что?

— Заткнись, а?

* * *

Наказная сила. Магия тени.

Словно что-то щелкает в головах магов, и они понимают, что означали эти слова. А может быть, понимание дает им Страж — на этот раз без слов.

Магия тени — древняя и могучая. Возможно, даже всемогущая. Страшная. И прекрасная. Прекрасней горячей школьной башни в своем величии.

Что там какая-то башня в сравнении с добровольно сожженной судьбой!

Магия тени — магия чужой силы, отданной вместе с наказом.

Отданной добровольно. Без остатка. Навсегда.

— Кто из вас предоставит наказную силу? — повторяет Страж, словно выполняя ритуал.

Маги не могут двинуться с места. Не могут даже переглянуться. Не потому, что Страж не разрешает — просто они боятся того, что увидят в глазах друг друга. И поэтому смотрят только на дракона, замороженные.

Каждому из них в сей вздох хочется оказаться где-нибудь очень далеко. Оторвать ноги Дефаре, которая ни о чем таком не предупреждала. Устыдиться собственной трусости и мелочности в такой важный вздох,

когда речь идет о целом мире.

Но на самом деле их никто не спрашивал, какой ценой они хотят спасти этот мир.

И теперь никто не спрашивает: в самом ли деле мир достаточно хорош для подобной жертвы?

Что там сказано в Преданиях о маговском назначении?

Один только Шадек не ощущает ни стыда, ни растерянности — он искренне, от всей души возмущен. Ему хочется топтать ногами и орать во весь голос, кричать всякие гадости и отчаянно-бесполезное «Ну я же говорил!». И еще ему хочется надавать себе по лицу за то, что сразу не взял в охапку Оля и эту поганку и не увез за море.

Потому что Шадек — единственный, кто точно знает: нет, сто раз нет, этот мир недостаточно хорош для подобных жертв! Потому что быть магом — невероятно здорово, и уже ради одного этого стоило появиться на свет. И ничего в этом мире и Мирах не может быть достаточно важным, чтобы отдать свою магическую силу навсегда и до последней капли!

Ничего! Кроме разве одного — не дать сделать эту глупость кому-то другому. Тому, для кого его дар еще более важен, если такое вообще возможно. Тому, кто уже показал, что вывернется наизнанку ради этого никчемного мира.

Шадеку хочется схватить Стража за хвост и сбросить его прямым в Чашу. Потому что ставить человека перед таким выбором — демонически нечестно. Потому что при любом исходе...

— Кто из вас предоставит наказную силу? — в последний раз спрашивает Страж, и все понимают, что...

— Я!

Звучат два голоса. Разом.

Шадек и Гасталла смотрят на Стража с вызовом, одинаково упрямо вскинув головы, безотчетно стискивая зубы и сжимая кулаки. Это так невыносимо трудно — просто стоять перед драконом и смотреть на него, но это — единственное, что еще можно делать осмысленно.

Страж невозмутим. Он уважительно кивает — одному магу, второму, и по-змеиному наклоняет голову. Ноздри его подрагивают. Бирюзовые глаза встречаются с серо-голубыми, и Шадек еще сильнее сжимает кулаки. Он слышит шипение и шепот, он чувствует, как под драконьим взглядом просыпаются самые потаенные закутки его памяти, и нараспашку оказывается все: побуждения и страхи, желания и нежелания, то, что случилось, и то, чего не произошло.

Страж медленно кивает, переступает лапами и оборачивается к

Гасталле. Некромант скрипит зубами и щурит болотно-зеленые глаза, то ли пытаясь закрыться от драконьего взгляда, то ли бравируя показным небрежением. Страж смотрит внимательно и долго, бесконечно долго — несколько вздохов. И снова кивает.

В раздумье прикрывает свои глаза цвета холодной воды, сворачивает-разворачивает колечки хвоста. Медленно покачивается его голова на длинной чешуйчатой шее.

Смертельно бледный Дорал переводит взгляд с Шадека на Гасталлу, хочет что-то сказать, но не решается вымолвить ни слова. Бивилка прижимает пальцы к щекам, губы ее беззвучно шевелятся, в незрячих глазах стоят слезы.

Что понял дракон? Что он теперь видит, что он решает?

Кого выбирает?

Страж отмирает. Сначала он вытягивает шею, а потом за ней следует тело: три длинных, по-кошачьи мягких шага. Дракон замирает над головой мага и только тогда открывает глаза. Каменные ноздри трепещут, вбирая в себя магическую энергию — блестящую серебристую пыль.

Добровольно. Без остатка. Навсегда.

С той же неторопливой кошачьей грацией Страж разворачивается к Чаше и медленно выдыхает, поводя головой туда-сюда.

В небе, сплошь затянутом облаками, дрожит размытый бело-желтый шар. Почти над головами.

Туман над каменной чашей помалу рассеивается, и из пещер доносится шелест. Сначала очень тихий, потом громче, потом он разносится эхом со всех сторон и по всем ярусам — вблизи, издалека, повсюду. Из пещер высовываются первые драконьи морды. Сверху не понять, все ли драконы выглядят как Страж или отличаются от него. Видно только, что чешуя у них разного цвета: коричневая, зеленоватая, бурая...

— Теперь идите. — Бирюзовые глаза тускнеют, каменные веки тяжелеют. — Идите и не оглядывайтесь. Драконова Чаша — не место для людей.

Глаза закрываются, хвост сворачивается колечком вокруг лап, и змей застывает на своем вечном посту, как чешуйчатый сторожевой пес.

— Это да, — едко говорит Гасталла и рукавом оттирает пот со лба, — это мы уже и сами поняли, каменная твоя башка.

За тысячи переходов к югу Террибар, болезненно морщась, разглядывает ограду вербяного поселка. Наготове лучники. И костры.

— Как думаешь, Оль, у нас получится?

— Получится. — Маг вздох-другой прислушивается к себе, а потом его лицо озаряет недоверчиво-счастливая улыбка. — получится. Это я тебе как прорицатель говорю.

Гласник оборачивается к северу. Он не видит ничего дальше пизлыкского леса, но знает, что где-то там, далеко-далеко, у других магов тоже все получилось. Губы Оля неслышно шепчут что-то. Он улыбается. Потом снова оборачивается к повеселевшему Террибару. Глаза его блестят.

— Давай, командуй. Надеюсь, лучники не подожгут поселок этим своим... привлекающим изворотом? И пусть все, что нас не прибило, сей вздох про это пожалеет, потому как теперь приходит наш черед!

* * *

Бч и Алера пробираются в вербяной поселок от закраины, со стороны порченого поля. Бч прячется среди верб, пригибается неловко, и тугая повязка впивается ему в живот. Троль знает, что Кальен снова будет ругаться, но нельзя же было оставить Алеру одну!

Она пробирается дальше — туда, где заканчиваются заросли верб. Оглядывается и машет троллю. Тот на цыпочках покидает укрытие и неслышно движется следом, пригибаясь и держась в двадцати шагах позади. За оградой орут, слышен стук и лязг, рев троллей.

Как же тут стало грязно и пусто!.. Вот и кузня, за нею — колодец, а дальше — большой дом, за которым начинается главная поселковая улица.

Едва не взвизгнув, Алера отшатывается: по всей дороге прямо посреди заснеженной улицы — шевелящиеся заросли высотой по колено.

Бело-зеленые жгутики растений тихо шуршат и подрагивают, словно вынюхивают что-то.

Они растут из мертвых тел, аккуратно уложенных вдоль улицы плечом к плечу. Растения обвивают их, поглощают их, ползают по ним, как трупные черви-переростки.

Алера отводит взгляд, не в силах смотреть на эти мертвые-живые тела, но все равно видит их. Видит жгутики неизвестных бело-зеленых растений, которые чутко трепещут над трупами. Бч сопит за большим домом. Поднимается ветер. Крики и лязганье слышны уже не только за оградой поселка, но и с другой стороны, из города.

У Алеры дрожат пальцы, и она никак не может вытащить пробку из плоской деревянной фляги, а когда наконец вытаскивает — едва удерживается, чтобы не выплеснуть всю жидкость на ближайшие тела.

— Несколько капель, — строго наставляла ее Имэль, — и старайся не дышать над ними.

Алера надеется, что скрытная эльфийская старуха знала, с чем предстоит столкнуться и что ее варево подействует. Девушка осторожно наклоняет флягу над ближайшим телом, стараясь глядеть только на густую рубиновую жидкость, которая капает из горлышка, но глаза все равно замечают, как по-червячьи возятся толстые жгутики — на этих телах, на других, повсюду, будто весь мир и Миры оплетены этими растениями.

Потом Алера вспоминает, что теперь нужно говорить просто «весь мир», потому что нет больше никаких Миров. Стискивает зубы и движется с флягой дальше, вдоль дороги мертвецов.

Бч медленно выглядывает из-за дома, сосредоточенно изучает открывшуюся картину. Молчит. Рубиновые капли вязко падают на шевелящийся ковер из стебельков и плоти, и те иссыхают за какие-нибудь два-три вдоха. Воздух наполняется листовым шелестом, из-за которого кажутся тише крики за оградой и городской стеной.

Пальцы без рукавиц быстро замерзают, плохо слушаются, а жидкость из фляги и дорога из тел-растений все не заканчиваются. Высыхая, бело-зеленые отростки источают вонь гнилой соломы, и вскоре смрад окутывает все вокруг, заполняя мир и Миры...

Заполняя мир. Нет больше никаких Миров. Алера скрипит зубами и до боли в пальцах стискивает флягу. Она бы с удовольствием пнула ближайший труп, если бы это не было так противно.

Тела иссыхают одно за другим, и флягу приходится наклонять все сильнее. Алера не знает, хватит ли рубиновой жидкости на всех, что еще остались. Но тела иссыхают, и пляшущий за оградой ветер становится слабее и тише, он уже не звенит задорно и лихо — жалко шепчет что-то, едва касаясь лиц людей. И дурное марево постепенно уходит из их глаз.

Алера этого не видит. Она идет вдоль дороги мертвецов.

Рубиновые капли падают на покрытые жгутиками тела — мужчины, старики, подлетки, женщины, дети, орки, люди, гномы, эльфы — вперемешку, рядами. Наверняка Алера знала многих в лицо. Но она не пытается разглядывать лица, она смотрит только на рубиновые капли на горлышке фляги.

И чуть не спотыкается об Охрипа.

Вербяник сидит на снегу у края улицы, держится лозами-руками за голову-корягу и тихо постанывает, будто корягу что-то жрет изнутри.

— Как же так... Что же я...

Алера смотрит на призорца и отстраненно удивляется: как много

чувств может выражать похожее на пень лицо.

— Мое хозяйство, мои человеки... не удержал, не уберег!

Из глаз его катятся вязкие слезы, блестят в складках коры на щеках. Алера стоит перед Охрипом и не может понять, что ей делать. Сзади и сверху доносится сопение Ыча. Троль, как всегда, подобрался совершенно бесшумно.

— Разрывающая, — предлагает он и ободряюще кивает Алере, — закопающая. Подлючий пенек, негодючий.

Алера качает головой, нерешительно топчется рядом с призорцем. Тот поглощен своим горьким прозрением и даже не замечает, что рядом кто-то есть. Осененная догадкой, Алера наклоняет над ним флягу. Вязкая рубиновая жидкость неохотно капает на большой Охрипов нос и медленно стекает по нему на щеку, не причиняя никакого вреда, смешиваясь со слезами.

— Верба плакучая. — Скривившись, Алера обходит призорца и снова принимается за дело. Кап-кап. Вонь гнилой соломы. Шаг вперед. Кап-кап. Окоченевшие пальцы. Вонь. Скрип снега под ногами. Сопение тролля позади. Затихающее хлюпанье Охрипа.

Когда наконец истлевают последнее тело, Алере кажется, что она провела на этой улице не менее года. Она опускает флягу и трет ледяной рукой нос, словно может избавиться от гнилостного запаха. В холодном воздухе мертвого поселка звуки разносятся далеко, и Алера знает, что за оградой уже не звенит сталь, не свистят луки, не крушат черепа дубины. Не слышны ни вопли, ни стоны. Кажется, там теперь говорят на повышенных тонах.

Самое время.

Из-за последнего дома выходит мальчишка. Он такой же, каким Алера запомнила его с того дня в трольем лагере, только чище, патлатей и одет теплее: короткая шубка, теплые штанишки, валенки. Он обескураженно моргает и медленно идет к девушке, по-детски выпячивая живот и шмыгая носом. Она стоит и смотрит на него без всякого выражения.

— Это я такое натворил?

Он останавливается возле истлевших тел и чешет затылок маленькой ладошкой с обкусанными ногтями.

— Ничего не помню. Мы ехали через лес... Мама, братья. Потом кикиморы. Я бежал, далеко-далеко бежал. Потом было страшно. И голос. Он был такой ласковый, и он учил меня, как сделать всем хорошо. А потом... мы играли. Мы с Охрипом просто играли. А теперь все мертвые и в какой-то гадости. А почему снег? Когда мы ехали с мамой, было лето.

Алера смотрит в большие испуганные глаза. У них непонятный цвет: темно-серый, зеленый, карий? Мальчишка, словно повторяя за Алерой, трет нос маленькой ладошкой. У него смешной нос, маленький и курносый.

— Ты заберешь меня отсюда? — серьезно спрашивает он и морщит лобик. — Я не хочу больше быть здесь. Здесь страшно и плохо. Я не мог такого натворить. Это все голоса в моей голове. Только я их теперь не слышу. Ты прогнала голоса в моей голове? Ты хорошая. Ты добрая. Ты сможешь мне найти маму и братьев?

Ыч сопит за спиной Алера. Та, полуобернувшись к троллю, просит:

— Возьми его на руки.

Ыч подхватывает мальчишку, и тот смеется:

— Троль меня покатает, покатает!.. А?

Троля лапа смыкается вокруг худеньких плеч, вторая обхватывает ноги над коленками. Ребенок беспомощно дергает ногами в маленьких валенках. Подходит Алера, рассеянно улыбается, затыкает флягу за пояс теплой куртки и кладет холодные ладони на щеки мальчишки. Он затравленно смотрит в черные глаза, в которых не видно зрачков, и пытается вывернуться из стальной Ычевой хватки. Алера мимолетно гладит детские щеки, крепко стискивает голову за висками, ближе к затылку, и с хрустом сворачивает тонкую шейку.

Троль брезгливо швыряет детское тельце на груды истлевших человеческих тел. Маленькая голова, вывернутая невозможным образом, мотается туда-сюда. Глаза непонятного цвета смотрят на Алера с ненавистью, детский рот кривится в оскале, пухлые ладошки сжимаются в кулаки. Лихованник силится что-то сказать, но не может, только шипит и плюется.

— Слишком гладкий рассказ. Не говорят так шестилетние дети.

Алера подходит и поднимает покрасневшую от холода руку с плоской деревянной фляжкой. Лихованник отчаянно воет. Всего пару вдохов. Потом рубиновые капли впитываются в детское тело, и оно осыпается бесформенной кучкой серой пыли.

Эпилог

— Надо было мне, — в конце концов сказал Дорал.

— Нет, — тут же ответил Гасталла, но по глазам его было видно, что такая мысль ему нравится больше, чем утрата собственных способностей. — Тебе еще Школу восстанавливать. Какой ты будешь ректор без магической силы?

Магистр опустил глаза, признавая правоту некроманта и опасаясь, что облегчение на его лице проступило слишком явственно.

— И она тоже не могла. — Гасталла мотнул головой в сторону дома. После возвращения магов поселили в том же доме, недалеко от хаты Рогуши. — То есть она-то могла и сделала бы. Только потом бы удавилась в конюшне. Непременно удавилась бы, потому как ни к чему кроме магии не способна. А Шадек... Он так любит быть магом, что пока даже не понял, что это такое — быть магом. Ему еще многое предстоит совершить.

— Никогда бы не подумал, что он на такое решится, — Дорал покачал головой. — Самопожертвование и Шадек? Нет, я всегда был уверен, что он себя проявит не так, как другие маги, но это...

— Проявит, — Гасталла поморщился, — увидишь. А лишишь он способностей — у него бы уже ничего и никогда не вышло. И у *них* бы тоже не вышло.

Оба снова посмотрели в сторону дома.

— Это верно. — Дорал поскреб подбородок. — А так выйдет, пожалуй.

— Выйдет, выйдет, — проворчал Гасталла. — И у тебя тоже выйдет. Твое дело теперь — Школу восстановить. И факультет некромантии открыть как собирался. И обо мне печься, чего уж. Молодняк-то обучать я смогу, тут можно и без магии обойтись, и даже опыты продолжать сумею. Но тут без магии обойтись не выйдет, так что Школа мне должна лабораторию обустроить и помощников отрядить, ясно? А если получится отрядить мне немых помощников — будет и вовсе волшебю.

Дорал посмотрел на кривую улыбку Гасталлы и рассмеялся — до того легко стало у него на сердце. Ворчливый некромант снял с души магистра тяжкий и тошный груз вины и беспомощности.

— Будет тебе и факультет, и лаборатория, и помощники, — щедро пообещал магистр. — Только тяжело тебе в Школе придется, знаешь? Там ведь кто, в Школе? Люди. А многие из них — еще и подлетки. Ты не

представляешь, как они орут!

Лицо некроманта ненадолго омрачилось, но внутренняя борьба оказалась недолгой — Гасталла махнул рукой и решил:

— Да и демон с ними, с воплями. Зато какое разнообразие — повозиться с кем-нибудь, кроме лабораторных мертвяков. Как-нибудь оно да будет!

* * *

В город потянулись птицы с письмами. Много. Одни письма были адресованы наместнику, другие гласнику, третьи — безвестно сгинувшему жрецу. Четвертые — Хону, и их отдавали стражнику-орку, который помалу брал на себя обязанности стражъего старшины.

В одних письмах были просьбы о помощи. В других спрашивали или давали советы. В третьих витиевато предлагали Террибару присоединиться с Мошуком к числу «объединенных наместничьей властью городов» и строить помалу свой обособный Ортай в большом и ничейном Ортае.

Бывшие столичные гласники, осевшие в Кали, прислали письмо Олю с весточкой для магистра Дорала и подтвердили давние слухи о резне в Тамбо — город в самом деле погиб, и никто толком не знал, что с ним произошло после. Зато было доподлинно известно, что через два дня после пожара в Школе Западное море выбросило на берег тело старика-ректора. Про грифона, на котором он летел, не было известно ничего.

Тревожные слухи шли с севера — из приграничных городов писали, что в Гижукке творится неладное и что нужно готовиться к новой войне. Пришла и новость с юга, из Меравии, — оттуда сообщали, что государь ортайский собирается вернуться в свой край во главе большого войска и что следует готовиться к «новым отношениям» с тем же Гижуком.

— Все ж зря эти трое не ушли в свой Азугай, — сказал Оль Умме.

Они пекли репу на костре возле дома магички. Гласник с наместником собирались наутро выдвинуться в Мошук. Остаться в городе подолгу они пока избегали: слишком грязно там нынче, слишком свежа кровь на снегу и воспоминания о недавних событиях. Но добровольчие уборные отряды и постепенно набирающие силу призорцы обещали все выправить очень скоро.

Всего-то и оставалось — не дать возвращенному городу погибнуть до следующего урожая. Вытеснить из памяти мертвые руки эльфиек с кровавыми бороздами от сорванных brasлетов. Отвыкнуть все время

оглядываться, ища глазами маленькую белую собаку с потешными ушками.

Кальен остался в Мошуке и всерьез взялся за лекарню. Городской травник ему помогал как мог, да и Тахар много времени проводил за приготовлением зелий. Только сам в город не ехал, передавал лекарства через Оля.

Гласник обернулся к костру у соседнего дома, где возились Тахар, Алера и Элай. Они явно были довольны жизнью и, кажется, никуда не собирались — ни завтра, ни в будущем. Странное дело, подумал Оль: ведь Алера не любит Эллор. Или теперь примирилась с ним по необходимости, потому как порталы закрылись? И потому что все остальное вокруг — еще хуже? Или потому что у нее появилась новая цацка с длинными ушами? Но ведь придется им рано или поздно высунуть нос из Эллора!

— Зря они не ушли, — повторил гласник. — Туго им тут придется.

— Может быть, — Умма покраснела. — Но пока никто не жалеет, что так вышло.

Два дня после того, как отбили Мошук, Алера с непреходящим воодушевлением висела на шее то у Тахара, то у Элая, и с непонятным удовольствием наблюдала, как от этой ее непосредственности перекашивает и Элая, и Умму. Элай считал, что горячие поцелуи должны доставаться только ему, а Умма считала, что неплохо бы Алере находиться в тысяче переходов от Тахара. Сам Тахар принимал непривычные нежничанья с незамутненным невинным восторгом.

— Попьет с тебя кровушки эта их неразлей-такая-дружба, — крикнул Оль и на всякий случай уточнил: — Это я тебя всерьез упреждаю, по-прорицательски.

— А и пусть пьет, — весело ответила Умма и обняла друга за плечи. — Лучше ведь так, чем никак!

* * *

Шадек в россыпи брызг вбежал в озерную воду, нырнул. Поплыл, рассекая сильными гребками теплый поток.

У него было страшное ощущение, что он не имеет права находиться тут и радоваться жизни. Он снова не сделал ничего полезного, как и за всю предыдущую жизнь.

А ведь он мог. Он понимал, зачем. И даже решился, отчаянным рывком переломив что-то важное в себе. Но дракон выбрал Гасталлу.

И Шадек обрадовался. Ему не нужно было лишаться своей силы.

Но прошло два дня — и Шадек стал ощущать себя репьем на собачьем хвосте, который просто тащится куда-то вслед за собакой, не принося ни вреда, ни пользы. Он не верил в эту затею, он не хотел этой поездки, ни к чему не стремился и ни за что не боролся. И когда раз в жизни он решился поставить кого-то выше себя самого, поступить как добросовестный маг — его жертва оказалась вторичной, лишней, негодящей.

Первая радость уступила место возмущению и обиде.

Шадек вынырнул, перехватил воздуха и снова нырнул, поплыл в другую сторону. Зря эта вода не ледяная.

Но он им всем еще покажет. Он еще может принести пользу. Много-много пользы! Как положено толковому магу, занятому не только собой. И даже больше, потому что сил у него хватит на пару-тройку толковых магов.

Первым делом следует сгрузить с Бивилки часть гласнических обязанностей. Незрячая магичка со всеми делами не справится.

Она вообще мало с чем теперь справится. Нужно будет о ней позаботиться.

Шадек вынырнул, перевернулся на спину и открыл глаза. Зимнее небо тут было не серо-белым, как в Ортае, а ярко-голубым. По нему, будто танцую, кружилась пара драконов, песочный и бурый.

Что-то изменилось в его отношении к Бивилке. И он даже не понял, когда. С первых школьных лет он привык относиться к ней тепло и снисходительно, беззлобно подначивать и стоять за нее горой, как за любого из школьных друзей.

Конечно, еще в первый год учебы Шадек заметил ее восторженно-трепетливую влюбленность. Но Бивилка была слишком дорога ему, чтобы просто попользоваться ее чувствами, и недостаточно хороша, чтобы искренне разделить их. Так оно все шесть лет и проболталось — никак, в его шуточках и ее свекольных щеках.

Потом, в послешкольной жизни, детская влюбленность Бивилки переросла в привычную взрослую безнадежность. Смуцаться и маяться магичка перестала и смирилась с тем, что будет вечно таскать свои неуместные чувства, как занудно зудящую ранку.

Шадек по-дружески заботился о Бивилке — до этой самой поездки. Когда вдруг понял, что легче было бы ему лишиться зрения, чем видеть, как мучается она. Что лучше он отдаст самое дорогое, что у него есть — магическую силу, — чем допустит, чтобы это сделала она.

Непредвиденные нежные чувства в оправе из ощущения собственной бесполезности. Как воодушевляюще.

Ничего не придумав, Шадек перевернулся на живот и поплыл к берегу.

Пора делать со своим магическим даром что-нибудь посерьезней восторженных воплей.

Он сможет. Он справится. Сил у него в достатке, было бы желание. Он столько полезного сделает, что Страж, не приходя в сознание, от изумленья в Чашу рухнет.

Бивилка стояла на берегу озера, задрав голову к небу, где играли меж облаками два дракона. Отросшие ниже ушей волосы делали ее еще больше похожей на одуванчик.

— Ты что тут делаешь? — воскликнул Шадек, выходя из воды. — Ты как дошла сюда одна? Ты же могла грохнуть по дороге, заблудиться! С ума сошла?

Бивилка обернулась к нему с улыбкой и тут же отвела взгляд, залившись краской.

— Я вижу.

Пылающие щеки убедили Шадека лучше самых проникновенных слов. Однако натягивать штаны он не бросился, вместо этого крепко ухватил магичку за подбородок, развернул лицом к себе, подвигал его влево-вправо. Глаза у нее были самые обычные — ореховые, смущенные, зрячие. Разглядев вблизи глубокие рваные шрамы на его висках, магичка смутилась еще больше.

— Значит, так, да? Почему Рогуша не сказала, что ты не навсегда ослепнешь?

— Говорит, что не знала. Хотя могла бы догадаться, — и, подражая тягуче-шелестящему голосу, Бивилка проговорила: — «Если не вернуть магу зрение, он сможет найти драконов снова. А зачем им это нужно? В конце концов это не важно — навсегда или нет. Важно, чтобы взаправду!»

— Это правильно, — согласился Шадек и выпустил ее подбородок. — Я рад. Честно. Как раз пытался представить, сколько хлопот будет Мошуку с незрячим гласником.

Бивилка рассмеялась. Сегодня ничто не могло испортить ее настроения.

— Как думаешь, у них там все в порядке? В Мошуке? — спросила она, просто чтобы не молчать. Голый Шадек, конечно, восторгал ее, но и смущал неописуемо.

— Нет. — Он добрался наконец до одежды, с трудом принялся натягивать штаны на мокрые ноги. — Я думаю, у них там все очень сильно не в порядке и им до зарезу нужен еще один гласник.

Несколько вздохов понадобилось Бивилке, чтобы понять, о чем он говорит.

— Ты же это не всерьез?

— Всерьез. И надолго. — Шадек подумал и добавил: — И это я тоже всерьез.

И поцеловал ее.

Бивилка пискнула и вцепилась в него так сильно, что Шадек рассмеялся. Отстранился.

— Это тоже надолго? — Она держалась за его мокрые плечи и была пронзительно-малиновой.

— Я не знаю, — беспечно ответил он и ухмыльнулся, — но ведь это не важно, навсегда или нет. Важно, чтобы взаправду.

В ярком небе лениво вылезло из-за пушистого облака мягкое зимнее солнце. В его лучах упоенно кувыркались два молодых дракона: песочный и бурый.